Сельский Е. По пути к свободе

РУССКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°

Е. СЕЛЬСКІЙ (Евг. Печоркинъ).

ПО ПУТИ КЪ СВОБОДѢ.

Возникновеніе и развитіе рев.-соціалистическихъ идей въ Россіи въ теченіе ста лѣтъ до нашихъ дней.

2-е изданіе.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверской бульваръ, 15.
ТЕЛЕФОНЫ: 57-86 и 3-51-36.

РУССКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°

Е. СЕЛЬСКІЙ (Евг. Печоркинъ)

ПО ПУТИ КЪ СВОБОДѢ.

Возникновеніе и развитіе рев.-соціалистическихъ идей въ Россіи въ теченіе ста лѣтъ до нашихъ дней.

2-е изданіе.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверской бульваръ, 15.
ТЕЛЕФОНЫ 57-69 и [illegible]36.

Е. Сельскій (Е. Печеркинъ).

По пути къ свободѣ.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ И РАЗВИТІЕ РЕВ. СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ВЪ РОССІИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ СТА ЛѢТЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

2-ое, дополненное изданіе.

МОСКВА.
1918.



Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Настоящая книга составлена изъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ революцію 1905 года и повторенныхъ въ 1917 году. 1-е изданіе книги почти цѣликомъ погибло на кострѣ реакціи. Краткаго, болѣе или менѣе общедоступнаго историческаго обзора постепеннаго развитія соціалистическихъ идей, насколько намъ извѣстно, не существовало при первомъ изданіи этихъ очерковъ, не существуетъ и теперь. Между тѣмъ потребность русской демократіи въ углубленіи своего знакомства съ соціалистическими партіями неизмѣримо выросла. Активное участіе въ избирательной кампаніи обязываетъ дѣятелей знать не только программы партій, но и ихъ исторію.

Знаніе всякаго явленія возможно только при историческомъ ознакомленіи съ нимъ.

Эта задача практическая. 2-я задача нашего обзора теоретическая. Въ ближайшее время неизбѣжно предстоитъ пересмотръ соціалистическихъ программъ, созданныхъ при условіяхъ совсѣмъ не похожихъ на современныя. Непосредственное участіе самихъ трудовыхъ слоевъ демократіи въ этомъ пересмотрѣ безусловно необходимо. Эта книга должна послужить пособіемъ для критическаго отношенія къ программамъ. Указанныя обстоятельства побудили автора выпустить 2-е изданіе книги, дополнивъ ее обзоромъ послѣдняго десятилѣтія съ 1906 по 1917 г.

2-е изданіе, какъ въ свое время и 1-е, выпускается въ порядкѣ спѣшности, поэтому да не посѣтуетъ читатель за невольные пропуски и недомолвки.

Свою исторію рев. соц. мысли мы начали съ декабристовъ, хотя въ этотъ періодъ соціалистическихъ стремленій еще не проявлялось, если не считать Пестеля, идеи котораго имѣли окраску соціализма. Сдѣлать это мы нашли нужнымъ потому, что русскій соціализмъ всегда былъ революціоннымъ соціализмомъ, а декабристы положили первое начало русскому революціонному движенію.

Авторъ.

I

Декабристы.

Революціонное движеніе въ Россіи есть плодъ XIX вѣка. Это не значитъ, что до XIX вѣка порабощенная Россія мирно сносила гнетъ поработителей. Нѣтъ, крестьянство всегда враждебно относилось къ помѣщикамъ и то здѣсь, то тамъ проявляло эту свою вражду убійствами, поджогами, массовыми побѣгами и грабежами; временами эта вражда проявлялась и всеобщими открытыми возстаніями противъ крѣпостного рабства и противъ роста государственной власти, за землю и волю: таковы были бунты Разина, Пугачева и гайдамачина въ Малороссіи. Но это были скорѣе взрывы негодованія, протесты противъ нестерпимаго гнета, безъ пониманія способовъ избавленія отъ угнетателей, безъ достаточнаго участія элемента сознанія, почему они и называются стихійными движеніями въ отличіе отъ революціи, отъ возстанія при участіи элементовъ, сознающихъ какъ цѣль возстанія, такъ и средства, ведущія къ достиженію побѣды.

Великая французская революція 1789 г., уничтожившая феодальное крѣпостное господство дворянства и духовенства, а вмѣстѣ съ ними и самодержавіе королевской власти, выдвинувши на поверхность исторіи 3-е сословіе—промышленный классъ, подъ знаменемъ свободы, равенства и братства, всколыхнула всю Европу. Не осталась внѣ ея вліянія и крѣпостническая Россія.

Западный ураганъ засталъ Россію въ самомъ жалкомъ положеніи: первобытное состояніе земледѣлія, натуральное хозяйство (каждое хозяйство производило для себя почти все необходимое для жизни,—съѣстные припасы, одежду и пр.) и связанное съ нимъ отсутствіе раздѣленія труда, отсутствіе торговли, первобытные пути сообщенія и жалкое состояніе промысловъ. Въ соотвѣтствіи съ состояніемъ производства находилось въ то время и устройство общества, и положеніе производительнаго класса.

Классъ производителей, крестьянство, находилось въ полномъ рабскомъ подчиненіи у помѣщиковъ на положеніи рабочаго скота. Безжалостная эксплуатація, торговля людьми въ розницу и цѣлыми деревнями, игра на нихъ въ карты, вскармливаніе грудями крѣпостныхъ женщинъ борзыхъ щенятъ, битье, порки, мракъ, поддерживаемый попами и безграмотностью. Надъ рабами возвышалось помѣстное дворянство, освобожденное отъ обязательной службы, но находившееся также въ рабскомъ подчиненіи у своего государя. Грубость нравовъ, лѣнь, невѣжество, отсутствіе какихъ бы то ни было высшихъ интересовъ—общественныхъ, политическихъ или культурныхъ, обжорство, развратъ—вотъ характерныя черты этого класса, очерченныя Фонвизинымъ, Радищевымъ и другими писателями того времени, а впослѣдствіи такъ хорошо изображенныя Гоголемъ. Надъ этой обломовщиной возвышалась дворянская аристократія, придворная и столичная служилая знать, которой не чужды были интересы высшаго порядка. Она зачитывалась французской литературой--временъ Людовика XVI. Въ ея среду проникали произведенія французскихъ вольнодумцевъ (Вольтеръ, Дидро, Д'Аламберъ). Она только и представляла собою такъ называемое образованное общество.

Самъ императоръ Александръ I въ первые годы своего царствованія задавалъ тонъ этой средѣ. Воспитанный швейцарскимъ республиканцемъ Лагарпомъ, царь окружилъ себя лучшими людьми своего времени. Послѣ офиціальныхъ пріемовъ онъ удалялся въ кабинетъ со своими друзьями Новосильцевымъ, Чарторыжскимъ, Строгановымъ и Кочубеемъ для бесѣды о благоденствіи Россіи.

Это не могло не отразиться на настроеніи аристократической образованной молодежи. Вотъ изъ этой-то среды и появились первые ростки молодой революціонной Россіи.

Огромное значеніе для русскаго общества имѣло вторженіе Наполеона I въ Россію въ 1812 году и послѣдовавшія засимъ событія. По выраженію одного изъ солдатъ того времени, «вся Россія пошла въ походъ».

Русской арміи, прогнавшей французовъ, пришлось пробыть годъ въ Германіи и нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Эти обстоятельства были сильнѣйшими толчками въ нашемъ общественномъ развитіи. Пребываніе за границей сильно измѣнило воззрѣнія молодыхъ офицеровъ. «При такой обстановкѣ каждый изъ насъ выросъ,—говоритъ Якушкинъ,—въ продолженіе 2-хъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ

участвовали въ нихъ, теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на сто лѣтъ впередъ».

Съ другой стороны, императоръ Александръ I, по возвращеніи изъ-за границы, рѣзко измѣнился. Все управленіе государствомъ онъ передалъ знаменитому временщику графу Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи же его интересовало болѣе всего увеличеніе войскъ. «Разводы, парады и военные смотры были его почти единственными занятіями, заботился же онъ только о военныхъ поселеніяхъ и устройствѣ большихъ дорогъ по всей Россіи. О русскихъ онъ сталъ отзываться такъ: «каждый изъ нихъ или плутъ или дуракъ» (Якушкинъ). Цѣлыя селенія превращаются въ солдатскія казармы, отбираютъ у крестьянъ дома и имущество. Мужикамъ сбриваютъ бороды, надѣваютъ солдатскія шинели, расписываютъ по ротамъ и капральствамъ. Возлагаютъ обязанности по службѣ и работу въ полѣ не для семьи, а для полка. Это вызывало возмущенія, которыя жестоко подавлялись. Послѣ бунта въ Семеновскомъ полку Александръ «окончательно перешелъ отъ народовъ, имъ прежде защищаемыхъ, на сторону властей и во всѣхъ случаяхъ почиталъ теперь своею обязанностью защищать священныя права царей» (Якушкинъ). Съ этихъ поръ начались жестокія преслѣдованія всего передового и полное презрѣніе къ народу. Нищета, рабство, косность крестьянъ, 25-лѣтняя каторжная служба солдатъ съ батогами и шпицрутенами, деспотизмъ царя — все это не могло не подѣйствовать отталкивающимъ образомъ на сдѣлавшуюся воспріимчивой душу образованной военной молодежи.

Недовольство отразилось во всѣхъ кругахъ образованнаго общества. Въ петербургскихъ гостиныхъ стали разсуждать о реформахъ, улучшеніяхъ, о представительномъ правленіи. Наиболѣе одушевленные приступили прямо къ дѣлу.

Они занялись составленіемъ тайныхъ кружковъ-организацій и выработкой плановъ переворота.

Германскій «Союзъ добродѣтели» послужилъ образцомъ для составленія организацій. Среди офицеровъ, по преимуществу гвардейскихъ полковъ, образовалось тайное общество подъ названіемъ «Союза благоденствія».

Одни, болѣе умѣренные члены его, хотѣли всѣми законными средствами помочь правительству постепенно производить реформы, клонящіяся на пользу народа. Другіе не вѣрили въ эту возможность и на-

ходили, что правительство, его агенты и дѣйствія не могутъ быть улучшены частичными реформами, пока остается въ силѣ вся система. Для уничтоженія безправнаго положенія народа необходимо было, по ихъ мнѣнію, измѣнить самый образъ правленія.

Вслѣдствіе этихъ разногласій «Союзъ благоденствія» распался въ 1821 году. Вмѣсто него образовались 2 новыхъ тайныхъ общества: «Сѣверное» въ Петербургѣ и «Южное» въ Тульчинѣ—главной квартирѣ южной арміи. Въ сѣверномъ обществѣ главную роль игралъ поэтъ К. Ѳ. Рылѣевъ. Душой и руководителемъ Южнаго общества былъ полковникъ П. И. Пестель. По цѣлямъ и средствамъ своимъ оба общества были чисто революціонными. Имѣлось въ виду организовать обширное возстаніе, захватить власть и замѣнить самодержавіе народнымъ представительствомъ. На счетъ формы правленія руководители обществъ первоначально расходились: Сѣверное ограничивалось конституціонной монархіей, Южное же желало ввести республику. Въ концѣ концовъ оба общества рѣшили, въ случаѣ удачи возстанія, «предложить корону Александру I, какъ конституціонному монарху, если же онъ отвергнетъ это предложеніе, смѣнить династію и провозгласить союзную республику».

Экономическія требованія были довольно туманны и клонились къ уничтоженію крѣпостного рабства. При выполненіи плана рѣшено было взять въ плѣнъ императора, когда онъ пріѣдетъ на маневры южной арміи; немедленно вслѣдъ за этимъ занять Бобруйскъ и вступить въ сношенія съ Варшавой и Петербургомъ, гдѣ остальные заговорщики должны примкнуть къ возстанію, арестовать самыхъ вліятельныхъ противниковъ, между прочимъ, брата императора, наслѣдника престола. Исполненіе плана рѣшено было провести въ 1826 году во время маневровъ.

Члены союза работали около 8-ми лѣтъ надъ организаціей своего Союза путемъ вербовки членовъ и подготовки солдатъ. Внезапной смертью Александра I подготовительная ихъ дѣятельность, не будучи доведена до конца, была прервана. Заговорщики рѣшили однако, что насталъ часъ дѣйствовать рѣшительно. Константинъ отрекся отъ престола, вступилъ на престолъ Николай, и вотъ въ день объявленія вступленія на престолъ новаго императора и приведенія къ присягѣ, 14-го декабря 1825 года, рѣшено было вывести войска, которыми командовали заговорщики, на Сенатскую площадь и отказаться отъ присяги Николаю, требуя конституціи. Хотя въ успѣхъ было мало вѣры, но общее настроеніе было таково:

жить такъ нельзя, для спасенія Россіи необходимо пожертвовать собой.

14-го декабря, на зарѣ, заговорщики-офицеры подняли своихъ солдатъ Московскаго полка, матросовъ гвардейскаго экипажа и многихъ другихъ. Но прежде чѣмъ они успѣли выйти изъ казармъ, высшее начальство отъ предателей узнало о предстоящемъ и старалось помѣшать. Однако офицерамъ удалось увлечь большую часть войскъ и вывести на Сенатскую площадь. Много вооруженныхъ гражданъ присоединилось къ военнымъ. Составили карре вокругъ статуи Петра Великаго, съ намѣреніемъ въ крайнемъ случаѣ сразиться съ войсками Николая. Послышались крики о свободѣ и конституціи. Николай выставилъ навстрѣчу свои войска, но не зная размѣровъ возмущенія и намѣреній заговорщиковъ, приказалъ сначала петербургскому митрополиту Серафиму попробовать убѣдить мятежниковъ сдаться и сложить оружіе. Митрополита вѣжливо попросили удалиться. Верхомъ выѣхалъ генералъ Милорадовичъ и приказалъ мятежникамъ разойтись. Въ отвѣтъ на это раздался выстрѣлъ, и генералъ упалъ на землю смертельно раненымъ. Тогда Николай, находившійся среди войскъ, приказалъ кавалеріи произвести атаку. Генералъ Орловъ три раза былъ отброшенъ со своимъ войскомъ. Послышалась команда стрѣлять артиллеристамъ, но выстрѣла не послѣдовало. «Слышалъ ли ты приказъ?» въ ярости заревѣлъ офицеръ на солдата, стоявшаго у перваго орудія. «Ваше высокоблагородіе... да вѣдь это наши»... Однако вскорѣ раздался залпъ картечи, и ряды возставшихъ быстро порѣдѣли. Остальные храбро защищались, но были безсильны сопротивляться правительственной артиллеріи. Николай побѣдилъ. То же произошло и въ южной арміи. Началась безпощадная месть со стороны царя. Пестель, Рылѣевъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Каховскій были повѣшены. Такихъ казней давно не было на Руси. Палачъ не зналъ своего ремесла и сдѣлалъ дѣло такъ плохо, что Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ-Апостолъ, сорвавшись съ петли, упали на землю, причемъ послѣдній сломалъ себѣ ногу. Генералъ Чернышевъ, распоряжавшійся казнью, приказалъ повѣсить ихъ вторично.

116 заговорщиковъ, принадлежавшихъ къ образованному классу, были отправлены въ Сибирь на каторгу и поселеніе. Сотни солдатъ были запороты до смерти. Другіе были замучены въ исправительныхъ заведеніяхъ. Тысячи погибли на каторгѣ.

Такъ кончилась первая попытка молодой Россіи къ освобожденію

отъ деспотизма, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ возстанія декабристовъ. Настала мрачная эпоха Николаевщины. Все вниманіе царя и его совѣтниковъ было направлено на то, чтобы сохранить свою власть во всемъ ея всемогуществѣ. Душилось всякое проявленіе мысли, воли, самодѣятельности. Строжайшая цензура вымарывала басни Крылова, не исключала даже транспарантовъ для чистописанія изъ подъ своего контроля. Въ каждомъ министерствѣ была особая цензура. Были приняты самыя строгія мѣры, чтобы очистить университеты отъ духа свободы и замѣнить духомъ православія и военнымъ фронтомъ. Литература опустѣла. Подкупность и квасной патріотизмъ были тогда характерными ея чертами. Шпіонство, казематы, ссылки были широко пущены въ ходъ. Произволъ и взяточничество царили всюду. Крѣпостное право было въ полномъ разгарѣ. Хотя и было учреждено 10 секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, но они были бездѣятельны. Николай говорилъ, что «крѣпостное право—зло, но прикасаться къ нему есть бо̀льшее зло». Крестьяне протестовали самоубійствами, жалобами, поджогами помѣщиковъ, сѣченіемъ ихъ розгами, бѣгствомъ. Въ 1848 году было 54 случая волненій. Но все подавлялось вооруженной силой.

Испуганное, растерявшееся высшее общество упало. «Аристократическая независимость, гвардейская удаль Александровскихъ временъ—все это исчезло съ 1826 года» (Герценъ).

II.

30-е и 40-е годы. Московскіе и петербургскіе кружки. Герценъ и Огаревъ. Кружокъ Петрашевцевъ. Происхожденіе русскаго соціализма.

Но разъ «Россія пошла въ походъ», она уже не могла остановиться. Декабристы погибли, но духъ декабристовъ остался жить. Общественное самосознаніе стало расширяться. Идеи вѣка проникли въ слѣдующій нижележащій слой средняго дворянства и образованнаго чиновничества. Новое поколѣніе молодежи — дѣти усадебныхъ дворянъ становились въ тупикъ отъ противорѣчій между идеалами и дѣйствительностью.—«Учитель, книги, университетъ говорили одно, и это одно было понятно уму и сердцу. Отецъ съ матерью, родные и вся среда говорили другое, съ чѣмъ ни умъ, ни сердце не могли согласиться.

Противорѣчіе это между воспитаніемъ и правами нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ дворянской Руси» (Герценъ).

«Воспитаніе насъ очеловѣчивало»,—говоритъ Герценъ—«но человѣка-то именно и не нужно было ни для іерархической пирамиды, ни для преуспѣянія помѣщичьяго быта. Приходилось или снова расчеловѣчиваться—такъ толпа и дѣлала,—или пріостановиться и спросить себя: «да нужно ли непремѣнно служить!.. хорошо ли дѣйствительно быть помѣщкомъ?»

И вотъ молодежь 30-хъ и 40-хъ годовъ принимается искать выхода изъ трагическаго положенія. Общественная мысль на этотъ разъ пробуждается въ средѣ университетской молодежи Москвы и Петербурга. Въ Москвѣ образовалось два кружка, получившихъ извѣстность. Одинъ изъ нихъ (1831 г.) образовался вокругъ Герцена и Огарева и былъ проникнутъ идеями французскихъ общественныхъ мыслителей. Послѣ французской революціи 1830 г. идеи французскихъ соціалистовъ произвели сильное впечатлѣніе на умы московской молодежи. «Въ этой доктринѣ въ Россіи видѣли выраженіе чувства, болѣе отвѣчающаго основнымъ стремленіямъ нашей души, чѣмъ чисто политическія теченія, ибо у насъ уже привыкли къ общинѣ, передѣлу земли, къ рабочимъ артелямъ», говоритъ иниціаторъ кружка Герценъ. «Ученіе французскаго соціальнаго мыслителя Сенъ Симона, такъ называемый сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ». Мечтою кружка было образовать общество подобное декабристамъ. Въ чемъ собственно состояло ихъ ученіе? «Мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, потомъ мы проповѣдывали сенъ-симонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе въ одномъ обществѣ. Но пуще всего мы проповѣдывали ненависть ко всякому насилію и правительственному произволу», говоритъ о своемъ кружкѣ Герценъ. За это въ 1834 году члены кружка были арестованы и приговорены къ смертной казни, но наказаніе смягчено ссылкой. Второй болѣе многочисленный московскій кружокъ объединился вокругъ Станкевича. Въ составъ его входили Грановскій, Боткинъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, Аксаковъ и др. Кружокъ вдохновлялся и увлекался исключительно нѣмецкой философіей Шеллинга, Фихте и Гегеля. Занимались вопросами искусства и литературы, къ политическимъ же и соціальнымъ вопросамъ относились болѣе чѣмъ равнодушно. Членъ кружка геніальный литературный критикъ Бѣлинскій подъ вліяніемъ этой философіи въ

письмѣ своемъ къ пріятелю въ 1837 г. писалъ: «Только въ философіи ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ. Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла и ею могутъ заниматься только пустыя головы»... «Въ понятіи нашего народа свобода есть воля, а воля озорство. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ». «Истинная безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи умозрительной (вышеназванные нѣмецкіе философы)[1]), а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла»[2]).

Наши философы настолько увлекались знаменитымъ утвержденіемъ Гегеля: «что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то дѣйствительно», что, руководствуясь имъ, Бѣлинскій на вопросъ, обращенный къ нему Герценомъ, призналъ, что «чудовищное самодержавіе царя, такъ какъ оно существуетъ, то стало быть разумно и должно существовать».

Члены этихъ двухъ московскихъ кружковъ, личные между собою друзья, находились по своимъ убѣжденіямъ на положеніи непримиримой войны. «Имъ не нравилось, говоритъ Герценъ—наше почти исключительно политическое направленіе; намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами (бунтовщиками) и французами, мы ихъ—сентименталистами (нѣженками) и нѣмцами». Понятно, что живые, любящіе родину высокоодаренные «философы» не могли долго выдержать тяжелый гнетъ нѣмецкаго холоднаго умозрѣнія, спокойно созерцать всю мерзость запу-

---

[1]) Умозрительная философія учила, что понять истину о мірѣ можно только путемъ чистаго размышленія надъ понятіями, путемъ отвлеченной мысли, а не черезъ опытъ и наблюденіе вещественнаго, насъ окружающаго міра. Да и самый міръ и міровыя явленія умозрители считали проявленіемъ высшей сущности, какъ они говорили «субстанціи» міра, «саморазвитія разума», саморазвитія мыслей, которыя выявляются въ ощущаемомъ нами мірѣ вещей.

[2]) Философы эмпирики, наоборотъ, источникомъ познанія считаютъ человѣческій опытъ, полученный нами изъ окружающаго насъ міра вещей и изъ внутренняго духовнаго міра, т. е. изъ своихъ чувствованій и мыслей. Мышленію эти философы придавали роль не самого изъ себя творящаго, а только роль аппарата, формующаго тотъ матеріалъ, который мы получаемъ отъ окружающаго міра.

стѣнія окружающей дѣйствительности. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи (40-е годы) произошелъ переворотъ. Бакунинъ уѣхалъ за границу и продолжалъ быть гегельянцемъ, но примкнулъ уже къ его лѣвому крылу подъ знакомъ Фейербаха, исходящаго отъ Гегеля, но объявившаго безпощадную борьбу прежнему гегельянскому міросозерцанію. Большая часть членовъ кружка сблизилась съ Герценомъ и Огаревымъ и образовала такъ называемый лагерь западниковъ, другая часть во главѣ съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ—лагерь славянофиловъ.

Въ то же время, хотя немного позднѣе, въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ молодежь съ жадностью поглощаетъ французскую соціалистическую литературу и проникается идеями первыхъ вождей соціализма. Теорія Прудона «о собственности», въ которой онъ утверждаетъ, что собственность есть «кража», фаланстеры Фурье, Луи-Бланъ съ его организаціей національныхъ мастерскихъ, англійскій соціальный реформаторъ Оуэнъ — всѣ эти ученія образовали «особенную школу», какъ говоритъ современникъ движенія Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Горячимъ проповѣдникомъ новаго ученія былъ тогда Петрашевскій.

Послѣдній собралъ вокругъ себя обширный кружокъ интеллигентной молодежи: литераторовъ, учителей, чиновниковъ. Члены кружка тщательно изучали и подвергали обсужденію ученія французскихъ соціалистовъ. На собраніяхъ они горячо обсуждали общественные порядки въ Россіи, вопросы о политической свободѣ, республикѣ, гласномъ судѣ, крѣпостномъ правѣ. При этомъ приходили къ заключенію, что нужно дѣйствовать революціоннымъ способомъ. Петрашевцы старались всюду будить общественную мысль. Съ этою цѣлью они образовывали подобные же кружки въ разныхъ городахъ. Знаменитое письмо Бѣлинскаго служило петрашевцамъ однимъ изъ средствъ пропаганды. Бѣлинскій, крупнѣйшій мыслитель западническаго кружка, отказавшись отъ односторонняго увлеченія философіей Гегеля и признанія всего дѣйствительнаго разумнымъ, въ своемъ письмѣ изъ-за границы къ Гоголю (1847 г.) видитъ только исключительно въ писателяхъ, «несмотря на татарскую цензуру», единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности.

Петрашевскій издалъ «Карманный словарь иностранныхъ словъ», въ которомъ распространялъ тѣ же идеи. Карманный словарь, по выраженію агента Мин. Внутр. Дѣлъ, «былъ наполненъ ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ». Самъ Петрашев-

скій былъ горячимъ поклонникомъ Фурье, проповѣдовавшимъ организацію общественныхъ работъ въ общинѣ, т.-е. коммунизмъ. Къ кружку Петрашевскаго примкнули самыя крупныя въ то время интеллигентныя силы Петербурга—Ахшарумовъ, Европеусъ, братья Дебу, Ханыковъ и др. Великіе писатели русской земли также приняли горячее участіе въ кружкѣ. Сказывалось вліяніе Бѣлинскаго, который вслѣдъ за Бакунинымъ перешелъ на лѣвое крыло гегельянства и сдѣлался пламеннымъ сторонникомъ соціализма. «Идея соціализма стала для меня бытіемъ бытія, идеею идей, альфой и омегой вѣры и знанія. Она поглотила и исторію, и религію, и философію».

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ источникахъ своего обновленія: «французы не понимаютъ абсолютнаго ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ знаніи, да не это ихъ назначеніе; Германія нація абсолютная, но государство позорное». «Французы энергическій, благородный народъ, льющій кровь свою за священнѣйшія права человѣка».

Принималъ участіе въ кружкѣ Достоевскій, который и поплатился за это каторгой. Знаменитый нашъ сатирикъ Салтыковъ-Щедринъ также примыкалъ сюда, какъ онъ выражается по цензурнымъ условіямъ, къ «западникамъ», «но не къ большинству западниковъ,—говоритъ онъ о себѣ въ статьѣ «За рубежемъ»,—которое занималось популяризированіемъ (распространеніемъ) нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи, разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо (короля и его министра), а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла наша увѣренность, что «золотой вѣкъ» не позади, а впереди насъ». Здѣсь же были поэтъ Плещеевъ, Данилевскій и другіе писатели. Мечтая о близкомъ водвореніи въ Россіи новаго соціальнаго порядка, петрашевцы выдвигали на первый планъ экономическія преобразованія, политика же отодвигалась для нихъ на задній планъ. Такое, казалось бы, безвредное для правительства Николая I направленіе общественной мысли вызвало однако жестокую расправу. Кружокъ просуществовалъ 4 года, и въ 1849 году 40 человѣкъ по «дѣлу петрашевцевъ» были арестованы; изъ нихъ 21 приговоренъ къ смертной казни, которая «по особому милосердію государя», какъ сказано въ указѣ, была замѣнена каторгой, (9), арестантскими ротами и линейными баталіонами.

Мы несоразмѣрно долго остановились на этомъ первомъ моментѣ

русскаго соціализма, потому что находимъ, что этотъ моментъ зарожденія движенія очень характеренъ для всего послѣдующаго.

Поэтому останавливаемъ вниманіе читателя па томъ, что изъ изложеннаго выяснилось, что русскій соціализмъ получилъ свое питаніе отъ двухъ корней: французскаго соціализма съ одной стороны и нѣмецкой умозрительной философіи съ другой стороны.

Эти два начала русскаго соціализма наложили печать на все дальнѣйшее развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи.

III.

Западники и славянофилы.

Выяснивъ источники вдохновенія русской общественной мысли, мы вернемся теперь къ московскимъ кружкамъ и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Мы сказали, что московская передовая интеллигенція распалась на славянъ и западниковъ. Тѣ и другіе стараются усвоенныя ими западныя идеи приспособить къ условіямъ русской жизни. Славянскій кружокъ погрузился въ глубь русской исторіи и въ изученіе русской народности. Западники хотятъ во всемъ подражать западу.

Философія Гегеля въ то время овладѣла умами не только русской, но ивсей западной интеллигенціи. И всѣ эти кружки развивались подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ гегелевской философіи. Увлеченіе Гегелемъ доходило до смѣшного. «Отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической (отвлеченной) тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы «отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ»; и если ему попадется по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступившая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но «опредѣлялъ субстанцію (сущность) народную въ ея непосредственномъ случайномъ явленіи». Самая слеза, навертывав-

шаяся на вѣки, была строго отнесена къ своему порядку, къ «Гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ» (Герценъ). Въ то время какъ кружки занимаются философскими умозрѣніями, появляется, какъ молнія среди яснаго неба, въ 1836 году знаменитыя «Философическія письма» Чаадаева. Проникнутыя мрачной безнадежностью, они потрясли всю мыслящую Россію. Чаадаевъ, принадлежавшій къ поколѣнію декабристовъ, въ своемъ письмѣ произнесъ безпощадную критику всему русскому и вынесъ «мрачный обвинительный приговоръ Россіи».

Вотъ что говорилъ Герценъ о впечатлѣніи, которое произвело письмо: «Мысль томилась, работала, но еще ни до чего не доходила. Говорить было опасно, да и нечего было сказать. Долго оторванная отъ народа часть Россіи прострадала молча, подъ самымъ прозаическимъ, бездарнымъ, ничего не дающимъ игомъ. Каждый чувствовалъ гнетъ, у каждаго было что-то на сердцѣ, и все-таки всѣ молчали; наконецъ, пришелъ человѣкъ, который по-своему сказалъ. Онъ сказалъ только про боль; свѣтлаго ничего не было въ его словахъ, да и нѣтъ ничего и во взглядѣ. Письмо Чаадаева—безжалостный крикъ боли и упрека петровской Россіи; она имѣла право на него; развѣ эта среда жалѣла, щадила автора или кого-нибудь». Николай приказалъ объявить автора сумасшедшимъ и обязать подпиской ничего не писать, издателя сослать, а цензора уволить въ отставку. Но въ кружкахъ молодежи мысль заработала еще сильнѣе. Молодежь стала искать выхода для Россіи изъ безнадежнаго, какъ казалось тогда, положенія. Рѣзче обозначились два лагеря: «славянъ» (послѣ названныхъ славянофилами) и «западниковъ».

Оба лагеря исходили изъ одной и той же философіи Гегеля, но пошли разными путями. Началась ожесточенная борьба между ними, слѣды которой дошли и до нашихъ дней. Намъ нѣтъ надобности излагать подробно здѣсь взгляды той и другой школы, но отмѣтимъ только тѣ пункты споровъ, которые отразились на дальнѣйшемъ развитіи общественно-политическаго самосознанія Россіи. Прежде, однако, сдѣлаемъ маленькое отступленіе на западъ, который оказывалъ все большее и большее вліяніе на русскую жизнь и мысль.

Старый феодальный «крѣпостной» порядокъ во Франціи, основанный на произволѣ, насиліи и привилегіяхъ, не сразу уступилъ мѣсто новому, буржуазно-правовому порядку, основанному на промышленности, господствѣ капитала и равенствѣ всѣхъ передъ закономъ. Онъ долго еще много разъ (въ продолженіе всей 1-ой половины XIX столѣтія) поднималъ голову, завладѣвалъ позиціями,

творилъ расправу, отнималъ назадъ всѣ завоеванія буржуазіи, подавляя свободу. Далѣе, вскорѣ же послѣ французской революціи обнаружилось, что всѣми выгодами новаго порядка воспользовался только богатый классъ промышленности—владѣльцы капитала, имуществъ и предпріятій, бѣдный же классъ—рабочіе, ремесленники, крестьяне—оказались, напротивъ, обдѣленными. Крестьянство стало обезземеливаться, пролетаріатъ, т.-е. рабочій классъ, лишенный всякой собственности, сталъ быстро возрастать, сталъ объединяться и возставать противъ своихъ притѣснителей—вчерашнихъ своихъ союзниковъ. Эти факты отразились на мнѣніяхъ русскихъ мыслящихъ людей. Главнымъ поводомъ къ постояннымъ разногласіямъ служили реформы Петра I.

Какъ извѣстно, начало европеизаціи Московской Руси положилъ императоръ Петръ I. Въ цѣляхъ государственной самозащиты, государственнаго управленія онъ своими желѣзными ножницами перекроилъ старозавѣтный дѣдовскій кафтанъ на европейскій камзолъ. Но реформы долгое время держались болѣе области государственной (войско, флотъ, управленіе). «Весь народъ, вся огромная масса русскаго крестьянства и большая часть такъ называемаго у насъ купеческаго сословія продолжали жить такъ, какъ они жили въ старину. По отношенію къ этимъ сословіямъ реформы Петра повели за собой страшный ростъ государственныхъ податей и повинностей, грозившихъ окончательно задавить народъ подъ своимъ бременемъ. Крестьянство протестовало, какъ могло, вооружаясь вилами, топорами, иногда осьмиконечнымъ крестомъ и старой раскольничьей книгой» (Плехановъ).

Западники утверждали, что все несчастіе Россіи — въ ея отсталости, косности. Реформы Петра съ цѣлью европеизаціи Россіи благодѣтельны. Для счастія Россіи необходимо скорѣйшее усвоеніе европейской цивилизаціи и культуры. Россія должна итти по тому же пути, по какому шли всѣ народы Европы. «Роль образованнаго класса,—говоритъ Тургеневъ, западникъ чистой крови,—служить передавателемъ цивилизаціи народу». «*Народъ*, передъ которымъ преклоняются славяне,—*консерваторъ чистой крови и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, въ теплой и грязной избѣ и съ отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставилъ засобой западную буржуазію*». У Бѣлинскаго ни на минуту не возникала надежда, что народъ можетъ освободить и просвѣтить себя своими

собственными усиліями. Въ одной изъ своихъ статей онъ съ убѣжденіемъ говорилъ, что *«прогрессивное у насъ можетъ итти только сверху». «Удачный исходъ крестьянскаго возстанія, подобно Пугачевскому, былъ бы равносиленъ гибели всего насажденнаго въ Россіи Петромъ»*.

«Славяне» держались противоположной точки зрѣнія. Они утверждали, согласно нѣмецкой философіи Шеллинга, что всякій народъ имѣетъ свое историческое призваніе и непремѣнно долженъ внести въ общую сокровищницу человѣчества свою *«національную сущность»*. «Сущность» славянской и особенно русской народности противоположна западному индивидуализму (личному началу) и лежитъ въ *общинномъ бытѣ*. Весь патріархальный бытъ проникнутъ общиннымъ началомъ. «Германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы (соціализма), до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго; это начало даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ западнаго міра». *«Общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей»* (Ю. Самаринъ, 47 года). Западъ отжилъ, не давъ надежды на будущее. Славянству *предстоитъ внести новое, оживляющее начало въ жизнь человѣчества*. У запада нечему учиться: онъ не уберегъ силы народа ни отъ разрушительныхъ бѣдствій революціи, ни отъ развитія пролетаріата.

Петровская реформа съ самобытнаго пути, самой природой заложеннаго, насильственно повела Россію по пути европейскихъ народовъ.—«Выходъ за нами,—говорили славяне (приведено у Герцена), выходъ—въ отреченіи отъ петербургскаго періода, въ возвращеніи къ народу, съ которымъ насъ разобщило иностранное образованіе, иностранное правительство и въ возвращеніи къ прежнимъ нравамъ». При этомъ славянофильство настаивало на необходимости изученія и проведенія въ жизнь народныхъ воззрѣній и обычаевъ, какъ залоговъ «правильнаго просвѣщенія и возвращенія на путь истины для верхнихъ классовъ общества, оторванныхъ реформой отъ народнаго корня» (Пыпинъ).

Ограничимся этимъ. Не будемъ приводить здѣсь тѣхъ нелѣпостей, до которыхъ доходили славяне въ преклоненіи передъ старымъ патріархальнымъ бытомъ, какъ, напримѣръ, преклоненіе передъ православіемъ, единеніемъ царя съ народомъ въ видѣ самодержавія и пр. Герценъ объясняетъ эти взгляды отчасти крайностью и увлеченіемъ спорящей стороны, отчасти тѣмъ, что къ славянофильскимъ

мнѣніямъ примазалась правительственная партія, находившая выгоду въ возвращеніи къ старинѣ.

Это обстоятельство и послужило началомъ къ отклоненію славянофильской партіи вправо подъ руководствомъ Погодина и Шевырева. Славянофильство впослѣдствіи выродилось въ явно реакціонное направленіе. Всѣ эти споры отличались болѣе теоретическимъ характеромъ, они пока мало отражались въ жизни.

А жизнь шла своей чредой. Николаевскій режимъ не позволялъ хотя въ сколько-нибудь замѣтной формѣ проводить на практикѣ вырабатываемые спорящими сторонами взгляды.

Бакунинъ, убѣждая Бѣлинскаго уѣхать за границу, говорилъ: «возможно ли человѣку излагать свои мысли и убѣжденія, когда его мозгъ сдавленъ тисками, когда онъ можетъ каждую минуту ожидать, что къ нему явится будочникъ, схватитъ его за шиворотъ и посадитъ въ будку? Непростительно такому даровитому человѣку, подобно безумному моту, расточать свое духовное богатство безъ пользы. Онъ преждевременно истлѣетъ отъ внутренняго огня, который долженъ постоянно тушить въ себѣ».

«Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди»,—пишетъ Герценъ,—«весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ наши страданія—почки, изъ которыхъ разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли, отчего мы лѣнтяи, ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр.? Отчего руки не поднимаются на большой трудъ, отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?»

Сознаніе «ученой ненужности» погнало людей на чужбину. И здѣсь, за границей, уже въ качествѣ бѣглецовъ (эмигрантовъ) наши «философы» развертываютъ во всю свои силы (Бакунинъ, Огаревъ, Герценъ).

Здѣсь, за границей, наши западники, отбросивъ религіозно-государственныя нелѣпости славянофильства, во многомъ соглашаются съ ученіемъ славянофиловъ, и начинаютъ дальше развивать эти основы. Такъ, Герценъ (см. IV т. соч.) писалъ: «На славянофилахъ лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи. Ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни. Православіе славянофиловъ, ихъ историческій патріотизмъ и преувеличенно-раздражительное чувство были вызваны крайностями съ другой стороны. Важность ихъ воззрѣній, ихъ истинная и существенная часть вовсе не въ православіи и не въ исключительной народности, а въ тѣхъ стихіяхъ рус-

ской жизни, которыя они открыли подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи».

«Возвращеніе къ народу они тоже поняли грубо, какъ большая часть западныхъ демократовъ,—принимая его совсѣмъ готовымъ. Они полагали, что дѣлить предразсудки народа значитъ быть съ нимъ въ единствѣ. Что жертвовать своимъ разумомъ вмѣсто того, чтобы развивать разумъ въ народѣ,—великій актъ смиренія. Отсюда натянутая набожность, исполненіе обрядовъ, которые при наивной вѣрѣ трогательны, и оскорбительны, когда въ нихъ видна преднамѣренность.» «Ни Византійская церковь, ни Грановитая палата ничего больше не дадутъ для будущаго развитія славянскаго міра. *Возвратиться къ селу, артели работниковъ, къ мірской сходкѣ, къ казачеству—другое дѣло*, но возвратиться не для того, чтобы ихъ закрѣпить въ неподвижныхъ азіатскихъ кристаллизаціяхъ, а для того, чтобы развить, освободить начала, на которыхъ они основаны, очистить отъ всего наносного, искажающаго, или дикаго мяса, которымъ они обросли—въ этомъ, конечно, наше призваніе» (Герценъ).

«Ошибки славянъ состояли въ томъ, что имъ казалось, что Россія имѣла когда-то свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и, наконецъ, петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла такого развитія и не могла имѣть. То, что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то, что начинаетъ мерцать въ мысли (*т.-е. соціализмъ*), *въ предчувствіи*, то, что *существовало безсознательно въ крестьянской избѣ, въ полѣ*,—то теперь только всходитъ на пажитяхъ исторіи, утучненныхъ кровью, слезами и потомъ двадцати поколѣній». «*Это основы нашего быта*—не воспоминанія, *это живыя стихіи*, существующія не въ лѣтописяхъ; но онѣ только уцѣлѣли подъ трудным историческимъ вырабатываніемъ государственнаго единства и подъ государственнымъ гнетомъ, *только сохранились, но не развились*». «Я даже сомнѣваюсь, говорилъ Герценъ,—нашлись ли бы внутреннія силы для ихъ развитія безъ петровскаго періода, безъ періода европейскаго образованія. Одна мощная мысль запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община (по утвержденію Герцена, открытая въ деревнѣ Хомяковымъ и Аксаковымъ и указанная нѣмцу Гакстгаузену), *раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами собой*, все это *краеугольные камни*, на которыхъ созиждется *храмина нашего будущаго свободно-общин-*

наго строя. Но эти красугольные камни все же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ» (Герценъ, II т.).

«Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, въ то время какъ германскіе народы ее утратили, но это *большое счастіе,* и *его не надо упускать изъ рукъ.* Мы долго ждали, долго времепили. Воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей. Она имъ дорого стоитъ» (Герценъ, II т.).

Но какимъ образомъ произойдетъ это вліяніе западной мысли и оплодотворитъ наши красугольные камни? Объ этомъ Герценъ, очевидно, имѣлъ весьма туманное представленіе, такъ какъ въ виду неудачъ соціальной революціи 48-го года во Франціи отрицалъ способность Европы къ соціалистическому перевороту, а Россію считалъ «къ нему не такъ неспособной».

Отмѣтимъ еще взглядъ Герцена на предстоящее развитіе Россіи въ письмѣ его къ Линтону въ 1850 г. «Должна ли Россія пойти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями нашихъ предшественниковъ, но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія...»

Изложеннымъ въ приведенныхъ выдержкахъ кругомъ идей (эти выдержки относятся большею частью къ времени послѣ 1848 года) сближаются два враждебныхъ доселѣ теченія,—западниковъ и славянофиловъ,—и имъ—этимъ кругомъ мыслей—въ общемъ намѣчается дальнѣйшее развитіе нашей передовой общественной мысли въ Россіи какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни.

IV.

50-е и 60-е годы. Паденіе крѣпостного права; Чернышевскій и Добролюбовъ.

Подъ ледяной корой крѣпостного права Россія, хотя и медленно и уродливо, но все же росла. И лучи свѣта общечеловѣческой мысли сквозь сѣрую солдатскую шинель николаевскаго покроя все же проникали въ Россію. Императоръ Николай приказалъ, «чтобы болѣе не занимались пустой болтовней, чтобы стремленія диллетан-

товъ къ философіи и политикѣ были остановлены» («Древняя и новая Россія», записки Англичанина). Но жизнь приказывала иное.

Ростъ населенія, развитіе потребностей, развитіе промышленности, развитіе государственнаго хозяйства и управленія, все это создавало спросъ на образованныхъ людей. Кругъ образованныхъ мало-по-малу возросталъ. Въ него втягивались постепенно слои низшіе: дѣти мелкихъ дворянъ, мелкихъ чиновниковъ, духовенства, промышленниковъ, однимъ словомъ—среда «разночинцевъ». Центръ тяжести общественнаго движенія мало-по-малу передвигался въ сторону низшихъ слоевъ, стоящихъ ближе къ народу и не привыкшихъ отдѣлять слово отъ дѣла. Въ высшую школу вмѣстѣ со школьными науками стали проникать и «нелегальныя знанія», росло общественное сознаніе. Росло и общественное недовольство. Россія выросла изъ своей крѣпостной одежды, какъ взрослый выростаетъ изъ дѣтскаго платья. Крѣпостной режимъ мѣшалъ ея дальнѣйшему росту, это чувствовалось тогда всей Россіей. Мыслящая часть ея признавала не изъ одного только гуманнаго чувства, а изъ прямого расчета, что государство дальше не можетъ такъ существовать; растущіе крестьянскіе бунты, необходимость для государства денегъ, которыхъ крѣпостной не могъ дать, застой промышленности, требующей государственнаго кредита, устройства дорогъ, просвѣщенія и пр.,—вся жизнь приводила къ необходимости уничтоженія крѣпостного права.

Крымская война и Севастопольскій разгромъ заставили и правительство признать необходимость раскрѣпостить Россію. Общественное возбужденіе къ 60-мъ годамъ возросло въ сильнѣйшей степени. Хотя правительство и занялось подготовленіемъ реформы, хотя Александръ II и пришелъ къ рѣшенію о необходимости произвести переворотъ сверху, чѣмъ дожидаться его снизу, но передовая часть не ждала отъ этого ничего путнаго.

Герценъ изъ Лондона принялся бить набатъ въ свой «Колоколъ». Правда, онъ передъ реформой возлагалъ еще нѣкоторую надежду на то, что царь искренно пойдетъ на помощь крѣпостнымъ крестьянамъ и, пользуясь властью самодержца, сыграетъ великую роль соціальнаго реформатора. Но уже наканунѣ объявленія манифеста другъ Герцена Н. Огаревъ въ «Колоколѣ» отъ 1 янв. 1861 г. развертываетъ революціонную программу.

Кромѣ пунктовъ о свободѣ слова, совѣсти, судѣ присяжныхъ и др., мы встрѣчаемъ здѣсь уже требованіе уничтоженія постояннаго

войска, устраненія всякихъ чрезвычайныхъ положеній, уничтоженія вмѣшательства военной власти въ дѣла управленія и судопроизводства и, наконецъ, созыва областныхъ законодательныхъ думъ, члены которыхъ избирались бы отъ всѣхъ сословій, а во главѣ ихъ союзной думы изъ депутатовъ областей. Вопросъ общиннаго самоуправленія ведетъ къ самоуправленію областному, къ необходимости добровольнаго распредѣленія государства на самостоятельныя области и соединенію ихъ въ общій союзъ. Развитіе союза ведетъ къ федеративному союзному устройству государства.

Въ области экономической авторъ особенно рекомендуетъ устройство банковъ, при чемъ мѣстные банки должны способствовать развитію земледѣлія и потому снабжать общины, съ платой отъ нихъ за пользованіе, полевыми машинами и орудіями, чтобы крестьяне могли обрабатывать участки сплошь, что естественно изъ общиннаго землевладѣнія разовьетъ общинный трудъ, и это можетъ вызвать образованіе поземельныхъ общинъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ землевладѣніе только личное» (К. А. Пажитновъ).

Чернышевскій и Добролюбовъ, сквозь тѣсныя рамки цензуры, ведутъ проповѣдь соціализма и призываютъ отъ словъ перейти къ дѣлу.

Они не возлагаютъ уже никакихъ надеждъ и упованій на культурныхъ русскихъ людей—Обломовыхъ, вскормленныхъ «крѣпостными хлѣбами». Они мечтаютъ уже о «крестьянскомъ топорѣ», о томъ, чтобы помочь народу самому выступить на историческую сцену. Они желаютъ не одного уничтоженія крѣпостного права, а имъ рисуется соціалистическое переустройство общества. Служеніе народу они возводятъ въ долгъ. Они горячо призываютъ выступить на сцену людей дѣла. «Правда, для широкой дѣятельности нѣтъ у насъ широкаго поприща»,—говорилъ Добролюбовъ — «правда, наша жизнь проходитъ въ мелочахъ, глупостяхъ, интригахъ, сплетняхъ, подличаньи; правда, наши гражданскіе дѣятели лишены сердца и часто крѣпколобы; наши умники палецъ о палецъ не ударятъ, чтобы доставить торжество своимъ убѣжденіямъ, наши либералы и реформаторы отправляются въ своихъ проектахъ отъ юридическихъ тонкостей, а не отъ стона и воплей несчастныхъ братьевъ. Все это такъ, но мы все-таки думаемъ, что теперь въ нашемъ обществѣ есть уже мѣсто великимъ идеямъ и сочувствіямъ, и недалеко то время, когда этимъ идеямъ можно будетъ проявиться на дѣлѣ». И люди дѣла не заставили себя долго ждать. Н. Г. Чернышевскій самъ уже принялъ участіе

въ «дѣлѣ», за что и поплатился каторгой. Правительство обвинило его въ участіи въ дѣлѣ Михайлова и составленіи прокламаціи къ «барскимъ крестьянамъ».

* * *

Здѣсь мы должны сдѣлать отступленіе и остановиться на нѣкоторыхъ взглядахъ Н. Г. Чернышевскаго. Этотъ глубокій мыслитель и экономистъ, пользующійся всеобщимъ признаніемъ въ немъ оригинальнаго ученаго не только у насъ, но и за границей, считается «отцомъ русскаго соціализма». И дѣйствительно, если Герценъ намѣтилъ дальнѣйшее развитіе передовой общественной мысли, то Чернышевскій въ своихъ литературныхъ трудахъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Современникъ», поставилъ общественную мысль на прочный научный фундаментъ и явился властителемъ думъ поколѣнія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ и вдохновителемъ передовыхъ борцовъ 70-хъ годовъ.

Въ виду предстоящаго освобожденія крестьянъ Н. Г. Чернышевскій выступилъ съ горячей защитой общиннаго владѣнія землей противъ многочисленныхъ противниковъ изъ ученаго и литературнаго міра передачи земли крестьянамъ на общинныхъ началахъ и сторонниковъ личной поземельной собственности. Въ цѣломъ рядѣ статей (57, 58, 59 гг.) Н. Г. удалось разбить своихъ противниковъ и блестяще отстоять поземельную общину. Онъ доказалъ, что общинное землевладѣніе предохраняетъ населеніе отъ быстраго развитія пролетаріата, что оно нисколько не препятствуетъ развитію сельскаго хозяйства и, наконецъ, что отъ общиннаго землевладѣнія земледѣльцамъ легче перейти къ общественной обработкѣ земли, чѣмъ отъ подворнаго.

«Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ»... Мысль эта, говоритъ Н. Г. Чернышевскій,—рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи, психологіи, доказывающимъ напротивъ, что въ союзѣ укрѣпляется умъ и воля человѣка».

«Введеніе *лучшаго порядка дѣлъ* (соціалистическаго. Е. П.) чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ *безграничнымъ расширеніемъ* юридическихъ *правъ отдѣльной личности*. Братья въ соединеніи живутъ гораздо съ большимъ благосостояніемъ, нежели могли бы жить раздѣлившись (это извѣстно каждому поселянину у насъ). Но для этого нужно пожертвовать частью своего полновластія родовому союзу»...

«Не легко отказываться, хотя бы даже отъ незначительной части

того, чѣмъ уже привыкъ пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только долгій горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній (соціализмъ. Е. П.) соединенъ съ пожертвованіями и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина».

«То, что кажется утопіей въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ»... «Тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго какъ фактъ народной жизни».

Сражаясь съ «философскими предубѣжденіями» своихъ противниковъ, которые опирались на то, что община первобытное учрежденіе и, какъ все первобытное, по гегелевской теоріи развитія, должна разложиться и уступить мѣсто личной собственности, Н. Г. Чернышевскій воспользовался тѣмъ же закономъ развитія явленій, установленнымъ Гегелемъ. «Гегелевской діалектикой» доказалъ онъ, что процессъ развитія не останавливается на частной собственности, что частная собственность на извѣстной ступени развитія снова должна перейти въ свою противоположность, сходную по формѣ съ первоначальной, только съ болѣе широкимъ содержаніемъ. Первобытная коммуна черезъ частную собственность должна перейти къ сознательному устройству общества на коммунистическихъ началахъ. Не обязательно каждому народу въ одинаковой формѣ и продолжительности пройти среднее состояніе, т.-е. періодъ частной собственности. Когда извѣстное общественное явленіе въ извѣстномъ народѣ достигло высокой степени развитія, ходъ его до этой степени въ другомъ, отставшемъ народѣ, можетъ совершаться гораздо быстрѣе, нежели какъ совершался у передового народа. «Среднія степени, если и достигаютъ реальнаго осуществленія, то развѣ только самаго ничтожнаго по размѣру и еще болѣе ничтожнаго по отношенію къ важности для практической жизни».. «Онѣ даже и вовсе могутъ не осуществляться въ «фактахъ дѣйствительности», а достигать только «теоретическаго бытія». Подъ вліяніемъ передовыхъ народовъ, отсталые народы «могутъ подниматься съ низшей ступени на высшую, минуя средніе логическіе моменты».

Рисуя такое будущее Россіи, Н. Г. Чернышевскій хорошо понималъ, что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и нашъ бытъ, остававшійся

до сихъ поръ чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ... Онъ принималъ во вниманіе и тѣ отрицательныя условія, въ которыя ставилась община закономъ о выкупѣ земли и обремененіемъ ея платежами. Онъ предвидѣлъ неизбѣжное поднятіе цѣнъ на землю, развитіе внѣшней торговли, быстрый ростъ промышленныхъ капиталовъ, измѣненіе всего матеріальнаго быта народа. «Русскіе люди, волей-неволей, должны будутъ въ матеріальномъ отношеніи жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы», перейти отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, замѣнить домашнее производство сукна и другихъ тканей фабричнымъ и т. д. «Все это совершится на нашихъ глазахъ въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершалось только въ городахъ...» «Но каковы бы ни были эти преобразованія, *да не дерзнемъ мы коснуться»*,—призывалъ Н. Г. Чернышевскій,—*«священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью*, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, *да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями*, на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы».

Рамки нашего обзора не позволяютъ намъ дальше останавливаться на поучительныхъ страницахъ нашего великаго учителя. Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, какъ представлялъ себѣ Н. Г. Чернышевскій переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ общинной обработкѣ и къ окончательному торжеству соціализма. Придавая такое огромное значеніе въ этомъ переходѣ вліянію передовыхъ странъ, въ самой русской жизни онъ видѣлъ только пока растущія силы интеллигенціи, которая и должна была защищать общинное землевладѣніе, вести соціалистическую пропаганду, доказывать необходимость для устраненія недостатковъ общиннаго землевладѣнія перехода къ общинной обработкѣ земли, заводить ассоціаціи на подобіе извѣстныхъ мастерскихъ героини его романа «Что дѣлать» Вѣры Павловны.

При этомъ нельзя не выразить скорби о томъ, что великій русскій мыслитель, которымъ гордится вся мыслящая Россія, по волѣ царя Александра II лучшую часть жизни былъ замурованъ въ каторжной тюрьмѣ и не могъ развернуть свои силы во всю ширину своей мощной мысли. Сдѣлавъ большой вкладъ въ науку политической

экономіи своими примѣчаніями къ переводу политической экономіи Дж. Милля, онъ не высказалъ своего сужденія по поводу ученія К. Маркса.

Не будь этого, Н. Г. Чернышевскій могъ бы съ самаго начала установить правильное отношеніе къ ученію великаго Маркса [1]) и тѣмъ сократить блужданіе общественной мысли послѣдующихъ поколѣній въ лабиринтѣ, изъ котораго она до сихъ поръ не можетъ выбраться.

Сдѣлавъ длинное отступленіе къ теоріи, мы будемъ продолжать фактическій разсказъ.

V.

Результаты реформы. Первые революціонные кружки. Покушеніе Каракозова. Нечаевъ. Нигилизмъ. Писаревъ. «Историческія письма» Миртова. Кружокъ чайковцевъ.

Появленіе «людей дѣла» совпало съ паденіемъ крѣпостного права и отчасти имъ обусловливалось.

Какъ-никакъ, а крѣпостное право рушилось... «Порвалась цѣпь великая, порвалась, разскочилася: однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику».

Общество русское, однако, недолго ликовало. «Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ»,—говоритъ К. К. Арсеньевъ,—«вслѣдъ за великимъ днемъ 19-го февраля реакціонныя стремленія дворянъ-помѣщиковъ стали быстро расти и укрѣпляться».

Уже въ іюнѣ 1861 г. въ «Колоколѣ», значитъ черезъ три м-ца послѣ манифеста, Огаревъ пишетъ: «Съ горечью въ сердцѣ и глубокой печалью мы должны сознаться, что вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости не существуетъ. Старое крѣпостное право замѣнено новымъ. Вообще крѣпостное право не отмѣнено». Въ № 134 отъ 22 мая 1862 г. тотъ же Огаревъ въ статьѣ «Куда и откуда» пишетъ: «На вопросъ, куда мы идемъ, мы скажемъ смѣло, не боясь, чтобы у насъ вышло съ народомъ разногласіе, что идемъ къ тому, чтобы земля была земская, и управленіе было отъ земства, и слѣдовательно, чтобы царь былъ

---

[1]) Ученіе Маркса ужъ тогда пользовалось извѣстностью въ Германіи,—въ 1848 г. вышелъ знаменитый «Манифестъ» Маркса и Энгельса. Переводъ же сочиненія Маркса «Капиталъ», вышедшаго въ 1867 г., появился на русскомъ языкѣ только въ 1872 г.

земскій, съ земствомъ согласный или земствомъ избранный». Для достиженія же этого «не только надо той долѣ дворянства, которая заодно съ народомъ, крѣпко соединиться между собой и съ крестьянствомъ, но надо и селамъ и волостямъ сговориться по всей землѣ русской: уставныхъ грамотъ не подписывать, на оброкъ не переходить, усадьбы и доли надѣловъ не выкупать и стоять твердо между собой, чтобы вся земля была земская. А когда они между собой въ этомъ будутъ согласны, то слѣдуетъ послать царю грамоту отъ всего земства и спросить: хочетъ ли онъ признать землю земскою, созвать земскій соборъ и быть царемъ земскимъ, а не дворянско-чиновничьимъ» (К. А. Пожитновъ).

Окончательно потемнѣлъ горизонтъ къ 1868 году,—«темнота была уже явленіемъ нормальнымъ и привычнымъ. Ни одна реформа не была формально отмѣнена, но всѣ были въ большей или меньшей степени обрѣзаны, обезсилены, извращены». По выраженію поэта, «рановременныя мѣры теряли должные размѣры и пятились назадъ». Въ 1867 году было закрыто петербургское земство за то, что оно потребовало отъ министра Валуева отчетъ въ израсходованіи продовольственнаго капитала. Начались стѣсненія печати, проявлялось явное недоброжелательство къ новымъ судамъ. Отъ крестьянскихъ учрежденій уцѣлѣло только одно имя; крестьянскій вопросъ было признано считать навсегда порѣшеннымъ, больше несуществующимъ. «Взамѣнъ податной реформы усилена была губернаторская власть». Мельчали люди, мельчали учрежденія, усиливался духъ хищенія и наживы, всплывало наверхъ все легкомысленное и пустое. Современный герой въ сатирѣ Салтыкова-Щедрина отставной корнетъ Толстолобовъ подаетъ проектъ, который осуществился на самомъ дѣлѣ позднѣе въ видѣ земскихъ начальниковъ: «губернаторовъ—предлагаетъ Толстолобовъ—назначать вездѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства, уѣзды раздѣлить на округа, округа на дистанціи и какъ тѣ, такъ и другіе сдать въ управленіе благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ». «Земства занимаются,—по выраженію Салтыкова,—безконечными спорами о луженіи больничныхъ рукомойниковъ и нижнемъ бѣльѣ, заботами о чистотѣ половъ и плевательницъ, взаимнымъ восхваленіемъ, взаимнымъ надѣленіемъ тысячными окладами». А народу предоставлено питаться лебедой и толченой древесной корой. Благодѣтельность реформъ стала сказываться уже въ первое десятилѣтіе знаменитой свободы ужасными голодовками крестьянъ въ 67, 68 и 70 годахъ.

Одинъ старикъ крестьянинъ, помнящій крѣпостное право, недавно, возвращая автору этого обзора книгу Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ», съ отвращеніемъ сказалъ: «если бы эта книга была моя—я ее немедленно бы сжегъ. Уничтоженіе крѣпостного права подобно запаху жареной баранины, которую поднесли къ носу голоднаго и не дали съѣсть».

На первыхъ же порахъ условія освобожденія вызвали недовольство и бунты среди крестьянъ, съ которыми правительство справлялось разстрѣливаніемъ и жестокими истязаніями бунтовавшихъ. Такъ напр., въ с. Безднѣ, Казанской губ. военная команда разстрѣляла множество крестьянъ, на колѣняхъ умолявшихъ начальство показать имъ «царскую грамоту съ золотой печатью».

«Великія реформы» уже въ моментъ своего возникновенія не вызывали къ себѣ довѣрія въ средѣ наиболѣе развитыхъ людей, къ которымъ относились сотрудники «Современника». Наиболѣе чуткая и развитая молодежь уже съ 1861 г. складывается въ тайные революціонные кружки подъ разными названіями: общество «Земля и воля», «Молодая Россія», общество «Топора» или «Народной мести» и пр. Характерной чертой этого движенія была увѣренность въ неизбѣжности народнаго возстанія. Кружки ставили себѣ цѣлью возбудить въ крестьянствѣ всеобщій грозный бунтъ противъ правительства, помѣщиковъ, купцовъ и вообще противъ всего существующаго строя; разрушить этотъ строй, а на развалинахъ его народъ воздвигнетъ новое общество на соціалистическихъ началахъ. Для этого не требовалось, по мнѣнію этихъ молодыхъ кружковъ, еще не испытавшихъ, что такое жизнь, никакой подготовки, никакой работы. Нужно только возбудить народъ къ возстанію. Средство было одно: писаніе и распространеніе прокламацій. Зато какія это были прокламаціи! Въ нихъ ниспровергались алтари, троны, религія, государство, однимъ словомъ все, что служило тормазомъ къ свободному развитію народа. На развалинахъ стараго строя долженъ воздвигнуться свободный союзъ свободныхъ самоуправляющихся областей. «Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія,—говорится въ одной прокламаціи,—губящаго современнаго человѣка, на борьбу съ которымъ тратятся его силы, одинъ—революція, революція кровавая и неумолимая, революція, которая должна измѣнить радикально все, все безъ исключенія основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка».

Это движеніе происходило одновременно съ возстаніемъ Польши,

и члены общества «Земля и Воля» имѣли связь съ повстанцами. Это вызвало еще большія репрессіи со стороны правительства, и реакціонная печать, подъ управленіемъ знаменитаго Каткова редактора «Московскихъ Вѣдомостей», стала приписывать съ тѣхъ поръ всѣ наши волненія «польской справѣ» и открыла проповѣдь уничтоженія національной физіономіи народовъ, населяющихъ Россію, и превращенія всѣхъ въ «истинно русскихъ людей».

Революціонная пропаганда не имѣла въ то время никакого вліянія на народъ. Крестьянство, какъ мы сказали, бунтовалось послѣ освобожденія, но бунтовалось, какъ говорилъ одинъ современникъ,— «на колѣняхъ». Оно требовало «царской грамоты съ золотой печатью», которую, будто бы, скрыли помѣщики. Въ грамотѣ должна быть объявлена настоящая воля со всей землей... Прокламаціи же къ нему не попадали. Онѣ, если и имѣли вліяніе, какъ напримѣръ, прокламація Михайлова, или прокламація, которую правительство приписывало Чернышевскому, то вліяніе это отразилось на революціонномъ настроеніи разночинской молодежи. Правительствомъ, какъ извѣстно, были приняты самыя рѣшительныя мѣры противъ распространенія тайныхъ обществъ и оно, подавивъ жестокими мѣрами польское возстаніе, ожесточенно стало преслѣдовать всѣхъ недовольныхъ. Но это нисколько не подѣйствовало, и въ 1866 году зародился новый соціалистическій кружокъ Ишутина, задавшійся цѣлью «сорганизовать всѣ протестующія силы Россіи» и стать во главѣ побѣдоносной народной революціи. Выстрѣлъ Каракозова (въ1866 г., 4 апрѣля) въ Александра II, сдѣланный преждевременно, какъ говорятъ каракозовцы, помѣшалъ выполненію плана. Нечего говорить, какое смятеніе произвело это происшествіе въ лагерѣ консерваторовъ. Началась небывалая травля всего, имѣющаго признаки интеллигенціи. Аресты, ссылки, тюрьма. Отбираніе подписки объ отреченіи отъ нигилизма, отъ журнала «Современникъ» (Чернышевскаго и Добролюбова) и отъ «лжеученій соціализма». Муравьевъ въ Петербургѣ выдавалъ нигилисткамъ желтые билеты, Араповъ (полиційместеръ Москвы) разослалъ циркуляръ: «такъ какъ среда, возрастившая Каракозова, заклеймила себя въ глазахъ общества, между тѣмъ на бульварахъ и на улицахъ встрѣчаются личности, осмѣливающіяся носить костюмъ, присвоенный сказанной средой, то предписывается частному приставу такой-то части обязать подпиской всѣхъ нигилистокъ, живущихъ въ его участкѣ, не стричь волосъ, носить шиньонъ, кринолинъ и не

носить синихъ очковъ и маленькихъ круглыхъ шляпъ» (Шишко: «Кружекъ чайковцевъ»). Это не помогало.

Въ 1868 году разыгралось знаменитое Нечаевское дѣло. Мы не будемъ его описывать. Благодаря личности организатора, въ немъ было много искусственнаго, раздутаго. Дѣло въ томъ, что Нечаевъ, обладавшій необычайной энергіей и смѣлостью, взялъ на себя задачу образовать строго конспиративную организацію. Для этого онъ всѣмъ привлекаемымъ въ организацію говорилъ, что къ возстанію все готово, все сорганизовано, только посвящать въ тайны организаціи никого нельзя, и членъ организаціи можетъ знать только трехъ. Организація эта провалилась и въ идейномъ отношеніи не оставила слѣда, кромѣ идеи строгой конспираціи и централизаціи.

Но всѣ эти революціонныя попытки 60-хъ годовъ были только первыми ласточками-предвѣстниками массоваго революціоннаго движенія интеллигенціи слѣдующаго десятилѣтія. Вызванные крѣпостной реформой къ духовной жизни цѣлые новые слои народа не дремали. Широко разлилось среди нихъ общее умственное броженіе. Къ литературѣ и образованію начали пріобщаться обширныя группы населенія. Выступилъ окончательно на авансцену разночинецъ, рядомъ съ которымъ стали попадаться единицами рабочіе и бывшіе крѣпостные.

Для высвободившейся изъ-подъ крѣпостныхъ устоевъ разночинской молодежи, дѣтей разоренныхъ мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ, духовенства и служилаго сословія, на первыхъ порахъ выступили личные вопросы, вопросы о личномъ счастіи, объ освобожденіи и равноправіи женщинъ, о нравственной и справедливой жизни. Литература принялась за переоцѣнку всѣхъ цѣнностей, за безпощадную критику всего существующаго. Особенно крупную роль сыгралъ въ этомъ дѣлѣ журналъ «Русское Слово» съ Писаревымъ во главѣ. Благодаря блестящему таланту этого писателя широкимъ потокомъ разливается среди новыхъ слоевъ интеллигенціи отрицательное отношеніе къ религіи, матеріализмъ, естественно-научное міровоззрѣніе западныхъ мыслителей. Переводы Бюхнера и Молешотта, талантливыхъ выразителей новаго въ то время міровоззрѣнія, сдѣлались настольными книгами. Всѣ старые боги, отжившая мораль, фарисейская религіозность, патріархальная семья, все, что напоминало старый отжившій строй, отрицается.

Для «мыслящаго реалиста» не существуетъ пока вопроса, имѣетъ ли онъ право на «личное счастье». Оно не подлежитъ для него сомнѣ-

нію. Вопросъ разбирается только, какъ его достигнуть съ наименьшей затратой силъ. «Соціальный вопросъ», «вопросъ о народѣ» рѣшается очень просто. Мы бѣдны, потому что невѣжественны. Нужно доказать только «убыточность незнанія». Дайте «мыслящему пролетарію» накопить знаній, не накладывайте на его плечи бремени, и онъ «просвѣтитъ» глупыхъ, онъ разсѣетъ ту тьму предразсудковъ, которая мѣшаетъ намъ на каждомъ шагу устраиваться раціональнымъ образомъ.

Такое умонастроеніе получило у насъ названіе «нигилизма».

Періодъ нигилизма продолжался очень недолго. Страшный голодъ 1867—68 г. разбудилъ все русское общество, начинавшее уже опочивать на лаврахъ «освобожденія крестьянъ». Потрясающее впечатлѣніе произвелъ этотъ голодъ на молодое поколѣніе. Передъ «разночинцемъ» и «кающимся дворяниномъ» выступилъ вопросъ о народныхъ бѣдствіяхъ и общемъ разстройствѣ. Обнаруживается безплодность либеральныхъ реформъ, недѣйствительность легальныхъ средствъ борьбы. Писаревщина и естествознаніе уступаютъ свое мѣсто опять Бѣлинскому, Герцену, Чернышевскому, Добролюбову. Университетская молодежь проникается завѣтами своихъ учителей. Она съ жадностью зачитывается немногочисленными заграничными революціонными изданіями. Въ этой литературѣ она ищетъ разрѣшенія вопросовъ своей взбудораженной совѣсти: имѣетъ ли она право, воспитавшись на деньги народа, заниматься личнымъ усовершенствованіемъ въ то время, когда народъ мретъ отъ голоднаго тифа и цынги? Какова цѣна прогресса? Не является ли интеллигентъ неоплатнымъ должникомъ народа? Особенно выдающуюся роль въ разрѣшеніи вопроса «что дѣлать» сыграли знаменитыя «Историческія письма» Миртова (Лаврова) 1868 года. Въ своихъ письмахъ П. Л. Лавровъ сумѣлъ затронуть самыя чувствительныя струны молодежи. Онъ высчитывалъ, что стоитъ многострадальному народу тотъ прогрессъ, который достается только привилегированнымъ классамъ.

Онъ доказывалъ молодежи изъ привилегированнаго класса, что она, пользуясь всѣми плодами прогресса, несетъ и отвѣтственность за всѣ страданія народа, выносящаго на своихъ плечахъ этотъ прогрессъ. Призывая къ расплатѣ за неоплатный долгъ народу, П. Л. Лавровъ доводилъ настроеніе молодежи до высокой степени идеализма, указывалъ дорогу «революціонерамъ изъ привилегированной среды» итти въ массу, чтобы подѣлиться съ нею своими знаніями, разъяснить ей причины ея страданій и звать ее на борьбу

противъ существующаго порядка. И вотъ молодежь подъ вліяніемъ своихъ учителей приходитъ къ выводу: отказаться отъ самого себя и пожертвовать жизнью для блага народа. Одни политическіе перевороты безполезны и даже вредны, этому учитъ опытъ запада... Въ нихъ народныя массы не играютъ самостоятельной роли, а служатъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи. Для счастія народа необходима соціальная революція. Разрѣшеніе соціальнаго вопроса—въ соціализмѣ. Реформы ни къ чему не приводятъ, необходимо народное возстаніе. Эти вопросы занимали первое мѣсто въ кружкахъ молодежи конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ и Москвѣ образовались многочисленные тайные студенческіе кружки, коммуны и группы самообразованія. Самый вліятельный и многочисленный изъ нихъ былъ кружокъ Чайковскаго. Его члены играли большую роль до самаго конца революціоннаго движенія 70-хъ годовъ.

Одушевленный революціонными стремленіями, съ общимъ пониманіемъ соціализма скорѣе, какъ нравственнаго идеала, чѣмъ экономическаго ученія, имѣя за собой рѣшимость «уплатить долгъ народу», пожертвовать для этого, если понадобится, самою жизнью, и не имѣя позади себя никакого революціоннаго опыта, новый слой молодой Россіи открылъ свой походъ ощупью, безъ всякой опредѣленной программы. Первоначально было поставлено задачей создать изъ интеллигентной и преимущественно студенческой молодежи соціально-революціонные кружки, коммуны для пропаганды среди молодежи. Надо замѣтить, что въ началѣ 70-хъ годовъ для революціонныхъ стремленій въ Россіи совершенно не было почвы. Либеральное образованное общество еще находилось подъ обаяніемъ реформъ Александра II, еще вѣрило въ возможность ихъ дальнѣйшаго мирнаго развитія, на реакцію смотрѣло какъ на временную заминку и къ начавшемуся революціонному движенію относилось недоброжелательно. Только что окрылившаяся промышленность росла, но рабочій классъ только что складывался—стачки среди рабочихъ были явленіемъ исключительнымъ. Крестьянство, взбунтовавшееся на другой день послѣ «великихъ реформъ», было задавлено и притихло. Молодые революціонеры пытались вліять на земцевъ, на либераловъ, но не найдя здѣсь почвы для революціонныхъ стремленій, обратились къ рабочей средѣ. Заведены были связи съ заводскими и фабричными рабочими Петербурга и Москвы, Одессы, Кіева, Харькова, Херсона, Вятки, Орла и др., среди нихъ устроены были кружки для пропаганды соціализма

и революціи путемъ произнесенія рѣчей, чтенія лекцій и раздачи книгъ... Но это былъ только подготовительный періодъ движенія.

Вскорѣ въ 1873 году, когда революціонное настроеніе молодежи значительно окрѣпло, передъ многочисленными кружками ея выступилъ вопросъ о массовой пропагандѣ, о проникновеніи въ народныя массы съ цѣлью вызвать массовое движеніе крестьянъ и рабочихъ, о необходимости для этой цѣли самимъ интеллигентамъ превратиться въ рабочаго, слиться съ сермяжной средой.

Къ этому времени направляющую роль соціально-политическаго движенія заняла у насъ окончательно наша заграничная эмиграція, жившая сперва въ Лондонѣ, а потомъ въ Швейцаріи.

VI.

Французскіе соціалисты. Начало Интернаціонала и Парижская коммуна.

Для того, чтобы было понятно дальнѣйшее развитіе идей нашего движенія, необходимо кратко коснуться названнаго Марксомъ «утопическимъ» соціализма Сенъ-Симона, Фурье и Роберта Оуэна, геніальныхъ предшественниковъ явившагося позднѣе соціализма Маркса и Энгельса, названнаго ими «научнымъ».

Какъ было уже упомянуто, великая французская революція, вмѣсто ожидаемой свободы, равенства и братства, принесла за собой разслоеніе 3-го сословія[1]) на классы буржуазіи и пролетаріата, т.-е. рабочихъ, лишенныхъ собственности. Вотъ какъ Энгельсъ характеризуетъ явившіяся отношенія новыхъ классовъ (въ статьѣ «Отъ утопіи къ научной теоріи»). Обнаружилось, что осуществившееся «освобожденіе собственности» отъ оковъ феодализма (крѣпостничества) для мелкаго горожанина и мелкаго крестьянина означало только возможность свободно продать важнымъ господамъ свою мелкую собственность, угнетенную чрезмѣрной конкуренціей крупнаго капитала и крупнаго землевладѣнія, т.-е. освобожденіе собственности для мелкаго горожанина и мелкаго крестьянина превратилось въ освобожденіе отъ собственности. Расцвѣтъ промышленности на капиталистическихъ основа-

---

[1]) 1-мъ сословіемъ считалось дворянство, 2-мъ—духовенство, 3-мъ—буржуазія, рабочіе, ремесленники, крестьяне.

ніяхъ сдѣлалъ бѣдность и нищету трудящихся массъ однимъ изъ условій, необходимыхъ для существованія общества. По словамъ Карлейля, наличный расчетъ все больше и больше становится единственнымъ связующимъ звеномъ для общества. Число преступленій росло съ каждымъ годомъ. Вмѣсто прежнихъ феодальныхъ пороковъ, которые стушевались, пышно расцвѣли буржуазные пороки, которые до этого времени прозябали въ тиши. Торговля все больше и больше принимала мошеннический характеръ. Братство, бывшее революціоннымъ девизомъ, осуществилось въ формѣ каверзъ и зависти, рожденныхъ борьбой конкуренціи. Порабощеніе путемъ насилія смѣнилось подкупомъ. Мечъ — этотъ первоначальный рычагъ общественной силы—уступилъ свое мѣсто деньгамъ. Право первой ночи перешло отъ феодальныхъ властителей къ буржуазнымъ фабрикантамъ. Проституція развилась до небывалыхъ размѣровъ. Даже бракъ, какъ и раньше, остался узаконенной формой и оффиціальной личиной проституціи и, какъ прежде, дополнялся супружескими измѣнами. Однимъ словомъ, если сравнить со всѣмъ этимъ блестящія обѣщанія просвѣтителей, то окажется, что общественные и политическіе порядки, установленные благодаря «побѣдѣ разума», представляли собой не что иное, какъ карикатуру, способную вызвать горькое разочарованіе. Недоставало только людей, которые констатировали бы это разочарованіе общества, и такіе люди выступили на сцену съ начала новаго вѣка. Въ 1802 г. появились «Женевскія письма» Сенъ-Симона, въ 1808 г. вышло въ свѣтъ первое сочиненіе Фурье, а 1 января 1800 г. Робертъ Оуэнъ началъ управленіе своей фабрикой Нью-Ланаркомъ, давшее богатый матеріалъ для его послѣдующихъ проектовъ.

Мало было понимать болѣзнь вѣка, нужно было открыть и средство для ея исцѣленія. Крупная фабричнозаводская промышленность съ громадными фабриками, паромъ, машинами тогда только что возникала въ Англіи, а Франціи она была еще незнакома.

Пролетаріатъ, выдѣлившійся изъ среды неимущихъ массъ, вездѣ былъ еще совершенно неспособенъ къ самостоятельной политической дѣятельности. Такимъ образомъ, дѣйствительность начала вѣка не указывала сама средствъ избавленія, и мыслителямъ приходилось отъ разума придумывать планы избавленія. И вотъ всякій по-своему, путемъ умствованія, пытался придумать такую систему соціальныхъ отношеній, при которой не было бы бѣдности и неравенства. Они думали, что достаточно придумать, какъ перестроить общество на справедливыхъ началахъ, начать проповѣдывать этотъ

планъ и указать примѣръ, и общество, во всякое время, въ какомъ бы положеніи ни было его хозяйство,—послушаетъ проповѣдника, рѣшится и перестроитъ жизнь—согласно плану реформатора, на началахъ справедливости. За свои фантастическіе планы переустройства первые мыслители-соціалисты и прозваны «утопистами». И дѣйствительно, жизнь разбила всѣ начинанія первыхъ соціалистовъ. Въ первую половину XIX столѣтія пролетаріатъ всюду возстаетъ противъ своихъ угнетателей. Соціалисты утопической школы пробуютъ провести въ жизнь революціоннымъ и мирнымъ путемъ свои планы соціальныхъ преобразованій, но терпятъ полное пораженіе (Базаръ, Барбесъ, Бланки, Луи Бланъ); ихъ планы не оказывали никакого вліянія на исходъ борьбы пролетаріата. И вообще планы планами, а жизнь шла независимо отъ реформаторовъ. Возстанія рабочихъ всюду жестоко подавлялись буржуазіей, и первая половина XIX вѣка характеризуется временемъ буржуазной реакціи. Буржуазія, испугавшись пролетаріата, не побрезговала въ 1851 году содѣйствовать водворенію во Франціи императорскаго абсолютизма Наполеона III. Нѣчто подобное устроила буржуазія и въ Германіи: тамъ она въ 1848 году вошла въ сдѣлку съ монархіей для подавленія пролетаріата. Неудачный опытъ 48-го года повергъ въ отчаяніе многихъ сторонниковъ счастія рабочаго класса. Это отразилось и на настроеніи нашей интеллигенціи. Такъ, мы видѣли, что даже западникъ Герценъ не ждалъ уже отъ запада соціальнаго переустройства. Но съ другой стороны, этотъ опытъ заставилъ глубоко задуматься общественныхъ мыслителей надъ причинами, подъ вліяніемъ коихъ измѣняется общественное устройство, и помогъ Марксу и Энгельсу—творцамъ новаго соціализма, названнаго ими научнымъ—поставить вопросъ общественнаго переустройства въ зависимость отъ состоянія производства и выяснить законы общественнаго развитія. Обладая гегелевской широтой міропониманія (Марксъ былъ лѣвымъ гегельянцемъ), пользуясь всѣми научными пріобрѣтеніями вѣка, Марксъ и Энгельсъ кореннымъ образомъ перестроили теорію соціальнаго переворота. Вопросъ о соціализмѣ, т.-е. объ общественномъ владѣніи орудіями производства, общественномъ ими пользованіи, т.-е. общественномъ производствѣ и общественномъ распредѣленіи продуктовъ производства, превратился съ тѣхъ поръ изъ дѣла справедливости, о которой мечтали идеалисты, въ дѣло экономической необходимости при извѣстномъ состояніи производства. Въ 1847 году ими составленъ былъ Манифестъ коммунистической партіи по пред-

ложенію Лондонскаго Союза коммунистовъ, а въ 1864 году они учредили международный рабочій союзъ, въ основаніе котораго и былъ положенъ Манифестъ коммунистической партіи. Въ немъ было изложено цѣльное, законченное, всеохватывающее міровоззрѣніе основателей научнаго соціализма. Это произведеніе, по выраженію Маркса, явилось артиллеріей рабочаго класса; современная соціалъ-демократическая программа, принятая на съѣздѣ соціалъ-демократовъ въ Эрфуртѣ, въ 1891 году, является только развитіемъ идей, изложенныхъ въ Манифестѣ, который былъ Евангеліемъ соціализма для рабочихъ, подобно книгѣ евангелистовъ для христіанъ.

Получившая со времени союза коммунистовъ свое начало соціалистическая рабочая партія, впослѣдствіи принявшая названіе соціалъ-демократической, стала быстро распространяться въ странахъ запада, особенно въ Германіи, гдѣ большую роль въ дѣлѣ успѣшной организаціи рабочей партіи сыгралъ знаменитый Фердинандъ Лассаль, державшійся въ общемъ взглядовъ на соціализмъ, близкихъ Марксу и Энгельсу.

Въ Парижѣ, во время осады его пруссаками, въ 1871 году, рабочіе, *члены Интернаціонала* (международнаго союза соціалистовъ), приняли участіе въ возстаніи и могли уже оказать значительное вліяніе на направленіе дѣятельности «Парижской коммуны».

Рабочіе держали въ своихъ рукахъ Парижъ 2 мѣсяца и издали рядъ указовъ соціалистическаго характера... Хотя члены Парижской коммуны и поплатились геройской смертью (восторжествовавшая буржуазія во главѣ съ Тьеромъ разстрѣляла десятки тысячъ коммунаровъ), но самый фактъ временнаго нахожденія власти въ рукахъ пролетаріата произвелъ глубокое, ободряющее впечатлѣніе.

Въ международномъ союзѣ рабочихъ приняла участіе и наша эмиграція: Лавровъ и Бакунинъ. Они явились проводниками международнаго соціализма въ Россіи и долго были идейными вдохновителями послѣдующаго нашего соціально-революціоннаго движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, къ которому мы сейчасъ и переходимъ, а о научномъ соціализмѣ и вліяніи его на русское революціонное движеніе намъ еще придется говорить послѣ.

VII.

70-е годы. Бакунизмъ. Лавризмъ. Якобинизмъ Ткачева.

За границей въ то время скопилось большое количество русскихъ, частью эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ правительственнаго преслѣдованія, частью учащейся молодежи. Самые вліятельные изъ эмигрантовъ М. А. Бакунинъ и П. Л. Лавровъ были членами международнаго общества рабочихъ, или Интернаціонала, основаннаго въ Лондонѣ Марксомъ и Энгельсомъ. Лавровъ лично переживалъ въ Парижѣ дни неудавшейся соціальной революціи, такъ наз. «Парижской Коммуны» 1870 г. Оба вождя движенія молодежи 70-хъ годовъ были за границей лично знакомы съ вождями нѣмецкаго движенія Марксомъ и Энгельсомъ, а Бакунинъ также и со знаменитымъ французскимъ анархистомъ Прудономъ. Заграничная молодежь до 74 года группировалась въ Цюрихѣ около Бакунина и Лаврова. «Вмѣсто занятій медициной, для которой пріѣхали за границу, они присутствовали на засѣданіяхъ Интернаціонала, изучали политическую экономію, Маркса, Бакунина, Прудона и др. основателей европейскаго соціализма»,—говоритъ о находившихся за границей молодыхъ людяхъ участникъ движенія 70-хъ годовъ Кравчинскій. Можете себѣ представить тѣ чувства и настроенія, которыя должны были охватить заграничную молодежь, находившуюся въ такой атмосферѣ и получавшую съ родины извѣстія объ общемъ подъемѣ духа молодежи, о начинающемся среди нея движеніи, объ организаціи тамъ революціонныхъ кружковъ, о попыткахъ пропаганды и пр. Бѣжавшій изъ Сибири Бакунинъ, бывшій членъ кружка Станкевича, развернувшій за границей всю свою неугомонную революціонную натуру, является однимъ изъ основателей анархическаго соціализма (позднѣе онъ разошелся съ Интернаціоналомъ, въ 1872 г. былъ исключенъ изъ числа его членовъ и основалъ свой союзъ, подъ названіемъ «Юрской федераціи»). М. А. Бакунинъ собираетъ вокругъ себя молодежь и ведетъ проповѣдь анархическаго соціализма, издаетъ сочиненія: «Исторія Интернаціонала», «Государственность и анархія», «Воззванія къ революціонной молодежи», «Анархія по Прудону» и пр. Изложимъ вкратцѣ сущность взглядовъ Бакунина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и анархизма того времени, такъ какъ послѣдній довольно полно отразился въ идеяхъ Бакунина.

«Существованіе государства,—говоритъ Бакунинъ,—въ какой-бы то ни было формѣ, несовмѣстимо со свободой пролетаріата, оно не допускаетъ братскаго международнаго союза народовъ; мы хотимъ уничтоженія всѣхъ государствъ» (Программа Славянскаго отдѣленія Интернаціонала). «Съ государствомъ должно неминуемо погибнуть все, что называется юридическимъ правомъ, всякое устройство сверху внизъ путемъ законодательства и правительства, устройство, не имѣвшее другой цѣли, кромѣ эксплуатаціи народнаго труда въ пользу управляющихъ классовъ». «Уничтоженіе государства и юридическаго права необходимо будетъ имѣть слѣдствіемъ уничтоженіе личной наслѣдственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности». Уничтоженіе государства, права собственности и юридической семьи сдѣластъ возможнымъ организацію народной жизни снизу вверхъ на основаніи коллективнаго, т. е. артельнаго съ раздѣломъ продуктовъ соединеннаго труда и общей собственности. «Народная жизнь, народное развитіе, народный прогрессъ принадлежатъ исключительно самому народу. Этотъ прогрессъ совершается, конечно, не путемъ книжнаго образованія, а путемъ естественнаго нарастанія опыта и мысли, передаваемаго изъ рода въ родъ, и необходимымъ образомъ расширяющагося, углубляющагося по содержанію, совершенствующагося и облекающагося въ свои формы, разумѣется, чрезвычайно медленно, путемъ безконечнаго ряда тяжкихъ и горькихъ историческихъ испытаній, доведшихъ, наконецъ, въ наше время народныя массы, можно сказать, всѣхъ странъ, по крайней мѣрѣ, всѣхъ европейскихъ странъ, до сознанія, что намъ отъ привилегированныхъ классовъ и отъ нынѣшнихъ государствъ, вообще отъ политическихъ переворотовъ, ждать нечего, и что они *могутъ освободиться только собственными своими усиліями, посредствомъ соціальной революціи*. Это самое опредѣляетъ всеобщій идеалъ, нынѣ въ нихъ живущій и дѣйствующій» (Прокламація къ революціонной молодежи).

М. А. Бакунинъ полагалъ, что «идеалъ русскаго народа» по существу вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу, вырабатывающемуся за послѣднее время въ сознаніи пролетаріата латинскихъ странъ. «Въ основаніи идеала русскаго народа,—говоритъ Бакунинъ,—лежатъ слѣдующія 3 главныя черты: 1) убѣжденіе, что земля вся принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственноручнымъ трудомъ. 2) Признаніе права на пользованіе землею не лицомъ, а цѣлой общиной, міромъ, раздѣляющимъ ее

временно между лицами; 3-я черта одинаковой важности съ двумя предыдущими, это какъ бы («quasi») абсолютная автономія, общинное самоуправленіе и, вслѣдствіе того, враждебное отношеніе общины къ государству» (Тамъ же).

Есть черты и затемняющія народный идеалъ; такими онъ считалъ: 1) патріархальность, 2) поглощеніе лица міромъ, 3) вѣру въ царя и христіанскую вѣру какъ православную, такъ и сектантскую. Съ этими чертами необходимо всѣми силами бороться, да и самъ народъ уже,—утверждалъ Бакунинъ,—противъ нихъ борется.

Какъ же достигнуть уничтоженія государства, частной собственности, юридической семьи и права наслѣдственной собственности, какъ водворить на ихъ развалинахъ идеалы народа: свободную федерацію (союзъ) свободныхъ общинъ? Для Бакунина это казалось просто.

Въ русскомъ народѣ, говоритъ М. А. Бакунинъ, существуютъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ два элемента, какъ необходимыя условія соціальной революціи. Онъ можетъ похвастаться чрезмѣрной нищетой, а также рабствомъ безпримѣрнымъ. Страданіямъ его нѣтъ числа и переноситъ ихъ онъ не терпѣливо, а съ глубокимъ и страстнымъ отчаяніемъ, выразившимся уже два раза исторически двумя страшными взрывами, бунтомъ Стеньки Разина и бунтомъ пугачевскимъ. Народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается въ помощи. Онъ находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню. Но хотя и всякій бунтъ, какъ бы неудаченъ онъ ни былъ, всегда полезенъ, однако частныхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять вдругъ всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ громадныя движенія народныя подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Такимъ образомъ, на интеллигенціи лежитъ обязанность объединить между собой передовыхъ людей, «естественныхъ революціонеровъ изъ русскаго крестьянскаго міра», разрозненныхъ, разъединенныхъ обособленностью и замкнутостью общинъ. Не учить народъ,—утверждалъ Бакунинъ,—должна революціонная интеллигенція, ей нечему его учить, а объединять и призывать къ возстанію.

Бакунинъ принадлежалъ по своей природѣ къ буйнымъ русскимъ душамъ, былъ по профессіи революціонеръ, вся жизнь его протекла въ Россіи и за границей между тюрьмой и баррикадами и опять тюрьмой. При возвращеніи въ Россію былъ арестуемъ, ссылался и опять бѣжалъ за границу и умеръ въ изгнаніи.

Другимъ идейнымъ выразителемъ взглядовъ молодежи и духовнымъ руководителемъ движенія былъ П. Л. Лавровъ. Послѣдній такъ же, какъ Герценъ, Огаревъ, Петрашевскій и Бакунинъ, происходилъ изъ дворянской помѣщичьей семьи, отецъ его даже былъ другомъ знаменитаго изверга министра Александра I Аракчеева. Лавровъ по профессіи былъ профессоръ Артиллерійской Академіи и писатель. По дѣлу Каракозова былъ сосланъ, изъ ссылки бѣжалъ за границу и умеръ изгнанникомъ. Въ Цюрихѣ съ 1873 года сталъ издавать журналъ «Впередъ», служившій до 76-го года руководящимъ органомъ русскаго революціоннаго движенія.

Въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ онъ проводилъ нѣсколько иные взгляды, чѣмъ Бакунинъ, что и вызывало постоянные споры и несогласія между «бакунистами» или «бунтарями» и «лавристами», или «пропагандистами», упреки по адресу лавристовъ въ умѣренности ихъ программы и длительности ихъ яко бы мирнаго пути. Въ общемъ можно сказать, что во «Впередъ» проводились одни выводы научнаго соціализма, полученные Марксомъ и Энгельсомъ на почвѣ англійскаго рабочаго движенія и привнесенные въ условія соціалистическаго движенія русской революціонной молодежи. Что касается историко-философской и методологической стороны, проще сказать, научнаго обоснованія ученія Маркса, то строго это не было выдержано и у Лаврова, тѣмъ болѣе у Бакунина; то же слѣдуетъ сказать и вообще о всѣхъ русскихъ соціалистахъ того времени. Существенное расхожденіе во взглядахъ между Бакунинымъ и «Впередъ» состояло въ слѣдующемъ. «Въ союзѣ большинства рабочихъ,—говорится въ программѣ журнала,—въ свободную ассоціацію, въ организаціи этого союза для совокупнаго и могучаго дѣйствія, въ торжествѣ этой организаціи и въ установленіи новаго общественнаго строя на развалинахъ промышленныхъ легальныхъ государствъ и сословій настоящаго, мы видимъ единственное средство осуществить справедливѣйшій общественный строй. Но это—далекое будущее, общественный идеалъ, который слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду, не обманывая себя однако-же надеждою на возможность его осуществленія ни сегодня, ни завтра. Между идеаломъ будущаго и настоящимъ государствомъ съ принудительною властью находимъ цѣлый рядъ переходныхъ политическихъ формъ. Хотя эти переходныя формы буржуазной государственной организаціи и враждебны пролетаріату, но такъ какъ въ нихъ есть цѣнныя условія, необходимыя для соціальной борьбы: свобода мысли и слова, свобода ассоціацій, участіе низшихъ классовъ въ управленіи,

то эти элементы политической программы слѣдуетъ поддерживать и пользоваться ими».

Хотя крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ и для Лаврова есть также «русская спеціальная почва для соціализма», но для этого онъ считаетъ необходимымъ «развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ которыхъ оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплуатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота; вотъ спеціально-русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству». Достигнуть этого можно не сверху, не захватомъ власти и дѣйствіемъ путемъ указовъ, какъ предполагаютъ якобинцы, напр. Ткачевъ въ своемъ «Набатѣ» (о которомъ будетъ сказано ниже), и не бунтомъ сейчасъ, во всякое время, какъ предполагаетъ Бакунинъ, а путемъ продолжительной пропаганды соціалистическихъ идей въ народѣ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы, когда теченіе политическихъ событій укажетъ, и обнаружится готовность русскаго народа къ перевороту, «призвать народъ къ осуществленію этого переворота».

Въ другомъ мѣстѣ журнала «Впередъ» (т. IV) Лавровъ устанавливаетъ разницу исторической обстановки западнаго и нашего соціалистическаго движенія. «Въ отличіе отъ рабочаго соціалистическаго движенія въ странахъ нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ, скандинавскихъ и романскихъ языковъ, которое опирается на фабричный пролетаріатъ, въ славянскихъ земляхъ, особенно въ Россіи, сельское населеніе имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, и потому организація соціально-революціоннаго союза должна сообразоваться съ этой особенностью... Въ Россіи дѣло соціально-революціоннаго союза заключается въ организаціи связи между сельскимъ населеніемъ, одинаково страждущимъ въ разныхъ частяхъ Россіи, но лишеннымъ солидарности (внутренней связи)» (К. А. Пажитновъ).

Характеристика идей лавризма была бы далеко не полна, если бы мы не коснулись здѣсь, хотя бы кратко, соціологическихъ, общественныхъ и нравственныхъ взглядовъ П. Л. Лаврова, какъ они выразились въ легальной литературѣ («Историческія письма», «Уче-

ніе о нравственности»). Тѣмъ болѣе это необходимо, что эти идеи получили свое дальнѣйшее развитіе въ движеніи и сохранились до нашихъ дней.

«Какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть,— говоритъ авторъ «Историческихъ писемъ» Миртовъ-Лавровъ,— лежитъ исключительно на критически мыслящихъ личностяхъ; безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ». Съ точки зрѣнія автора «Историческихъ писемъ, самъ прогрессъ—идея, зарождающаяся въ мозгу личности. Всякій критически мыслящій можетъ осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ. «Если вашего таланта и знанія хватило на то, чтобы критически отнестись къ существующему, сознать потребность прогресса, то вашего таланта и знанія достаточно, чтобы эту критику, это сознаніе воплотить въ жизнь». «Исторію дѣлали одинокія борющіяся личности». «Личности создали исторію». «Что сказать объ условіяхъ нравственнаго развитія личности?» спрашиваетъ Миртовъ. «Такъ какъ объ убѣжденіяхъ можно говорить въ кругу людей, выработавшихъ въ себѣ способность критически мыслить, то и условія нравственнаго развитія существуютъ лишь для этой маленькой группы». Всѣ несчастія и несправедливости въ исторіи происходятъ— по взгляду Миртова—отъ недостаточнаго вліянія на жизнь критической мысли, отъ недостаточнаго пониманія правильныхъ началъ общественнаго строя. Самую идею борьбы за соціализмъ авторъ «ученія о нравственности» Лавровъ выводитъ изъ развитія личности. Личность обладаетъ неудержимымъ стремленіемъ стать выше другихъ во всѣхъ отношеніяхъ, стремленіемъ къ развитію; всестороннее развитіе личностей возможно только при извѣстныхъ условіяхъ. Отсюда условія, мѣшающія развитію, несправедливы, напротивъ, справедливо все то, что содѣйствуетъ развитію личности. Все справедливое—нравственно. Отсюда нравственный долгъ личности бороться за справедливое устройство общества, т.-е. такое устройство, которое содѣйствовало бы всестороннему развитію личностей.

Было бы однако неправильно утверждать, что П. Л. Лавровъ идею личности считалъ первоначальной причиной всего сущаго. Онъ признавалъ, что «все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ; неизбѣжные законы физики, химіи, физіологіи и психологіи господствуютъ надъ человѣкомъ въ каждое мгновеніе его бытія. Климатическія условія, преемство расы, культурныя привычки общества, его окружавшаго, преданія и вѣрованія, пере-

даваемыя ему съ дѣтства, составляютъ неотвратимую обстановку, проникающую своимъ вліяніемъ во всѣ поры человѣка, обусловливающую всякое его физическое и нравственное движеніе...» Однимъ словомъ, П. Л. Лавровъ признавалъ, что «личность подчиняется общимъ законамъ личной и общественной жизни». Но это признаніе вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отрицалось безпредѣльной вѣрой въ силы критически мыслящихъ личностей, способныхъ «повернуть колесо исторіи».

Такихъ кажущихся противорѣчій у Лаврова можно найти нѣсколько. Противники его объясняютъ это эклектизмомъ автора, т.-е. смѣсью разныхъ системъ мышленія у основателя русскаго соціализма 70-хъ годовъ [1]).

«Историческія письма» Миртова-Лаврова произвели на русскую молодежь чарующее впечатлѣніе. Вотъ что говоритъ Русановъ, испытавшій на себѣ это вліяніе: «Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики—не разставались съ небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой въ конецъ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовьемъ. И на нее падали при чтеніи ночью наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватившаго насъ безумной надеждой жить для благородныхъ идей и умереть за нихъ. Одно время мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки изъ человѣка «мыслящаго реалиста». Мы готовились всѣ стать такими мыслящими реалистами, которые желаютъ жить во имя своего развитого эгоизма, низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью свободную и счастливую жизнь какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ. И вдругъ небольшая книжка говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся, что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь, что есть другіе важные человѣческіе вопросы: есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть, наконецъ, народъ, голодающій, замученный трудомъ,—народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на

---

[1]) Оно и понятно. П. Л. Лавровъ былъ выразителемъ переходной эпохи соціалистической мысли отъ идеалистическаго соціализма, подсказываемаго желаніями и чувствами, къ попыткѣ поставить вопросъ на научную почву, на почву естественной необходимости, какая наблюдается въ природѣ. Отъ плодоноснаго дерева долженъ родиться плодъ. Съ такой же естественной необходимостью при развитіи буржуазнаго капиталистическаго строя долженъ родиться соціалистическій строй, по ученію Маркса и Энгельса.

себѣ зданіе цивилизаціи и который только и позволяетъ намъ заниматься и изученіемъ лягушекъ и всяческими другими науками; есть, наконецъ, *нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, передъ великой арміей трудящихся*».

Отношеніе къ конституц. движенію либераловъ Лаврова, какъ и Бакунина, рѣзко отрицательное. Это достаточно опредѣляется слѣдующей справкой изъ № 21 «Впередъ», гдѣ онъ въ отвѣтъ на запросъ одного конституціоналиста, нужно ли добиваться конституціи, пишетъ:

«Русское самодержавіе невыносимо и ненавистно всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые извлекаютъ личныя выгоды изъ настоящаго порядка вещей. Но массѣ народа невыносимо *не только оно*, а въ еще большей степени *экономическій порядокъ имъ охраняемый и поддерживаемый*. Для конституціоналистовъ (сторонниковъ политической свободы Е. П.) тяжелѣе первое, такъ какъ большинство изъ нихъ пользуются вторымъ (экономическимъ порядкомъ для своего благосостоянія Е. П.); намъ, соціалистамъ-революціонерамъ, приходится одновременно стремиться къ разрушенію и политическаго и *экономическаго строя* въ нынѣшней Россіи... Приходится и всѣми силами противодѣйствовать той партіи, которая увѣряетъ, будто, избавившись отъ императорскаго самодержавія, народъ русскій поправитъ свое положеніе»..

Что касается самой идеи государства, то отношеніе Лаврова не такъ уже прямолинейно, какъ отношеніе Бакунина. Лавровъ признаетъ необходимымъ государственную власть, понимая ее въ смыслѣ принудительнаго начала до и на другой день соціальной революціи, и ожидаетъ только постепеннаго ея исчезновенія тогда, «когда солидарность общаго труда въ свободныхъ союзахъ охватитъ все общество», иначе сказать, когда строй соціалистическій окончательно укрѣпится и не останется остатковъ буржуазнаго порядка.

Какими силами совершится соціалистическая революція? Лавровъ съ Бакунинымъ не расходятся въ томъ, что «перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ *цѣлью народнаго блага*, не только для народа, но и *посредствомъ народа*». Разница у нихъ во взглядахъ та, что Бакунинъ находитъ крестьянъ уже готовыми къ перевороту. Надо только поднять крестьянина, вызвать среди него всеобщее возстаніе, что лежитъ на обязанности интеллигенціи (бунтарей и вспышкопускателей). Лавровъ же находитъ, что для этого нужна дѣятельная соціалистическая пропаганда, организація народа и потомъ уже возстаніе. При этомъ Лавровъ полагаетъ, что соц.

революція подготовляется самымъ ходомъ исторіи: народными бѣдствіями, съ одной стороны, и «самыми успѣхами капиталистическаго строя», который «въ Россіи пышно и быстро разрастается со всѣми своими послѣдствіями». Это то *новое*, что въ русской общественной мысли едва только появилось какъ результатъ соціалъ-демократическаго движенія на западѣ и впослѣдствіи дало пышные ростки. Съ тѣхъ поръ, какъ ниже увидимъ, революціонеры начинаютъ проникать въ среду промышленныхъ рабочихъ.

Изложеннымъ, въ общемъ, достаточно очерчивается кругъ идей двухъ главныхъ теченій описываемаго десятилѣтія.

Третье соціалистическое направленіе 70-хъ годовъ выражалось въ журналѣ «Набатъ» подъ редакціей П. Н. Ткачева. Оно не пользовалось въ этотъ періодъ 70-хъ годовъ популярностью и получило свое практическое приложеніе, въ смыслѣ проведенія строгой централизаціи, позднѣе, въ концѣ десятилѣтія, въ дѣятельности «Народной Воли».

Ткачевъ, такъ же какъ и Бакунинъ, признавалъ русскій народъ «инстинктивнымъ, традиціоннымъ коммунистомъ и революціонеромъ», онъ находилъ, что пока у насъ нѣтъ еще класса буржуазіи, правительство не имѣетъ никакой опоры и виситъ въ воздухѣ; рабочій классъ еще не успѣлъ вырости; крестьянство невѣжественно и не можетъ быть организовано. Тѣмъ не менѣе П. Н. Ткачевъ находилъ, что его время самое благопріятное для соціалистической революціи. Пока капитализмъ еще не сдѣлался силой, съ которой придется бороться рабочему, въ настоящее время нѣтъ никакой надобности интеллигенціи итти въ народъ для пропаганды или организаціи бунта. Соціалистическая интеллигенція должна воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, организоваться въ строго централистическую партію, захватить власть въ свои руки и путемъ указовъ произвести соціалистическій переворотъ.

Мы вплотную подошли къ замѣчательному времени, подобнаго которому почти не было въ новѣйшей исторіи.

Къ сожалѣнію, рамки работы не позволяютъ намъ останавливаться на фактической сторонѣ движенія 70-хъ годовъ; мы ограничимся только краткой характеристикой этой эпохи, касаясь фактовъ лишь постольку, поскольку они вліяли на измѣненіе идей.

VIII.

Мирные пропагандисты. Революціонное народничество и Общество «Земля и Воля».

Въ 1873 году Александръ II издалъ указъ, объявившій внѣ закона всѣхъ русскихъ, которые не пожелаютъ покинуть Цюрихъ. Это послужило толчкомъ къ массовому наводненію Россіи заграничной молодежью, проникнутой соціально-революціоннымъ настроеніемъ. Начался усиленный призывъ «въ народъ», а лѣтомъ 74 года открылся массовой походъ интеллигенціи въ деревню.

Студенты, гимназисты, гимназистки, семинаристы, врачи, учителя, офицеры, рабочіе, крестьяне, проживавшіе въ городѣ, понесли въ народъ новое евангеліе соціализма. Очевидцы сравниваютъ это движеніе съ крестовымъ походомъ (Кравчинскій.—«Подпольная Россія»).

Въ этомъ общемъ широкомъ потокѣ въ деревню нельзя рѣзко отмѣтить какого-нибудь опредѣленнаго направленія, какъ это было въ теоріи. Люди шли въ народъ съ разными цѣлями: одни шли изучать, познакомиться съ народомъ. Другіе просвѣщать, третьи призывать его къ возстанію. Всѣхъ же соединяло одно желаніе отдать всего себя на служеніе народу, слиться съ народомъ. Въ общемъ это первоначальное движеніе въ деревню получило названіе движенія «мирныхъ пропагандистовъ», такъ какъ пропагандисты ограничивались одной только пропагандой идей, какъ бы они революціонны сами по себѣ ни были.

Пропаганда одновременно велась въ 37 губерніяхъ. Пропагандистовъ насчитывались тысячи. Энтузіасты, полные вѣры въ могущество проповѣдуемыхъ идей, полные вѣры въ готовность народа къ революціи, шли въ народъ, совершенно не зная его, вели горячую проповѣдь возстанія противъ алтарей, троновъ, собственности, словомъ, проповѣдывали все, что знали, не будучи въ общемъ достаточно подготовлены къ проповѣди, не обладая знаніемъ дѣйствительности, и, въ большинствѣ случаевъ, не усвоивъ хорошенько себѣ основъ научнаго соціализма, а зная только одни его выводы.

Крестьяне были поражены доселѣ неслыханной проповѣдью и относились въ большинствѣ съ недовѣріемъ къ пришельцамъ. По-

лиція поднялась на ноги. Начались жестокія преслѣдованія, и къ концу 74 года и въ 75 году масса пропагандистовъ была уже арестована.

Оказалось, что понесенныя тяжелыя жертвы не окупились результатами.

Началась безпощадная критика.

«Скоро пришлось убѣдиться,—говоритъ участникъ движенія Стефановичъ,—что для осуществленія программы начала 70-хъ годовъ, для успѣшнаго всесторонняго проведенія въ жизнь идей соціализма, нѣтъ почвы въ русскомъ народѣ, каковъ онъ есть въ настоящее время». «Мы столкнулись съ умственной и нравственной стороной русскаго народа,—продолжаетъ Стефановичъ,—столкнулись и нашли въ ней преграду, о которую большая часть нашихъ усилій должна была разбиться. Мы увидѣли, что русскій мужикъ полонъ всякихъ предразсудковъ. Онъ вѣритъ въ Бога и только въ религіи ищетъ объясненій всему, что его окружаетъ; онъ готовъ царя считать благодѣтелемъ и возлагать на него свои надежды; наконецъ, онъ деспотъ въ своей семьѣ и бьетъ свою жену. Народъ оказался не тѣмъ, какимъ его представляли себѣ многіе, отправляясь на пропаганду въ его средѣ соціальныхъ идеаловъ. Отсюда явилось охлажденіе къ тѣмъ задачамъ, которыя прежде вызывали энтузіазмъ. Создалось убѣжденіе, что для соціалистической дѣятельности нѣтъ благодарной почвы въ сельскомъ народѣ» (Стефановичъ: — «Наши задачи въ селѣ»).

Съ другой стороны, революціонеры убѣдились, что у народа есть свои вполнѣ опредѣленныя требованія.

«Крестьяне внимательно слушали пропаганду на тему о малоземельи, о тяжести податей, о произволѣ администраціи и безсердечности помѣщиковъ, о жадности поповъ, о хищности кулаковъ» (Плехановъ—участникъ движенія).

Революціонеры убѣдились, что крестьянинъ привязанъ къ общинному землевладѣнію, жаждетъ земли и облегченія податного гнета и уничтоженія чиновниковъ (Стефановичъ). Съ этого момента начинается переходъ соціально-революціоннаго движенія къ «революціонному народничеству».

Рядомъ съ деревенскимъ опытомъ первые революціонеры-пропагандисты получили и политическій опытъ. Жестокими преслѣдованіями со стороны правительства за мирную пропаганду они вынуждены были взяться за самозащиту: за убійство шпіоновъ, жандармовъ, за вооруженныя сопротивленія при обыскахъ и при взятіи типогра-

фій. Такъ началось выступленіе первоначально мирныхъ пропагандистовъ, революціонеровъ только по убѣжденіямъ, на путь политической борьбы.

Въ 1878 году окончательно сложилась новая революціонная организація подъ названіемъ «Общество Земли и Воли».

Приведемъ выдержку изъ програмы, помѣщенной въ журналѣ «Земля и Воля».

«Революція—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего исправить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который по непреложнымъ законамъ исторіи совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли они ничто; въ предѣлахъ ея они—одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи. Поэтому основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности».

«*Во всѣ времена*, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ: земли и воли; земли, какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли, какъ общаго права всѣхъ людей распоряжаться своими дѣлами. Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ; изгнаніе, а иногда и поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т.-е. автономныхъ вольныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли—такова была неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ—Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ. Такова же, безъ сомнѣнія, останется она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа. Поэтому ее принимаемъ и мы революціонеры-народники».

И далѣе: «Настоящему предстоитъ громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій соціалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которыя уже созданы въ умахъ народа».

То же говорилъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ организаціи Стефановичъ въ статьѣ «Наши задачи въ селѣ»: «въ самомъ народѣ существуютъ соціалистическія черты, воспитанныя въ немъ самой исторіей. Экономическія воззрѣнія русскаго крестьянина проникнуты

вполнѣ общинными началами, а экономическій принципъ общины—это уничтоженіе права наслѣдственности въ землевладѣніи, что составляетъ основную формулу соціализма. Убѣжденіе въ томъ, что земля должна принадлежать только тому, кто ее обрабатываетъ, т.-е. крестьянамъ, и что дѣлежъ ея долженъ произойти «подушно», распространено повсемѣстно. Съ дугой стороны народъ, хотя и вѣрящій въ призрачнаго царя, глубоко ненавидитъ государство въ его реальныхъ проявленіяхъ, каковы—подати, солдатчина, чиновничество и пр.». Эти черты народнаго сознанія Стефановичъ считаетъ настолько согласными въ существенныхъ основаніяхъ съ современнымъ соціализмомъ, что находитъ наиболѣе цѣлесообразнымъ сосредоточить всѣ силы на агитаціи во имя слѣдующихъ требованій: 1) переходъ земель частной собственности въ собственность народныхъ общинъ, каковы онѣ есть въ настоящее время, 2) самостоятельность мѣстныхъ «громадъ»-«обществъ» въ завѣдываніи всѣми общественными функціями, т.-е. уничтоженіе государства.

Изъ приведенныхъ цитатъ ясно, что общественная мысль даннаго народническаго періода получила ярко бакунистскую окраску. Практическая дѣятельность въ деревнѣ народниковъ, какъ ихъ тогда называли—«бунтарей», въ противоположность мирнымъ пропагандистамъ («впередовцамъ»), состояла въ поселеніяхъ по деревнямъ въ качествѣ мастеровыхъ, торговцевъ и пр. для агитаціи на почвѣ сознанныхъ народомъ интересовъ и организаціи на мѣстахъ бунтовъ.

Нѣкоторые члены организаціи имѣли на этой почвѣ успѣхъ. Особенно обширную организацію среди крестьянъ удалось создать Стефановичу въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Но это ему удалось посредствомъ хитрости. Онъ, съ помощью подложнаго царскаго манифеста, подготовлялъ вооруженное возстаніе крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, съ цѣлью отобранія помѣщичьихъ земель (въ организацію входило болѣе 1000 челов.); заговоръ былъ однако открытъ.

Но и это въ новой формѣ движеніе въ народъ, въ общемъ, имѣло очень мало успѣха.

Главнѣйшей причиной неуспѣха было то, что отвлеченныя представленія революціонеровъ о революціонномъ настроеніи народа, густо окрашенныя собственнымъ настроеніемъ, оказались опять таки далеко не соотвѣтствующими дѣйствительности.

Недовольство крѣпостной реформой съ нищенскимъ надѣломъ, правда, было широко разлито въ крестьянствѣ, но «въ большинствѣ случаевъ крестьяне упорно связывали всѣ надежды на лучшее будущее *съ вѣрой въ царя»* (Плехановъ). Вспышки недовольства были чисто мѣстныя, временныя и не противъ «государства вообще», какъ мечтали бунтари, а противъ низшихъ представителей власти и помѣщиковъ (Плехановъ). Второй причиной было то, что *полиція быстро обнаруживала агитаторовъ*, и правительство жестоко расправлялось съ ними. Оно безпощадно наказывало тюрьмами и ссылками безъ всякаго суда не только за призывъ къ бунту, но и за всякій случайный признакъ принадлежности къ тайному обществу.

«Общество Земли и Воли», кромѣ деревенской группы, занимавшей первое мѣсто, и самой многочисленной, выдѣлило изъ себя рядъ спеціальныхъ группъ: группу интеллигентскую (для пропаганды и агитаціи среди интеллигенціи), *группу рабочую* (для пропоганды и агитаціи среди рабочихъ).

Жестокія расправы за самыя невинныя дѣйствія революціонеровъ вынудили ихъ принять съ своей стороны мѣры противодѣйствія. Такимъ образомъ выдвинулась группа *дезорганизаторская*, которой суждено было въ ближайшее время развиться въ грозную силу. Историкъ землевольчества Серебряковъ такъ характеризуетъ дезорганизаторскую группу: «Характеръ дѣятельности этой группы, тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность, въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія». Членамъ этой группы вмѣнялось между прочимъ въ обязанность завязывать сношенія съ различными лицами правительственныхъ сферъ съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ послѣднихъ, оказывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей. Въ спеціальномъ смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность преслѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ-подъ арестовъ товарищей, 2) защита отъ правительственнаго произвола, 3) защита чести революціонной партіи и 4) уничтоженіе измѣнниковъ.

IX.

Оппозиціонное настроеніе среди образованнаго общества.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшаго развитія революціонной мысли, необходимо отмѣтить здѣсь слѣдующее.

Такъ называемое образованное общество, состоящее изъ либеральныхъ чиновниковъ, врачей, адвокатовъ и пр., безучастно относилось и не понимало совершавшагося вокругъ него соціально-революціоннаго движенія. Оно видѣло только, что людей гноятъ въ тюрьмахъ, ссылаютъ. Слышало объ истязаніяхъ «заживо погребенныхъ», объ ихъ смертяхъ, сумасшествіяхъ, оно сожалѣло внутренно, втайнѣ возмущалось жестокостями правительства.

Рядъ политическихъ процессовъ въ 1877 году, особенно грандіозные процессы «193-хъ» и «50-ти» раскрыли глаза спящему обществу. Оно увидало, что «народилась новая сила», что «времена апостольскія возвращаются».

Рабское смущеніе общества передъ непонятнымъ явленіемъ перешло въ сочувствіе.

Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ 78 г. въ генерала Трепова за возмутительную расправу съ политическимъ арестантомъ Боголюбовымъ, высѣченнымъ за то, что онъ не снялъ шапки при появленіи Трепова на дворѣ тюрьмы, и ея оправданіе судомъ присяжныхъ произвели сильное впечатлѣніе на общество. Цѣлый рядъ смѣлыхъ политическихъ покушеній, убійствъ жандармовъ, прокуроровъ и пр., студенческіе безпорядки; открывшійся жестокій правительственный терроръ на все живое и честное, стѣсненія печати, суда, земства, изъятіе политическихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, военные суды за политическія покушенія, назначеніе урядниковъ по деревнямъ въ цѣляхъ политическаго сыска, наконецъ, обнаруженный грабежъ государственной казны во время турецкой кампаніи 1877 года, неудачи при Плевнѣ,—все это вмѣстѣ расшевелило общество и пробудило въ широкихъ кругахъ мысль о небходимости положить предѣлъ произволу и взять правительство подъ контроль общества.

Но эти стремленія общества къ конституціи ограничивались тогда вѣрноподданническими петиціями и адресами, хотя высту-

пленіе соціально-революціонной партіи на путь политической борьбы и завоевало сочувствіе общества и поддержку.

Болѣе смѣлые изъ либераловъ при дальнѣйшемъ развитіи политической борьбы вступили даже въ союзъ съ революціонерами и организовали свои тайные кружки, такъ напр. «Либеральная Лига» и организація «Земскій Соборъ». Они даже принимали участіе въ заграничной конституціонной газетѣ «Вольное Слово».

X.

«Народная Воля» и «Черный Передѣлъ».

Возвратимся теперь къ революціонерамъ.

Жестокія гоненія противъ революціонеровъ все болѣе и болѣе толкали партію на путь политической борьбы, а по мѣрѣ выступленія на этотъ путь и взгляды на задачи партіи постепенно мѣнялись. «Въ зиму 1878—79 г.,—говорилъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей этого періода—Желябовъ, повѣшенный въ числѣ прочихъ участниковъ Александромъ III изъ мести за 1-е марта,—положеніе вещей было совершенно безвыходное... Я зналъ, что вопросъ о политической борьбѣ породилъ даже расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи «Земли и Воли», что часть этой организаціи ставила себѣ именно тѣ же задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ».

Политическая борьба, будучи вначалѣ одной изъ функцій партіи, постепенно сдѣлалась центральной дѣятельностью и втягивала въ себя самыхъ отборныхъ, самыхъ преданныхъ, смѣлыхъ и энергичныхъ борцовъ. Эта страница исторіи блеститъ такими именами, какъ: Соловьевъ, Гриневицкій, Михайловъ, Желябовъ, Кибальчичъ, Софья Перовская, Квятковскій, Ширяевъ, Халтуринъ.

Весною 1879 года состоялось первое покушеніе на Александра II, совершенное Соловьевымъ. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу его сотрудникъ, Александръ Михайловъ: «въ февралѣ 1879 года я встрѣтился съ Соловьевымъ, возвратившимся изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него жертву. Онъ задумалъ цареубійство... Соловьевъ—натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, дѣла, которое бы заразъ подвинуло значительно впередъ, къ счастью судьбы народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ въ цареубійствѣ»...

Послѣ неудачнаго покушенія Соловьева, лѣтомъ 79 г., на Липецко съѣздѣ, политической группой было окончательно рѣшено вступи на путь террора. Желябовъ такъ мотивировалъ это рѣшеніе:

«Соціально-революціонная партія въ Россіи должна преслѣд вать соціально-экономическія цѣли, а не политическія. Послѣдн принадлежатъ либеральнымъ партіямъ. Но такъ какъ либеральны партіи въ Россіи безсильны и не въ состояніи добиться свободных учрежденій и гарантій правъ личности, составляющихъ необходим условіе для каждой соціально-экономической дѣятельности, то рев люціонерамъ остается только одно средство: сломить деспотизмъ и д биться для народа такихъ учрежденій, при которыхъ возможна будет борьба идей. Поэтому на первый планъ ораторъ выставилъ, как первый принципъ и какъ ближайшую цѣль,—добываніе политич ской свободы, послѣдствіемъ чего должно явиться учредительн собраніе, въ которомъ восторжествуетъ принципъ народной вол Мысли Желябова встрѣтили всеобщее сочувствіе» (Тунъ). Ту же было рѣшено цареубійство, такъ какъ царь является единствен нымъ отвѣтственнымъ лицомъ, какъ представитель самодержавно власти, за всѣ дѣйствія его чиновниковъ, подчиненныхъ волѣ царя Съ этого момента былъ открытъ цѣлый походъ противъ Александра I поглотившій огромныя силы партіи (за 4 года съ 1879—1883 был повѣшено революціонеровъ 31 ч.).

Дѣлались многочисленные подкопы и взрывы, по той или друго причинѣ не приводившіе къ цѣли, пока, наконецъ, 1-го марта 1881 Александръ II не палъ отъ бомбы Гриневицкаго вмѣстѣ съ послѣ нимъ. Для послѣдняго покушенія, по словамъ Туна, явилось вызову Исполнительнаго Комитета партіи 47 охотниковъ. Съ осен 79 года Общество «Земля и Воля» окончательно раскололось двѣ партіи: партію народовольцевъ, издававшую органъ «Народна Воля», и партію чернопередѣльцевъ, издававшую органъ «Черны Передѣлъ», о которой скажемъ ниже. Въ окончательной форм задачи партіи Н. В. выразились въ программѣ «Исполнительна комитета Народной Воли» (1879 года).

Передадимъ вкратцѣ ея содержаніе.

1) По основнымъ убѣжденіямъ члены партіи «Народной Вол остаются попрежнему соціалистами и народниками.

2) Народъ находится въ экономическомъ и политическомъ ра ствѣ. Опутанный со всѣхъ сторонъ облегающими его слоями эксплуа

таторовъ, онъ доведенъ до физическаго вырожденія, до отупѣлости, забитости, нищенства,—до рабства во всѣхъ отношеніяхъ.

3) Эксплуататоровъ народа создаетъ и защищаетъ государство, которое само представляетъ собою крупнѣйшую капиталистическую силу. Государственный буржуазный наростъ держится на спинѣ народа исключительно голымъ насиліемъ подобно тому, какъ держались у насъ монголы Чингисъ-хана.

4) Въ народѣ живы еще традиціонные принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки союзнаго устройства, свободы совѣсти и слова. Начала эти получатъ широкое развитіе, когда народъ получитъ возможность устраиваться сообразно своей волѣ.

5) Ближайшая задача партіи «снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу».

6) Народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена «Учредительнымъ Собраніемъ», избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ.

7) «Наша цѣль,—говорится въ программѣ, — отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію». Достичь захвата власти у существующаго правительства партія находила возможнымъ путемъ организаціи строго централизованной заговорщицкой партіи.

Для изложенныхъ цѣлей партія «Народной Воли» находила нужнымъ: 1) пропагандировать и агитировать за идею демократическаго переворота, какъ средства соціальной реформы во всѣхъ слояхъ народа: среди интеллигенціи, военныхъ сферъ и городскихъ рабочихъ. Что касается деревни, то здѣсь революціонеру приходится биться объ народъ, «какъ рыбѣ объ ледъ». Поэтому они и ограничивались воздѣйствіями на отдѣльныхъ личностей.

2) Вести постоянную террористическую дѣятельность, которая имѣетъ своею цѣлью подорвать обаяніе правительственной силы; давать непрерывное доказательство возможности борьбы противъ правительства, поднимать, такимъ образомъ, революціонный духъ народа и вѣру въ успѣхъ дѣла и, наконецъ, формировать годныя и привычныя къ бою силы.

3) Организовать тайныя общества и сплачивать ихъ вокругъ центра. Пріобрѣтать вліятельное положеніе во всѣхъ слояхъ народа и,

наконецъ, главное—въ виду придавленности народа, партія беретъ на себя починъ переворота.

Планъ этого почина не былъ опубликованъ въ программѣ, но имѣлся въ виду захватъ власти заговорщиками въ благопріятный для того моментъ и объявленіе временнаго правительства. Здѣсь отразились забытыя на время идеи ред. «Набата» Ткачева.

Теоретическіе представители партіи Чернаго Передѣла [1]) расходились съ народовольцами главнымъ образомъ въ томъ, что не вѣрили въ благопріятный исходъ для народныхъ массъ политическаго переворота въ данный моментъ. Они находили попрежнему необходимой «предварительную революціонную работу въ народѣ». Они не признавали возможности захвата власти силами «немногочисленной группы революціонеровъ», имѣлся ли въ виду дворцовый заговоръ или военная революція—все равно. Въ «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ» (Черный Передѣлъ, № 1) говорится: «Историческій опытъ учитъ насъ, что реорганизація общества на болѣе справедливыхъ основаніяхъ возможна лишь при помощи экономической, соціальной революціи, что политическіе перевороты нигдѣ и никогда не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу».

«Конституціонныя идеи (идеи ограниченія власти нар. представительствомъ) послѣ долгой и упорной борьбы восторжествовали во всей Европѣ въ 48 году. Но торжество конституціонныхъ идей стало торжествомъ буржуазіи»... Чернопередѣльцы настаивали на томъ, что политическая революція тогда будетъ плодотворна для народа, когда она явится какъ послѣдствіе экономической—аграрной революціи. «Мы возстаемъ,—говорится въ томъ же письмѣ,—противъ политической борьбы не безусловно, а ставимъ ее въ зависимость отъ предварительной революціонной работы въ народѣ». «Скажите, какимъ образомъ вы думаете осуществить политическій переворотъ въ Россіи? Кромѣ заговоровъ дворцоваго и военнаго, мы не видимъ другихъ для осуществленія у насъ политическаго переворота въ настоящее время. Что касается дворцоваго заговора, то мы увѣрены, что вы не будете марать рукъ въ этой грязной работѣ. Для подавленія военнаго заговора у нашего правительства вдоволь хватитъ реакціонныхъ элементовъ во всѣхъ сферахъ»...

---

[1]) Журналъ «Черн. Передѣлъ» имѣлъ своими сотрудниками такихъ видныхъ дѣятелей, какъ Плехановъ (редакторъ), Стефановичъ, Аксельродъ, Засуличъ и др.

«Дворянство, молодая наша буржуазія, литераторы, ученые и пр. не имѣютъ пока никакой самостоятельной силы, а составляютъ лишь неотдѣлимую часть нашего государства».

«Остается наша молодая интеллигенція и многія отдѣльныя личности различныхъ сословій и положеній. Они-то и составляютъ главный контингентъ нашей революціонной партіи, ими она восполнятся и растетъ». Авторъ не вѣритъ, чтобы эта немногочисленная группа могла захватить власть. Далѣе онъ, допуская предположеніе, что правительство подъ напоромъ партіи сдѣлаетъ уступки и дастъ конституцію, спрашиваетъ, какія будутъ послѣдствія. «Въ городѣ въ Земскій Соборъ попадетъ богатый, вліятельный купецъ, въ деревнѣ въ большинствѣ случаевъ «богатый, знатный мужикъ», «хозяйственный мужичокъ»... Въ число депутатовъ отъ крестьянъ попадетъ также мѣстный землевладѣлецъ, «баринъ»... Далѣе: «если партія желаетъ, чтобы политическая свобода была вполнѣ обезпечена и гарантирована отъ узурпацій (захватовъ) и искаженій враждебныхъ ей элементовъ, необходима организація въ народѣ боевой партіи на почвѣ экономическихъ отношеній, какъ ихъ понимаетъ народъ».

По поводу программы «Черн. Перед.» въ 1881 году редакторъ Плехановъ писалъ: «въ этихъ двухъ словахъ: «черный передѣлъ»,— заключается рѣшеніе крестьянскаго вопроса, отъ котораго, въ свою очередь, зависятъ всѣ остальные». «Толкая народъ въ активную борьбу съ государствомъ, воспитывая въ немъ самодѣятельность и активность, пользуясь каждымъ мелкимъ случаемъ для возбужденія народнаго неудовольствія и для сообщенія народу, путемъ пропаганды словомъ и дѣломъ, правильнаго взгляда на смыслъ существующихъ и желательныхъ соціальныхъ отношеній въ будущемъ, соц.-рев. партія должна довести народъ отъ пассивнаго (бездѣятельнаго) *ожиданія черного передѣла* сверху *до активныхъ (дѣятельныхъ) требованій земли и воли снизу*». «Голосъ народа, требующій аграрной революціи, есть какъ бы голосъ Божій, указывающій нашей интеллигенціи ея истинное провиденціальное (предопредѣленное свыше) назначеніе».

Въ другой статьѣ «Чернаго Передѣла» дается теоретическое объясненіе программы аграрнаго (земельнаго) соціализма въ Россіи[1]). «Какъ въ современенной Ирландіи, такъ и въ древнемъ Римѣ, аграрная

---

[1]) Мы приводимъ это мѣсто, такъ какъ оно будетъ имѣть для насъ значеніе въ послѣдующемъ изложеніи измѣненій во взглядахъ Плеханова.

революція могла бы лишь передать право поземельной собственности въ руки всего народа, не внося новаго принципа (начала) въ отношеніе людей къ землѣ... Совершенно иное значеніе пріобрѣтаетъ аграрное движеніе въ странахъ, гдѣ община является преобладающей формой крестьянскаго землевладѣнія. Экспропріація (отчужденіе) крупныхъ хозяйственныхъ собственниковъ необходимо ведетъ въ этомъ случаѣ не только къ болѣе справедливому распредѣленію земель, но и къ замѣнѣ индивидуальнаго (личнаго) владѣнія ими коллективнымъ (общественнымъ), т.-е. обслуживающимъ торжество высшаго принципа (начала) имущественныхъ отношеній».

«Такой именно смыслъ имѣютъ живущія въ русскомъ народѣ ожиданія чернаго передѣла, который даже въ тѣхъ частяхъ нашего отечества, гдѣ существуетъ подворно-наслѣдственное владѣніе землей, нерѣдко связывается съ представленіемъ объ общинномъ землевладѣніи и душевой разверсткѣ. Вслѣдствіе этого соціалистъ, провозглашающій коллективное владѣніе орудіями и предметами труда, по крайней мѣрѣ въ той части своей пропаганды, которая касается поземельнаго владѣнія, становится выразителемъ и обобщителемъ народныхъ стремленій и, не отказываясь отъ своего выработаннаго наукой міросозерцанія, онъ съ полнымъ правомъ можетъ назвать себя революціоннымъ народникомъ въ лучшемъ значеніи слова». «Сочувствіе массы земледѣльческаго населенія къ коллективнымъ формамъ землевладѣнія, въ свою очередь, придаетъ своеобразный видъ какъ постановкѣ соціальнаго вопроса, такъ и практическимъ задачамъ соціалистической партіи въ Россіи, сравнительно съ ея задачами на западѣ. Неизбѣжность капиталистической продукціи (производства), какъ переходной ступени къ соціальной организаціи будущаго общества, признается нами лишь для тѣхъ сферъ (областей) имущественныхъ отношеній людей, гдѣ индивидуализмъ (личное начало) является до сихъ поръ исключительно господствующимъ принципомъ. До сихъ поръ вопросъ о причинахъ исчезновенія ихъ (т.-е. коллективныхъ формъ владѣнія) представляется далеко еще нерѣшеннымъ окончательно и безапелляціонно въ сторону внутренней необходимости. Напротивъ, даже съ предвзятой мыслью предпринятыя изслѣдованія приводили лишь новыя доказательства въ пользу того мнѣнія, что исчезновеніе коллективизма обусловливалось неблагопріятнымъ стеченіемъ историческихъ условій. Онѣ не только не носятъ въ самихъ себѣ элементовъ разложенія, но, напротивъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ прогрессируютъ и

совершенствуются, налагая свою печать на всѣ предпріятія общинниковъ. Стремленіе къ коллективной организаціи промышленныхъ предпріятій было замѣчено во всѣхъ странахъ, гдѣ поземельная община сохранилась въ болѣе или менѣе полномъ видѣ». «Въ настоящее время только общинно-земледѣльческая и артельная организація народной промышленности составляютъ практически осуществимую въ Россіи часть соціалистической доктрины. Поэтому они и должны быть взяты агитаціоннымъ девизомъ русской соціально-революціонной партіи».

Къ сказанному о способахъ борьбы партіи Чернаго Передѣла нужно прибавить, что чернопередѣльцы не отрицали значенія политической борьбы въ настоящее время, но только не придавали ей первенствующаго, рѣшающаго значенія. Они также не отрицали и террористической борьбы съ правительствомъ, какъ съ самымъ беззастѣнчивымъ, самымъ грубымъ выразителемъ классоваго господства. Они признавали нужнымъ и аграрный и фабричный терроръ въ борьбѣ съ помѣщиками и кулаками, какъ агитаціонное средство. Сообразно своимъ задачамъ они не признавали необходимости въ централистической организаціи и организовались на началахъ союзности.

Этимъ мы закончимъ изложеніе взглядовъ партіи «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла».

Какъ народовольцы, такъ и чернопередѣльцы, одинаково признавали быстрый ростъ капитализма въ Россіи и отсюда надвигающуюся опасность господства буржуазіи. Какъ тѣ, такъ и другіе, одинаково признавали наличность *тѣснаго союза самодержавія и буржуазіи*. Но выводъ по отношенію къ ближайшимъ задачамъ соціалистической партіи дѣлали различный. Чернопередѣльцы указывали на опасность политическаго переворота въ то время, когда «народная партія» была еще недостаточно организована, а буржуазія, при общей бѣдности народа, дворянства и другихъ группъ была единственной солидной силой, способной завладѣть властью.

Народовольцы же указывали, напротивъ того, на опасность этого быстраго усиленія буржуазіи при самодержавномъ строѣ и какъ на неизбѣжный результатъ этого усиленія, въ случаѣ если ему не будетъ поставлено препятствій со стороны соціалистической партіи, на политическое ея господство. Отсюда необходимость: для однихъ, *совершенія соціально-политическаго переворота при широкомъ участіи массъ*, для чего необходимо организовать *народную соціалистическую партію*; для другихъ—немедленный *захватъ власти*

силами интеллигентской соціалистической партіи и созывъ Учредительнаго Собранія, большинство котораго по тогдашнему народническому воззрѣнію, непремѣнно будетъ соціалистическаго направленія.

XI.

80-е годы. Усиленіе реакціи и упадокъ революціоннаго народничества.

Итакъ, мы знаемъ теперь, каковы были задачи партіи «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла» и какія средства признавались ими цѣлесообразными для достиженія ихъ задачъ, поскольку то и другое выразилось въ программахъ этихъ партій. Но мощь жизни сильнѣе программъ. Ни той, ни другой партіи не удалось провести свои широкія программы. Правительственный терроръ съ 1881 года усилился до крайнихъ предѣловъ. Вся внутренняя политика правительства направлена была на одно — на уничтоженіе съ корнемъ крамолы.

Реакціонная черносотенная печать въ лицѣ «Московскихъ Вѣдомостей», «Гражданина» и пр. натравливала правительство на все, что не стояло на сторонѣ истребителей крамолы.

Партіямъ впору было защищаться и отстаивать свои позиціи. Но и это имъ не удалось. Каждый актъ со стороны партій вызывалъ жестокія преслѣдованія и погромы, сопровождавшіеся большимъ количествомъ жертвъ. Партіи были разбиты. Остатки ихъ кое-какъ протянули до 1887 года, въ видѣ группъ «террористовъ», «милитаристовъ» или подъ прежнимъ названіемъ «народниковъ» и въ концѣ концовъ исчезли и какъ таковыя. Лица, ихъ составлявшія и еще не арестованныя, частью переселились за границу (Плехановъ, Аксельродъ, Тихомировъ, потомъ сотрудникъ «Московскихъ Вѣд.» и др.); частью ушли въ личную жизнь, частью подъ вліяніемъ утомленія ударились въ «толстовство» и стали проповѣдывать теорію непротивленія злу насиліемъ. Иные въ существованіи трудами рукъ своихъ, въ личномъ самоусовершенствованіи, въ дѣланіи «малыхъ дѣлъ» стали искать себѣ удовлетворенія.

Уцѣлѣвшіе остатки, какъ осенніе листья на деревьяхъ, ожидали, когда молодыя почки пробьются черезъ нихъ, и тѣмъ они сослужатъ послѣднюю свою службу дѣлу революціи.

На развалинахъ революціоннаго народничества расцвѣло легальное народничество во главѣ съ литературными представителями его (В. В.—«Судьбы капитализма въ Россіи». Николай-онъ—«Очерки) нашего пореформеннаго хозяйства», Юзовъ—«Основы народничества». Народники доказывали, что нашъ капитализмъ есть искусственное насажденіе правительства и для своего развитія не имѣетъ почвы въ Россіи. Отсутствіе рынковъ должно положить предѣлъ его развитію. Нужно отказаться отъ покровительства капитализму, нужно законодательными мѣрами закрѣпить общину отъ разрушенія. Нужно отдѣлившуюся отъ земледѣлія обрабатывающую промышленность снова соединить. Нужно поддержать кустарные промыслы. Нужно перейти къ общественной обработкѣ земли. «Общество», «мы», должно организовать общественное производство. Если все это не будетъ сдѣлано, Россіи угрожаетъ превратиться въ «пустыню, усѣянную костями». Н. К. Михайловскій, самый выдающійся защитникъ идей революціоннаго народничества, своимъ перомъ принимавшій участіе въ движеніи въ періодъ «Народной Воли» и въ этотъ мрачный періодъ поддерживавшій революціонную искру всѣми силами своего публицистическаго таланта, пытался доказать непримѣнимость къ русской жизни историко-философской теоріи Маркса, доказать, что Россія можетъ и должна итти «самобытнымъ» путемъ развитія. Но видя, что «возможность перехода къ высшему порядку, минуя среднюю стадію своего развитія, стадію буржуазнаго государства... убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ», что «практика урѣзываетъ ее безпощадно...» и онъ растеривается передъ усложнившейся задачей и впадаетъ въ скептицизмъ, начинаетъ сомнѣваться въ достиженіи идеала «лучшаго высшаго порядка». Положеніе же защитниковъ «народныхъ устоевъ» сдѣлалось поистинѣ трагическимъ. Та сила, которая должна была «повернуть колесо исторіи» съ капиталистическаго пути на путь соціализма, погребена—всѣ это видѣли. «Общество», «мы», безсильно складывало руки. Оставалось уповать, что правительство само, убѣдившись въ гибельности своей буржуазной политики, перемѣнитъ курсъ, замѣнитъ буржуазную политику народной. Но... пока идетъ судъ надъ экономической политикой правительства... «котъ Васька слушаетъ, да ѣстъ».

XII.

Развитіе капитализма въ Россіи. Разложеніе идеи народничества и начало соціалъ-демократіи.

Параллельно съ разложеніемъ революціонной практики шло и разложеніе революціонной теоріи. Причиной тому были глубокія экономическія измѣненія въ нашемъ отечествѣ.

Раскрѣпощенныя въ 1861 г. производительныя силы Россіи стали быстро измѣнять экономическую физіономію ея. Патріархальное натуральное хозяйство, т.-е. хозяйство для собственнаго потребленія, не могло уже больше удовлетворять растущія потребности государства, помѣщиковъ и крестьянъ. Потребовались деньги, деньги и деньги. Нужно было вывозить продукты на рынокъ, продавать хлѣбъ, закладывать землю. Налоги съ крестьянъ не могли удовлетворить растущіе государственные расходы. Для поддержанія государственныхъ финансовъ нужно было скорѣйшее развитіе обрабатывающей промышленности. Правительство идетъ навстрѣчу ея развитію. Отсюда устройство сѣти желѣзныхъ дорогъ, устройство банковъ, правительственная поддержка акціонерныхъ обществъ, промышленныхъ предпріятій, высокія таможенныя пошлины для ввоза иностранныхъ товаровъ. Отсюда наплывъ иностранныхъ капиталовъ въ видѣ займовъ и въ видѣ устройства англійскихъ, бельгійскихъ, французскихъ предпріятій.

Всѣ эти перечисленныя условія привели въ движеніе всѣ дремлющія силы Россіи. Города выросли. Всюду появились фабрики и заводы, которые стали притягивать къ себѣ голодающее сельское населеніе. Началась усиленная скупка хлѣба, продуктовъ крестьянскаго хозяйства: зерна, льна, масла, яицъ и пр., главнымъ образомъ для вывоза за границу. Патріархальный крестьянинъ сдѣлался вынужденнымъ товаропроизводителемъ на международный рынокъ. Сталъ выдѣлять изъ своей среды кулаковъ, прасоловъ, лавочниковъ и пр. Деревня стала посылать излишнія руки на фабрики, въ отхожіе промыслы. Старая крѣпостная община съ равенствомъ всѣхъ передъ бариномъ, сравнительно съ одинаковымъ имущественнымъ положеніемъ ея членовъ, связанная общностью всѣхъ интересовъ, мало-по-малу начинаетъ превращаться въ собраніе лицъ съ раз-

ымъ достаткомъ, съ разнообразными интересами, но еще крѣпко связанныхъ общинной землей. Серьезнымъ испытаніемъ для этой связи явились: выкупъ земли, право выдѣла отдѣльныхъ хозяевъ, внесшихъ выкупные платежи, и крестьянскій земельный банкъ съ правомъ покупки земли въ личную собственность.

Растетъ обѣднѣніе деревни. Въ городахъ растетъ пролетаріатъ. Падаютъ кустарные промыслы. Кустари идутъ работать на фабрики.

Всѣ эти факты не могли не отразиться на томъ кругѣ идей, который получилъ свое начало еще съ конца 40-хъ годовъ, при тогдашнихъ первобытныхъ условіяхъ хозяйства. Вѣра въ свой особый и «самобытный» путь развитія Россіи, минуя господство капитализма, колеблется. Уже въ концѣ 70-хъ годовъ стали раздаваться тревожные голоса среди народниковъ: «Община разрушается!» «Чумазый идетъ!» «Господинъ капиталъ шествуетъ!» Ткачевъ въ своемъ «Набатѣ» еще въ 75 году призывалъ интеллигенцію вооружиться противъ надвигающагося капитализма. «Огонь (промышленный прогрессъ) подбирается къ нашимъ государственнымъ формамъ,—говорилъ онъ.—Теперь онѣ мертвы и безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнетъ въ нихъ новый духъ, дастъ имъ силу и крѣпость, которыхъ въ нихъ пока еще нѣтъ»...

Въ этотъ періодъ всеобщей безнадежности окончательно разложилась основная формула революціоннаго народничества,—«все для народа, все посредствомъ самого народа», взятая изъ манифеста коммунистической партіи: «дѣло освобожденія рабочихъ—дѣло рукъ самихъ рабочихъ». Послѣдній изъ могиканъ Н. К. Михайловскій, считая народную массу, не раздѣлявшую стремленій «интеллигенціи», за «великую Ѳедору, да дуру», жившую своими мнѣніями, отличными отъ мнѣній интеллигенціи—«города на верху стоящаго», предлагалъ дѣйствовать въ интересахъ народа, но не только посредствомъ самого народа. Мнѣнія заинтересованной «Ѳедоры» должны быть приняты только *къ свѣдѣнію*, съ ними необходимо было только считаться и то лишь тогда, *«когда это возможно»*.

На фонѣ разложенія «старыхъ устоевъ» безпощадная исторія дѣлаетъ свое революціонное дѣло.

Капиталъ, не знающій ни роду, ни племени, международный капиталъ, постепенно расшатываетъ стародѣдовскіе устои, проникаетъ во всѣ поры русской жизни и вмѣстѣ съ разрушеніемъ незамѣтно вноситъ свои зиждительныя силы.

Онъ выдвигаетъ на сцену русской жизни «пролетарія», т.-е. промышленнаго рабочаго, лишеннаго средствъ производства, въ противоположность капиталисту, владѣющему этими средствами. Выдвигаетъ того европейскаго пролетарія, который на Западѣ задаетъ тонъ исторіи, который на западѣ уже наканунѣ того, чтобы взять власть въ свои руки, который на Западѣ является носителемъ самыхъ передовыхъ идей вѣка—идеи такъ наз. научнаго соціализма Маркса и Энгельса.

Капитализмъ вмѣстѣ съ рублемъ началъ вносить въ деревню новыя понятія, началъ подрывать довѣріе къ старымъ надеждамъ, старымъ вѣрованіямъ, старымъ упованіямъ, старому міровоззрѣнію. Всѣ эти явленія вызвали большое смятеніе среди народниковъ. Они послужили основаніемъ для перелома русской общественной мысли вообще и революціонной мысли въ частности. Первую роль въ этомъ переломѣ играла «Группа Освобожденія Труда»; такъ называлась первоначальная ячейка, зерно новаго русскаго соціалъ-демократическаго движенія. Составлена она была извѣстными бывшими черно-передѣльцами Плехановымъ, Дейчемъ, Аксельродомъ и Вѣрой Засуличъ[1]). Въ ихъ первыхъ изданіяхъ («Соціализмъ и политическая борьба», 83 года, переводъ «Манифеста Коммун. Партіи», 82 г., «Наши разногласія», 85 года и «Проектъ программы русскихъ соціалъ-демократовъ», 85 года) уже заключается весь кругъ тѣхъ основныхъ идей, которыя сдѣлались теоретическимъ фундаментомъ новаго движенія. Прежде чѣмъ излагать соціалъ-демократическое ученіе, мы должны сдѣлать отступленіе.

XIII.

Основы научнаго соціализма Маркса и Энгельса.

Мы выше говорили, что старый кругъ идей, котораго держалось движеніе, хотя исходилъ частію изъ научнаго соціализма и имѣлъ связь съ ученіемъ Маркса и Энгельса, но онъ, главнымъ

[1]) Въ русской литературѣ еще въ 70-хъ годахъ Зиберъ пытался освѣтить русскую жизнь съ точки зрѣнія теоріи Маркса, но его попытка не оказала тогда замѣтнаго вліянія на общественную мысль. Уже въ «Черномъ Передѣлѣ» весьма замѣтно стремленіе будущихъ соц.-демократовъ стать на точку зрѣнія теоріи Маркса и съ этой точки зрѣнія освѣтить русскую жизнь, сохранивъ народническое отношеніе къ крестьянству и общинѣ. Но на этой позиціи они долго не удержались.

образомъ, вобралъ въ себя выводы этого ученія, не усвоивши самаго его основанія: историко-философскихъ взглядовъ его основателей, ихъ діалектическихъ способовъ и пріемовъ мышленія, т.-е. отношенія къ явленіямъ общественной жизни, не какъ къ неподвижнымъ, разъ даннымъ фактамъ, а какъ къ процессамъ «вѣчно текущимъ», вѣчно измѣняющимъ свои формы. Соціализмъ 70-хъ годовъ содержалъ въ себѣ значительные остатки идеализма и метафизики 40-хъ годовъ. Къ этимъ остаткамъ, какъ мы видѣли, принадлежитъ безусловная вѣра въ особенную силу критически мыслящей личности («прогрессъ есть переработка культуры мыслью»—Лавровъ) и вѣра въ особый самобытный путь развитія Россіи, минуя капитализмъ. По справедливости, онъ можетъ быть названъ эклектическимъ (смѣшаннымъ) соціализмомъ,—это среднее звено между утопическимъ (французскимъ) соціализмомъ и нѣмецкимъ научнымъ соціализмомъ. «Эклектическій соціализмъ представляетъ собою»,—какъ говоритъ Энгельсъ,—«различныхъ оттѣнковъ смѣсь изъ наиболѣе общепризнанныхъ и наименѣе глубокихъ замѣчаній, экономическихъ положеній и общественныхъ идеаловъ различныхъ основателей сектъ, смѣсь тѣмъ легче получающуюся, чѣмъ скорѣе составныя части ихъ утрачиваютъ въ потокѣ дебатовъ, какъ камни въ ручьѣ, свои острые углы и грани». «Этотъ средній соціализмъ,—замѣчаетъ Энгельсъ,—господствуетъ до сихъ поръ въ головахъ большинства рабочихъ въ Англіи и Франціи».

Новая «Группа Освобожденія Труда» взяла себѣ въ руководство ученіе «научнаго» соціализма Маркса и Энгельса во всей его неприкосновенности. Чтобы всѣмъ было понятно дальнѣйшее изложеніе, мы должны отмѣтить тѣ основныя, самыя существенныя черты ученія, которыя повліяли на коренной переломъ нашей общественной революціонной мысли. 1) Діалектическій методъ. Въ противоположность прежнимъ мыслителямъ экономистамъ, искавшимъ вѣчныхъ, естественныхъ законовъ общественной жизни (классическая политическая экономія, Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо), научный соціализмъ разсматриваетъ общественную жизнь, какъ постоянный процессъ внутренняго развитія; общественная жизнь, экономическая жизнь человѣчества вѣчно развивается, формы общественныхъ отношеній, политическій строй постоянно мѣняются, приходя въ соотвѣтствіе съ той или другой ступенью экономическаго развитія общества. 2) Матеріалистическое пониманіе исторіи. Въ противоположность прежнимъ воззрѣніямъ, объясняющимъ исто-

рическій прогрессъ человѣчества измѣненіемъ понятій, усовершенствованіемъ идей о справедливомъ устройствѣ соотвѣтственно желаніямъ и волѣ людей, научный соціализмъ основную, главнѣйшую причину общественныхъ измѣненій, слѣдовательно и прогрессъ, видитъ въ измѣненіяхъ, въ усовершенствованіяхъ способовъ производства и въ измѣненіяхъ обмѣна, короче говоря, въ измѣненіи экономики общества. Идеи же человѣчества, понятія, право, политика мѣняются не прежде, чѣмъ измѣнятся или начнутъ измѣняться экономическія условія. Это, конечно, не противорѣчитъ тому, что идеи могутъ быть восприняты такой средой или въ такихъ странахъ, въ которыхъ еще не существуетъ тѣхъ экономическихъ условій, которыя породили эти идеи. Напримѣръ, скажемъ: изъ Англіи идеи соціализма занесены въ Китай. Но для осуществленія ихъ, для того, чтобы онѣ сдѣлались осуществимыми задачами, нужна извѣстная экономическая почва. 3) Необходимость капиталистическаго періода развитія, какъ переходной ступени къ соціализму. Старый крѣпостной порядокъ, основанный на мелкомъ производствѣ одинокихъ производителей, владѣющихъ орудіями производства, и на продажѣ остатковъ продуктовъ, непотребленныхъ производителемъ и его господиномъ, рухнулъ и замѣнился новымъ буржуазнымъ строемъ, основаннымъ на крупномъ (въ развитой формѣ) капиталистическомъ производствѣ при отдѣленіи производителя отъ орудій его труда (земли, инструментовъ, станка и пр.) и при продажѣ всѣхъ продуктовъ его труда на рынкѣ; старый порядокъ рухнулъ только тогда (никакъ не прежде), какъ постоянно развивающимся производительнымъ силамъ стало тѣсно внутри стараго строя. Такъ же точно и современный капиталистическій строй, основанный на трудѣ пролетаріевъ, работающихъ на рынокъ, рухнетъ и замѣнится строемъ, основаннымъ на широко объединенномъ трудѣ производителей—хозяевъ общественныхъ средствъ производства, работающихъ не на продажу, а для общественнаго равномѣрнаго распредѣленія между трудящимися; но этотъ строй рухнетъ не ранѣе, какъ тогда, когда внутри существующаго капиталистическаго общества производительныя силы достаточно разовьются, т.-е. разовьются настолько, что имъ станетъ тѣсно въ старыхъ рамкахъ. 4) Что же разрушитъ существующій капиталистическій строй? Не самъ же собой онъ рушится? На это отвѣчаетъ *теорія классовой борьбы*. Въ противоположность прежнимъ мыслителямъ, утверждавшимъ, что въ обществѣ собственники земли,

капитала и труда стремятся прійти въ соотвѣтствіе другъ съ другомъ, къ гармоніи интересовъ на пользу всего общества, научный соціализмъ утверждаетъ, что во всѣ историческія времена *шла и совершается борьба классовъ, имѣющихъ противоположные интересы.* Свободный и рабъ, помѣщикъ и крѣпостной, мастеръ и подмастерье, угнетатель и угнетаемый *находились то въ скрытой, то въ явной борьбѣ,* кончавшейся *революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго строя* или иногда *гибелью борющихся классовъ.* Побѣждаетъ всегда тотъ классъ, который болѣе всѣхъ заинтересованъ въ переустройствѣ, на экономическихъ интересахъ котораго болѣе всего отражаются невыгоды отживающаго строя. Феодальный строй выдвинулъ буржуазію, и она побѣдила отживающихъ защитниковъ того стараго строя. Капиталистическій строй выдвинулъ пролетаріатъ, какъ носителя идеаловъ новаго строя. Онъ и является передовымъ борцомъ за новый соціалистическій строй. Съ гибелью стараго строя онъ не теряетъ ничего, кромѣ цѣпей, а «пріобрѣтаетъ весь міръ».

XIV.

Группа Освобожденія Труда.

Теперь возвратимся къ краткому изложенію взглядовъ первыхъ основателей Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи—«Группы Освобожденія Труда». Въ своей первой статьѣ этого направленія «Соціализмъ и политическая борьба», 1883 г., Плехановъ прежде всего поставилъ крестъ надъ революціоннымъ народничествомъ въ его цѣломъ, мечтавшемъ о томъ, что стихійное народное движеніе подъ руководствомъ разночинской революціонной партіи приведетъ къ переустройству народной жизни на соціалистическихъ началахъ.

«Годы пребыванія за границей,—говоритъ Плехановъ,—и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія, въ родѣ бунта Стеньки Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи, не можетъ удовлетворить соціально-политическія нужды современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія, и что они не могутъ развиться въ высшую коммунистическую форму безъ непосредственнаго воздѣйствія на

нихъ сильной и хорошо организованной рабочей соціалистической партіи. Поэтому я думаю, что вмѣстѣ съ борьбой противъ абсолютизма русскіе революціонеры должны стремиться, по крайней мѣрѣ, къ выработкѣ элементовъ для созданія такой партіи въ будущемъ».

Затѣмъ Плехановъ ставитъ также крестъ надъ народовольческимъ движеніемъ въ смыслѣ заговора и захвата власти группой революціонеровъ-разночинцевъ съ цѣлью соціалистическихъ преобразованій. Планъ этотъ онъ считаетъ безнадежнымъ и фантастическимъ. Онъ признаетъ высокую заслугу за народовольцами въ томъ, что они выдвинули на *первый планъ политическую борьбу* и необходимость для соціальныхъ реформъ прежде всего завоеванія политической власти. Но это завоеваніе власти возможно только тогда, когда за него возьмется цѣлый классъ, заинтересованный въ этомъ и *сознательно идущій на борьбу во имя своихъ классовыхъ интересовъ*. Этотъ классъ, выдвигающійся самимъ ходомъ экономическаго развитія, есть классъ русскаго пролетаріата. Но пока пролетаріатъ не созрѣлъ для этого,—говоритъ Плехановъ,—«до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ *ускореніи этого процесса развитія*, въ *устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія*». Онъ находилъ единственно не фантастичной цѣлью въ то время завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій и выработку элементовъ для образованія будущей рабочей соціалистической партіи въ Россіи. Отношеніе соціалъ-демократовъ того времени къ крестьянству видно изъ слѣдующихъ словъ Плеханова: «Во избѣжаніе недоразумѣнія оговоримся,—говоритъ Плехановъ,—мы не держимся того взгляда, скорѣе, какъ мы видѣли, навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существующаго въ дѣйствительности, взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія и сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что въ общемъ *русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую націонализацію земли*».

«При возможности сколько-нибудь свободной агитаціи въ его средѣ, т.-е. при конституціи, оно отнеслось бы съ сочувствіемъ къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованія такого рода въ свою программу; но мы,—говоритъ далѣе Плехановъ,—не преувеличиваемъ силъ нашихъ соціалистовъ, съ которым

имъ неизбѣжно придется считаться въ своей дѣятельности. Поэтому и только поэтому, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ на первое время сосредоточить главное свое вниманіе на центрахъ».

«Современное сельское населеніе, живущее при описанныхъ соціальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической иниціативѣ, но и менѣе ихъ воспріимчиво къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціей. Ему труднѣе усвоить соціалистическое ученіе, потому что условія его жизни слишкомъ не похожи на тѣ условія, которыя породили эти ученія». «Промышленный рабочій, обладающій большимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, примкнетъ къ нашей революціонной интеллигенціи—говоритъ Плехановъ—въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ и затѣмъ, добившись политической свободы, организуется въ соціалистическую рабочую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду соціализма въ средѣ крестьянства»... Въ этомъ мѣстѣ для подтвержденія своей мысли авторъ приводитъ слова Маркса и Энгельса въ предисловіи къ «Манифесту Коммунистической Партіи», изд. въ 1882 году (переводъ Плеханова), гдѣ они говорятъ, что русская община можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ «непосредственно перейти въ высшую коммунистическую форму землевладѣнія». Это обстоятельство стоитъ, по ихъ мнѣнію, въ тѣсной связи съ ходомъ революціоннаго движенія на западѣ Европы и въ Россіи. «Если русская революція, говорятъ они, *послужитъ сигналомъ къ рабочей революціи на западѣ, такъ что обѣ онѣ пополнятъ другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія*».

Въ «Нашихъ разногласіяхъ» Плехановъ, отрицая въ общинѣ такія внутреннія силы, которыя толкали бы крестьянъ къ переходу къ коммунизму, признаетъ за ней, однако, важныя качества, облегчающія этотъ переходъ. Находя, что разложеніе общины происходитъ преимущественно въ промышленныхъ мѣстностяхъ Россіи, онъ призываетъ народниковъ воспользоваться этими силами, которыя освобождаются при разложеніи общины, и организовать эти силы пролетаріата въ соціалистическую партію. Эта соціалистическая партія удержитъ общину отъ разложенія тамъ, гдѣ она сохранила наибольшую свѣжесть и прочность. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что программа Группы Освобожденія Труда «не жертвуетъ деревней

въ интересахъ города, не игнорируетъ (не пренебрегаетъ) крестьянства ради промышленныхъ рабочихъ». *«Она ставитъ своей задачей организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія».*

Въ 1885 г. появился проектъ программы русскихъ соціалъ-демократовъ, вышедшій въ исправленномъ видѣ 2-мъ изданіемъ въ 1888 г. Здѣсь изложены въ системѣ (порядкѣ) всѣ основные взгляды и намѣчены ближайшія соціалъ-демократическія требованія. Коротко перечислимъ эти требованія. Соціалъ-демократы стремятся къ полному *освобожденію труда отъ гнета капитала.* Освобожденіе будетъ достигнуто тогда, когда *всѣ средства и предметы производства* перейдутъ въ *общественную собственность.* Слѣдствіемъ этого перехода явится: *уничтоженіе купли и продажи продуктовъ* на рынкѣ и *общественное ихъ производство* по заранѣе составленному плану въ цѣляхъ удовлетворенія всѣхъ членовъ общества. *Завѣдываніе гражданъ всѣми общественными дѣлами путемъ прямого народнаго законодательства. Соціалистическая и коммунистическая революція можетъ упрочиться* при участіи въ ней нѣсколькихъ *цивилизованныхъ обществъ* (государствъ). При переустройствѣ общества на новыхъ началахъ неизбѣженъ на первое время *захватъ политической власти рабочимъ* классомъ для подавленія противниковъ новаго строя. Рабочій классъ не вездѣ одинаково подготовленъ къ этой роли. Такъ, въ Россіи современное капиталистическое производство еще стремится статъ господствующимъ и трудящаяся масса находится подъ двойнымъ игомъ: развивающагося капитализма и стараго отживающаго патріархальнаго хозяйства (остатки крѣпостничества). Здѣсь задача соціалъ-демократовъ сложнѣе, чѣмъ въ странахъ вполнѣ капиталистическихъ, живущихъ при свободныхъ политическихъ условіяхъ, которыхъ русскимъ нужно еще добиться, ибо они необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. *Крестьянство,* живущее при старыхъ разлагающихся общинныхъ формахъ, порабощающихъ личность и прикрѣпляющихъ ее къ землѣ, *не можетъ вывести Россію на путь свободнаго развитія. Напротивъ,* благодаря своей умственной и политической неразвитости, узкому кругозору, ограниченному предѣлами деревенскихъ преданій, *оно служитъ главнѣйшей опорой абсолютизма* (самовластія). Но слѣдствіемъ разложенія общиннаго быта является новый классъ промышленнаго пролетаріата. Классъ болѣе развитой, воспріимчивый, подвижной, легче отзывающійся на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земле-

дѣльческое населеніе. Отсюда *главнѣйшая задача* соціалъ-демократіи образованіе *революціонной рабочей партіи*. Ростъ партіи встрѣтитъ препятствіе въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ. Отсюда неотложная необходимость борьбы съ абсолютизмомъ (самодержавіемъ) даже тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые являются зародышами будущей рабочей партіи. Средства борьбы: *агитація* противъ *абсолютизма среди рабочихъ*, частныя *столкновенія съ правительствомъ* и въ подходящій моментъ *рѣшительное на него нападеніе*. Цѣль борьбы—«завоеваніе *демократической конституціи*». Политическія требованія отъ конституціи въ общемъ тѣ же, которыя изложены подробнѣе въ позднѣйшихъ соціалъ-демократическихъ программахъ. Перечислять мы ихъ не будемъ: они сводятся къ полной политической свободѣ и равноправному участію всѣхъ въ управленіи. Экономическія требованія въ общемъ также тождественны (одинаковы) съ выставленными въ позднѣйшихъ программахъ, гдѣ они подробнѣе развиты. Они сводятся къ рабочему законодательству въ цѣляхъ улучшенія положенія рабочаго класса и охраны его отъ физическаго и нравственнаго вырожденія. Обратимъ вниманіе на аграрныя требованія: «Радикальный (коренной) пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т.-е. условій выкупа земли,—говорится въ программѣ,—и надѣленіе ею крестьянскихъ обществъ, предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ»... Вслѣдъ затѣмъ программа и заканчивается словами: «и т. д.» Въ дополненіи къ программѣ говорится, что «выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины пролетарій вернется въ нее *соціалъ-демократическимъ агитаторомъ*. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ *безнадежную* теперь *судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо* до тѣхъ поръ, пока *само* это *разложеніе не создастъ народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма*. Такою силою явится *рабочая партія* и увлеченная ею бѣднѣйшая часть крестьянства».

XV.

Распространеніе соціалъ-демократическихъ идей въ Россіи и соціалъ-демократическіе кружки.

«Группа Освобожденія Труда», возникшая за границей, имѣла вначалѣ своими сторонниками русскую заграничную молодежь.

Почти одновременно возникла въ Петербургѣ группа молодежи съ соціалъ-демократическими задачами, которая позднѣе приняла програму заграничной группы.

На долю иниціаторовъ соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи первоначально выпала трудная задача въ продолженіе десятка лѣтъ съ малымъ успѣхомъ внѣдрять и укрѣплять въ умахъ учащейся молодежи и рабочихъ интеллигентовъ идеи научнаго соціализма, при чемъ для этихъ послѣднихъ пришлось не ограничиваться одними общественными вопросами, а читать лекціи и по естественнымъ наукамъ. Первоначальная малоуспѣшность работы зависѣла главнымъ образомъ отъ переходнаго состоянія интеллигентной молодежи и недостаточной заинтересованности рабочихъ. Мы уже упоминали выше, что произошло послѣ разгрома революціи, вслѣдъ за мартовскими днями 1881 года. Молодежь была ошеломлена неудачами предшественниковъ. Среди нея остылъ революціонный пылъ, пропала вѣра въ революцію. Массѣ честной, гуманно-настроенной разночинской молодежи, не ушедшей въ личную жизнь, въ наслажденіе искусствомъ, картами, ничего не оставалось болѣе, какъ заняться мелкой культурной работой просвѣтителей. На этомъ поприщѣ она приложила не мало энергіи и нельзя сказать, чтобы безрезультатно. Своей просвѣтительной работой, устройствомъ библіотекъ, читаленъ, разсылкой и распространеніемъ книгъ культурнымъ дѣятелямъ 80-хъ годовъ удалось вызвать среди малограмотной массы интересъ къ книгѣ, подготовить сознательный элементъ въ рабочей и крестьянской средѣ.

Къ исходу 80-хъ годовъ значительная часть молодежи уже не стала, однако, удовлетворяться одной культурной работой, но, не имѣя преемственности отъ прежняго революціоннаго движенія— представители ея были рѣдки, какъ «зубры въ бѣловѣжской пущѣ».— она была вынуждена ощупью искать выхода изъ тупика, въ который ее загнали 80-ые годы.

Разразившійся въ 1891 году страшный голодъ и холера вновь взбудоражили общественную совѣсть и послужили толчкомъ къ оживленному движенію среди интеллигенціи. Россія покрывается тайными кружками самообразованія, кружки серьезно принимаются за научную подготовку по общественно-революціоннымъ вопросамъ. По причинѣ жестокихъ стѣсненій университетовъ и учащейся молодежи усилилось къ этому времени движеніе молодежи за границу. Тамъ, послѣ отмѣны въ 1890 году въ Германіи исключительныхъ

законовъ противъ соціалистовъ, широко разлилось соціалъ-демократическое рабочее движеніе, что сильно повліяло на умонастроеніе русской революціонной интеллигенціи. Въ легальной литературѣ громко выступаетъ марксистское направленіе. «Критическіе очерки» Струве, «Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію» Бельтова (Плеханова), «Матеріалы для характеристики хозяйственнаго развитія Россіи» (сожженный сборникъ статей Струве, Скворцова, Ильина, Плеханова и др.) явились литературнымъ выраженіемъ и объединяющимъ началомъ марксистскаго направленія въ Россіи. Съ этого момента началась усиленная бомбардировка народничества, походъ противъ В. В., Николая-она, Михайловскаго. Вокругъ послѣдняго собиралась, какъ увидимъ ниже, другая часть молодежи, несогласная съ «марксизмомъ».

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что въ «Критическихъ очеркахъ» Струве уже послышались новыя ноты, которымъ не было мѣста у бывшихъ черноперѣдельцевъ. Вмѣсто признанія за капитализмомъ такой ступени развитія, которая сама порождаетъ своего могильщика—пролетаріатъ и оцѣнкѣ его главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія, Струве съ восторгомъ привѣтствуетъ выступленіе капитала, какъ самого по себѣ избавителя отъ нищеты, духовной дикости и некультурности. Крестьянская же община имъ окончательно забраковывается какъ учрежденіе вредное, только тормозящее «культурный прогрессъ страны». Да и притомъ происхожденіе общины отъ первобытной коммуны, по мнѣнію Струве (высказанному, правда, въ примѣчаніи), есть плодъ фантазіи народниковъ; она не больше, не меньше, какъ плодъ административнаго воздѣйствія, навязанная крестьянамъ правительствомъ. Струве находитъ единственно разумную и прогрессивную государственную политику въ томъ, чтобы она направлялась на расчищеніе почвы для капитализма и на *«созданіе экономически крѣпкаго, приспособленнаго къ товарному производству крестьянства»*. Въ концѣ концовъ Струве призываетъ: *«признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму»*. Такое отношеніе къ вопросамъ о капитализмѣ и общинѣ въ дальнѣйшемъ, какъ увидимъ, получило свое полное развитіе и выразилось въ книгѣ Волгина (Плеханова) «Основы народничества», гдѣ онъ доказываетъ, при помощи сочиненія консерватора профессора Чичерина, *казенное искусственное насажденіе крестьянской общины и ея вредъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ община окончательно погребена въ соціалъ-демократическихъ программахъ и признано единоспасаю-*

щимъ «тріумфальное шествіе капитализма», по выраженію Н. Ленина.

Идеи марксизма подъ вліяніемъ вышеизложенныхъ фактовъ широко разлились въ массахъ новаго поколѣнія. Марксъ дѣлается настольной книгой. Въ тайныхъ кружкахъ молодежь цѣлыя ночи спорила о «капитализмѣ», «общинѣ», «матеріалистическомъ монизмѣ», «пролетаріатѣ», «надстройкѣ», «базисѣ»... Прежде чѣмъ вступать въ разговоръ, членъ кружка спрашивалъ собесѣдника: сколько разъ онъ прочелъ Маркса? и, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, отказывался вступать въ разговоръ. «Я еще не марксистъ, но скоро буду имъ»,—эта фраза, сдѣлавшаяся ходячей, не была выдумкой.

Въ дальнѣйшемъ соціалъ-демократическое движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры и большую сложность; рамки нашей работы заставляютъ насъ ограничиваться еще болѣе общимъ обзоромъ послѣдующаго движенія, оставляя въ сторонѣ такія крупныя теченія, какъ: еврейскій «бундъ», польская соціалъ-демократическая партія, кавказское движеніе.

Но, прежде чѣмъ продолжать обзоръ движенія, остановимся еще на нѣкоторыхъ весьма важныхъ обстоятельствахъ, объясняющихъ многое въ ходѣ дальнѣйшаго развитія соціально-революціонной мысли. Моментъ зачатія новаго направленія былъ весьма неблагопріятнымъ въ смыслѣ захвата имъ широкихъ интересовъ 100-милліонной массы крестьянства. Какъ мы уже упоминали, новое направленіе совпало съ крайнимъ упадкомъ революціоннаго настроенія интеллигенціи, съ полнымъ разочарованіемъ въ крестьянствѣ. Послѣ того, какъ крестьянинъ былъ началомъ и концомъ всѣхъ чаяній и ожиданій интеллигенціи, послѣ того, какъ крестьянинъ занималъ центральное мѣсто во всѣхъ программахъ, послѣ того, какъ все вниманіе интеллигенціи было направлено на личность крестьянина и его интересы, насталъ крутой поворотъ въ отношеніи къ нему. На крестьянство стали смотрѣть съ безнадежной тоской, крестьянство изъ центральной фигуры картины превратилось въ глазахъ соціалъ-демократической интеллигенціи только въ фонъ картины, въ молчаливаго свидѣтеля исторіи; интересы крестьянина, какъ таковаго, вмѣсто движущей силы, превратились просто въ предметъ благотворительности. Къ этому времени правительство приняло крутыя мѣры, чтобы прекратить доступъ къ образованію всякаго рода «кухаркинымъ дѣтямъ», «служащимъ главнымъ очагомъ крамолы», какъ выражено министромъ народнаго просвѣщенія въ цир-

кулярѣ о запрещеніи принимать въ университеты семинаристовъ и друг. разночинцевъ, обязательномъ ношеніи формы и высокой платѣ за ученье. Эти мѣры прекратили широкій приливъ въ центры образованія разночинской молодежи, тѣсно связанной съ деревней. Выступило на сцену поколѣніе, пропитанное книжнымъ воспитаніемъ. Большая часть молодой интеллигенціи 90-хъ годовъ перестала *довѣрять своимъ непосредственнымъ чувствамъ, своимъ непосредственнымъ наблюденіямъ*. Она болѣе всего стала полагаться на доводы разума. Она стала преклоняться передъ отвлеченнымъ анализомъ, передъ формулами, передъ научными авторитетами. Она только въ книгахъ стала искать разрѣшенія проклятыхъ вопросовъ. Эта часть интеллигенціи совершенно порвала съ деревней всякую связь: тамъ нечего искать, нечему учиться, «оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ»,—говорили они словами Маркса, относящимися къ крестьянамъ такой чисто капиталистической страны, какъ Англія.

Народническія книги—одинъ самообманъ, никуда негодная ветошь. Словомъ, по рецепту Плеханова (1902 г.), молодежь освободилась «изъ-подъ власти крестьянина»; историческое сознаніе народа, выдуманное, по мнѣнію русскихъ марксистовъ, славянофилами, перестало «поддерживать интеллигентскія утопіи» (предисловіе Плеханова къ польскому изданію Туна). Считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь еще одну черту духовнаго склада этого поколѣнія. Взамѣнъ прежняго сознанія долга передъ народомъ, преклоненія, нерѣдко боготворенія народа, стремленія слиться съ сермяжной массой, раствориться въ морѣ народномъ, выступило гордое сознаніе своей личности, своихъ личныхъ правъ, своего повелительнаго «я». «Мы сами народъ», нерѣдко приходилось слышать. «Никому мы ничего не должны, а боремся потому, что такъ хотимъ, потому, что насъ одинаково со всѣми давитъ произволъ».

Перенесеніе центра тяжести движенія, что увидимъ ниже, изъ разночинской среды въ среду городскихъ рабочихъ также сильно повліяло на судьбу крестьянина въ соціалъ-демократической программѣ. У городскихъ рабочихъ были свои кровные, жгучіе интересы. Имъ тоже было не до мужика.

Указанныя обстоятельства, по нашему мнѣнію, и повліяли на развитіе программы первыхъ истолкователей марксизма. Научный соціализмъ сталъ излагаться русскими соціалъ-демократами въ такомъ видѣ, какъ онъ выразился въ программѣ нѣмецкой соціалъ-

демократической рабочей партіи, принятой на съѣздѣ въ Эрфуртѣ въ 1891 г. Короче сказать, началась *популяризація германской соціалъ демократической программы.*

XVI.

Ростъ революціоннаго движенія въ Россіи.

Навстрѣчу революціонно-просвѣтительнымъ стремленіямъ интеллигенціи шло движеніе городскихъ рабочихъ. Въ ихъ средѣ стало рѣзко обнаруживаться, отчасти какъ результатъ прежней пропаганды [1]), отчасти въ результатѣ естественнаго роста самосознанія, жажда знаній. Оба эти теченія мало-по-малу слились. Въ большей или меньшей степени подъ вліяніемъ интеллигентской пропаганды рабочіе кружки приняли соціалъ-демократическую окраску, правда, на первое время не яркую. Вся тактика соціалъ-демократовъ первоначально была направлена на то, чтобы «выработать изъ среды рабочихъ *сознательныхъ и вліятельныхъ личностей, сгруппированныхъ въ кружки».* Но въ средѣ развитыхъ рабочихъ скоро почувствовалась неудовлетворенность такой работой. «Нѣтъ, говорили они, успѣхъ дѣла лежитъ *въ рабочемъ движеніи*, а для того, чтобы создать сознательное рабочее движеніе необходимы дѣятели, спеціально для этого подготовленные. *Рабочій пропагандистъ и организаторъ* долженъ тонко знать всѣ окружающія условія его рабочей жизни» (Акимовъ: «Очерки развитія соц.-демократіи въ Россіи»).

Стачки рабочихъ противъ наглой эксплуатаціи хозяевъ и за частичныя улучшенія быта существовали уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но онѣ бывали не часто и ограничивались одной или нѣсколь-

---

[1]) Городскіе рабочіе еще въ 70-хъ г.г. нерѣдко представляли благопріятную почву для соціалистической пропаганды. Такъ, подъ вліяніемъ революціонной пропаганды въ 75 году на югѣ недолго существовала большая рабочая организація подъ названіемъ «Южно-русскій рабочій союзъ», а въ 1879 г. въ Петербургѣ Халтуринымъ, устроившимъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, основанъ «Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ», имѣвшій болѣе 200 членовъ. Оба союза ставили своей ближайшей цѣлью завоеваніе политической свободы. Обѣ организаціи были скоро разрушены въ связи съ общимъ разгромомъ революціоннаго движенія. Но революціонныя преданія сохранились среди оставшихся отъ разгрома организацій рабочихъ и для передовыхъ рабочихъ соц.-демократическая пропаганда 90 г.г. не была уже новостью.

кими фабриками. Въ 90-хъ годахъ, послѣ неурожая 1891 г. и послѣдовавшаго за нимъ экономическаго кризиса, стачечное движеніе захватываетъ массы рабочихъ и принимаетъ болѣе бурный характеръ. Въ 1892 г. разыгрываются крупные безпорядки, окончившіеся военнымъ усмиреніемъ въ Юзовкѣ. Въ 1893 г. происходятъ забастовки и волненія рабочихъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Ростовѣ на Дону. Въ 1894 г. забастовки распространяются почти на всѣ промышленные центры Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ соціалъ-демократическая интеллигенція отъ «кружковщины» переходитъ къ «экономической агитаціи». Въ вышедшей въ томъ же 1894 году брошюрѣ «Объ агитаціи», оказавшей большое вліяніе на соціалъ-демократическіе кружки, соціалъ-демократы призываются къ «постоянной агитаціи среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ мелкихъ нуждъ и требованій».

Агитаторы, не находившіе почвы, когда они обличали существующій политическій и общественный строй, встрѣтили дружный откликъ со стороны рабочихъ массъ на призывъ къ экономической борьбѣ (Акимовъ). Въ 1896 г., во время коронаціи, въ Петербургѣ вступаетъ въ стачку болѣе 30.000 ткачей, что служитъ сигналомъ широкаго стачечнаго движенія во многихъ промышленныхъ центрахъ. Петербургскіе ткачи и московскіе желѣзнодорожные рабочіе выставили, между прочимъ, требованіе уплаты за коронаціонные дни. Небывалое по своимъ размѣрамъ, стойкости и боевому настроенію движеніе 1896 г. имѣло большое вліяніе на всю Россію. О русскомъ движеніи заговорили во всемъ мірѣ. Правительство забило тревогу и въ первый разъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщается для всеобщаго свѣдѣнія о дѣятельности соціалъ-демократическихъ организацій, которыя «придаютъ стачкамъ соціальный характеръ и руководятъ забастовками» (Н. Батуринъ).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этотъ періодъ центръ тяжести соціально-революціоннаго движенія окончательно передвинулся въ сторону рабочей среды. Соціалистическая мысль съ этихъ поръ работаетъ въ атмосферѣ рабочаго движенія, принимающаго все болѣе и болѣе революціонный характеръ.

Дальнѣйшія событія конца прошлаго вѣка и наступившаго у всѣхъ на памяти. Перечислимъ только главнѣйшія изъ нихъ. Подъ давленіемъ стихійнаго стачечнаго движенія правительство сразу дѣлаетъ уступку. Въ 1897 г. была одержана первая побѣда русскими рабочими: объявленъ законъ 2-го іюня о нормировкѣ

рабочаго времени. Этотъ успѣхъ сильно поднялъ духъ пролетаріата. Рабочее движеніе, нѣкоторое время имѣвшее экономическій характеръ, постепенно переходитъ на политическую почву. Политическое возбужденіе среди студенческой молодежи гонитъ ее на улицу и выливается въ уличныя демонстраціи. Это быстро передается и рабочимъ кругамъ. Наступаетъ *періодъ политическихъ демонстрацій*. Рабочіе и учащаяся молодежь выходятъ на улицы съ флагами, на которыхъ начинаетъ красоваться «любимая народная поговорка»: «*долой самодержавіе!*» Демонстраціи скоро переходятъ въ митинги. У всѣхъ на памяти митинги во время стачекъ въ Ростовѣ на Дону въ 1902 г., митинги въ продолженіе недѣли, на которые собиралось до 30,000 человѣкъ съ красными флагами и надписями: «*да здравствуетъ политическая свобода!*», «*Да здравствуетъ 8-часовой рабочій день!*» Затѣмъ начинаются въ 1903 г. непрерывныя грандіозныя стачки всего юга, захватившія сотни тысячъ рабочихъ. Голодъ 1902 года и аграрныя движенія среди крестьянъ Харьковской, Полтавской, Курской и Орловской губерній служатъ новымъ этапомъ революціоннаго движенія. Съ этихъ поръ революціонное движеніе расширяется на счетъ широкихъ массъ крестьянства. Крестьянство изъ «фона картины» само выступаетъ на сцену и принимаетъ все болѣе и болѣе живое участіе въ движеніи, привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ слоевъ населенія страны и диктуетъ тактику различнымъ партіямъ. Японская война 1904 года приводитъ въ движеніе всѣ слои населенія; начинается земско-конституціонная кампанія, банкетная агитація. Словомъ, опять «вся Россія въ походъ пошла...»

Наконецъ, 1905 г. съ широкимъ политическимъ выступленіемъ городскихъ массъ, въ началѣ съ хоругвями и иконами въ рукахъ подъ предводительствомъ попа Гапона передъ Зимнимъ дворцомъ, а въ концѣ года съ красными флагами, съ оружіемъ въ рукахъ, на московскихъ баррикадахъ; учрежденіе цѣлаго ряда профессіонально-политическихъ союзовъ; партизанская (частичная, разрозненная) борьба крестьянъ; крестьянскіе съѣзды и образованіе Всероссійскаго крестьянскаго союза; революціонное броженіе въ арміи и флотѣ; всеобщая политическая забастовка и манифестъ 17 октября; октябрьскія и ноябрьскія «свободы»; декабрьское вооруженное возстаніе; избирательная кампанія въ Государственную Думу, наконецъ, Государственная Дума...

Всѣ эти событія создали новую атмосферу и дали огромный матеріалъ для революціонной соціалистической мысли.

XVII.

Образованіе россійской соц.-демократической партіи; партійные съѣзды и развитіе с.-д. программы.

Мы видѣли, что центръ тяжести революціоннаго движенія изъ среды разночинской интеллигенціи окончательно переносится въ среду рабочую: городскихъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, а затѣмъ подвинулся въ сторону трудового крестьянства, находящагося па одной плоскости съ рабочими. Неосновательно было бы сказать, что хотя бы приблизительно то же произошло и съ революціонно-соціалистической мыслью.

Лабораторія выработки этой мысли, центръ тяжести идейной стороны движенія и руководство всѣмъ движеніемъ почти всецѣло остается въ прежней интеллигентской средѣ.

Соотвѣтственно все болѣе и болѣе ускоряющемуся движенію колеса исторіи и работа общественной мысли принимаетъ лихорадочный, бурный характеръ.

Мы прервали свое изложеніе соц.-демократическаго движенія въ XV гл. на пропагандѣ соц.-демократической программы въ рабочихъ кружкахъ. Теперь продолжаемъ.

Разночинская интеллигенція соц.-демократическаго толка во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ сложилась въ многочисленный рядъ небольшихъ организацій; напримѣръ, въ Петербургѣ: «Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», «Рабочая Мысль», «Рабочее Знамя», «Группа 20-ти», «Группа самоосвобожденія», «Группа технологовъ», «Петербургская рабочая организація». За границей, кромѣ старой «Группы Освобожденія Труда», сложились: «Союзъ россійскихъ соціалъ-демократовъ», «Группа Искры», «Лига русской революціонной соціалъ-демократіи», «Рабочее Дѣло» (органъ «Союза рус. соц.-дем.»). Среди этихъ группъ шла жестокая *внутренняя борьба, которая не прекращается въ рядахъ русской соц.-демократіи до сего времени.* Усвоивъ цѣликомъ міровоззрѣніе нѣмецкой соц.-демократической рабочей партіи, какъ оно выразилось въ Эрфуртской программѣ, эти кружки спорили между собой прежде всего и главнымъ образомъ по вопросамъ о тактикѣ,—т.-е. съ кѣмъ и какъ вести борьбу,—и объ организаціи: снизу изъ среды рабочихъ или сверху изъ центра,—

изъ среды заговорщицкой группы интеллигенція создавать соціалъ-демократическую рабочую партію. Въ начальномъ періодѣ разногласія одни, «молодые» соц.-демократы, утверждали, что прежде всего слѣдуетъ организоваться и призывать рабочихъ на борьбу съ хозяевами на почвѣ экономическихъ интересовъ и только постепенно, по мѣрѣ роста ихъ сознанія, расширять ихъ требованія до борьбы за политическую свободу; въ организаціи партіи, по мнѣнію этого теченія, должны имѣть широкое вліяніе представители рабочихъ. Группа «Самоосвобожденія» въ прокламаціи 1899 года упрекаетъ своихъ противниковъ за то, что «въ организацію менѣе всего допускаются какъ разъ тѣ, чьи интересы берется защищать трогательный союзъ интеллигенціи»... «Рабочіе должны взять, наконецъ, въ свои руки свое собственное дѣло». Другія группы утверждали, что «экономисты», желая, въ интересахъ сближенія съ рабочими массами, ограничиться въ своей агитаціи уже сознанными массой «экономическими интересами», тѣмъ самымъ «принижаютъ сознаніе соціалъ-демократіи до уровня стихійнаго рабочаго движенія» и, такимъ образомъ, отдаютъ рабочихъ въ руки буржуазныхъ партій. Поэтому по мнѣнію «старыхъ» соціалъ-демократовъ, слѣдуетъ сразу, немедленно перевести рабочихъ на путь политической борьбы противъ самодержавія. «Организацію партіи, говорили «старые», интеллигентскимъ силамъ опасно выпускать изъ своихъ рукъ». Крайнимъ выразителемъ перваго мнѣнія былъ за границей «Союзъ русскихъ соц.-демократовъ» и «Рабочее Дѣло», а въ Россіи «Рабочая организація», издававшая газету «Рабочая Мысль», которая ставила себѣ задачею отражать «мысли, волю и сознаніе рабочаго класса». Это направленіе «молодыхъ» подъ вліяніемъ удачъ стачечнаго движенія играло нѣсколько лѣтъ, почти цѣлую половину 90-хъ годовъ, преобладающую роль и называлось «экономизмомъ». Крайнимъ представителемъ другого мнѣнія въ Россіи было «Рабочее Знамя», а за границей группа старой «Искры», крупнымъ вліяніемъ въ которой пользовался Н. Ленинъ, перенесшій свою направляющую дѣятельность изъ Петербурга за границу [1]). Какъ мы сказали, рѣзкое разногласіе среди двухъ крайнихъ теченій было по вопросамъ организаціи. Одно—назовемъ его рабочимъ направленіемъ—настаивало на организаціи снизу съ тѣмъ, чтобы соц.-демократическая партія являлась *передо-*

---

[1]) Въ послѣдующемъ движеніи Н. Ленинъ играетъ очень видную роль, находясь во главѣ фракціи «большевиковъ.

вымъ сознательнымъ отрядомъ рабочаго движенія, изъ него черпала бы силы для организаціи путемъ представительства отъ рабочихъ организацій. Другое направленіе—назовемъ его интеллигентскимъ—отстаивало другое начало организаціи партіи. Съ точки зрѣнія этого теченія прежде всего необходимо создать *всероссійскую централизованную организацію революціонеровъ* — организацію, «въ основу которой былъ бы положенъ принципъ (начало) представительства не разрозненныхъ профессіональныхъ интересовъ, а *интересовъ всего соц.-демократическаго движенія въ цѣломъ*».... (Данъ. «Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалъ-демократіи въ Россіи 1900—1904 г.»). Настолько рѣзко выступалъ этотъ принципъ обособленной централистической организаціи революціонеровъ по профессіи, что подалъ поводъ противникамъ называть эту организацію «заговорщицкой». Это послѣднее теченіе взяло верхъ и «интеллигентскіе комитеты» очутились внѣ рабочаго движенія, оторванными отъ него. А «комитеты рабочихъ» въ свою очередь лишились интеллигентскихъ силъ и остались безъ интеллигентской помощи въ снабженіи рабочихъ листками, прокламаціями, газетой.

Съ цѣлью объединенія разрозненныхъ, разноголосыхъ группъ въ 1898 году былъ созванъ первый соціалъ-демократическій съѣздъ. Съѣздомъ былъ выпущенъ манифестъ «Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи» съ изложеніемъ основныхъ положеній программы. Но съѣзду не удалось сыграть объединяющей роли, и расколъ продолжался. Наконецъ, въ 1903 г. «группой «Искры» при ближайшемъ участіи членовъ группы «Освобожденія Труда» былъ созванъ II съѣздъ соціалъ-демократической партіи. Онъ былъ *исключительно интеллигентскимъ и состоялъ изъ профессіональныхъ революціонеровъ*. На съѣздѣ всѣ разрозненныя группы, за исключеніемъ еврейской организаціи «Бунда», которая рѣзко разошлась во взглядахъ на организацію и требовала полнаго самоуправленія-*объединились въ одну партію*. Съ тѣхъ поръ соц.-демократы, сор, ганизованные по принципу Н. Ленина, стали называть себя пролетарской партіей, хотя въ сущности партія по своему составу осталась болѣе интеллигентской партіей. Согласно плану Н. Ленина, партія организовалась около одного «общерусскаго дѣла»--изданія и распространенія партійнаго органа «Искры», правильнѣе было бы сказать, вокругъ редакціи и ея сотрудниковъ. Въ основаніе организаціи было положено строгое начало *сосредоточенія власти по дѣламъ партіи въ рукахъ центральнаго комитета*. Мѣстные комитеты служатъ

его агентами. Всякаго рода организаціи, связанныя съ партіей, играютъ служебную роль по отношенію къ центру. Партія *организуется изъ революціонеровъ по профессіи.* «Теперь *русскій революціонеръ*—говоря словами Ленина—руководимый *истинно революціонной теоріей*, опираясь на *истинно революціонный* и стихійно пробуждающійся революціонный классъ, можетъ, наконецъ, *выпрямиться* во весь свой ростъ и развернуть *всѣ свои богатырскія силы»* (Н. Ленинъ: «Что дѣлать?»).

Вотъ какъ опредѣляетъ крупный боецъ старой школы—«Группы Освобожденія Труда», Аксельродъ партію соц.-демократовъ того періода: «Россійская соціалъ-демократія является продуктомъ революціоннаго движенія интеллигенціи, искавшей во имя соціализма опору въ народныхъ массахъ, чтобы—объективно говоря—разрѣшить буржуазно-революціонную задачу» («Искра» № 68). «Мы имѣли бы (если бы исполнился планъ «Искры») *революціонную политическую организацію демократической буржуазіи*, ведущую за собой въ качествѣ боевой партіи рабочія массы Россіи»... (Аксельродъ, «Искра» № 57,—приведено у Акимова: «Очерки развитія соц.-демократіи въ Россіи»).

Вторымъ съѣздомъ былъ принятъ проектъ программы, выработанный редакціей «Искры» и «Зари». Теоретическая часть программы есть краткій перечень основныхъ положеній Германской соц.-демократической рабочей партіи, принятыхъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ въ 1891 году. Въ самыхъ общихъ чертахъ они сводятся къ слѣдующему. Указывая на международный характеръ освободительнаго движенія пролетаріата и считая россійскую соціалъ-демократію за одинъ изъ отрядовъ всемірной арміи рабочаго класса, программа устанавливаетъ, что соціализмъ, какъ конечная цѣль движенія, вытекаетъ изъ характера и хода развитія современнаго буржуазнаго общества. Указывая на все растущее разслоеніе всего народа на пролетаріатъ и буржуазію, на непрерывный ростъ капиталистическаго способа производства, вытѣсняющаго всѣ остальныя формы хозяйства, на усовершенствованіе техники производства, уменьшающей запросъ на живую рабочую силу и вслѣдствіе этого позволяющей эксплуатировать трудъ женщинъ и дѣтей, программа подчеркиваетъ повышеніе степени эксплуатаціи наемнаго труда. Промышленные кризисы и застой, какъ необходимое слѣдствіе конкуренціи, и отсутствіе планомѣрности въ производствѣ товаровъ дѣлаютъ то, что процессъ разслоенія общества на пролетаріевъ и

буржуазію со всѣми его послѣдствіями обостряется и ускоряется. По мѣрѣ развитія этого процесса растутъ и матеріальныя силы и зрѣетъ способность рабочаго класса совершить соціальную революцію, необходимымъ условіемъ которой является диктатура пролетаріата.

Отсюда вытекаетъ основная задача соціалъ-демократіи: «организовать пролетаріатъ въ самостоятельную рабочую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководить всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачать передъ пролетаріатомъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ и выяснять ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи. На почвѣ этой программы соціалъ-демократія ставитъ своей задачей привлекать въ свои ряды и всѣ остальные слои трудящихся и эксплуатируемыхъ постольку, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата».

Въ виду отсталости Россіи отъ другихъ промышленныхъ странъ для нея требуется особая ближайшая программа въ политической и экономической области.

Въ Россіи капитализмъ сталъ господствующимъ способомъ производства. Но рядомъ съ нимъ сохранились многочисленные остатки крѣпостного строя. Поэтому соц.-демократическая программа ставитъ своею задачею уничтоженіе этихъ остатковъ докапиталистическаго строя, препятствующихъ экономическому прогрессу Россіи. Отсюда вытекаетъ уничтоженіе самодержавія, какъ самаго крупнаго остатка, и замѣна его демократической республикой. При этомъ подробно перечисляются въ программѣ всѣ необходимыя условія обезпеченія будущаго самодержавія народа: всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, свободы, самоуправленіе, выборный судъ, отдѣленіе церкви отъ государства, народное вооруженіе, общее даровое образованіе, замѣна косвенныхъ налоговъ прямымъ подоходнымъ, прогрессивнымъ налогомъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что здѣсь впервые неопредѣленное требованіе прежней программы «демократической конституціи», подъ которое подходитъ и «конституціонная монархія», замѣнено безусловнымъ требованіемъ республики. Какъ видно изъ отвѣта «Искры» южной группѣ соціалъ-демократовъ, несогласныхъ со внесеніемъ «демократической республики» въ ближайшія требованія программы, эта замѣна сдѣлана съ цѣлью «отграничить партію отъ другихъ

борющихся съ царизмомъ партій»—во-первыхъ; во-вторыхъ—«край-
ній радикализмъ въ формулировкѣ нашихъ требованій», говорит
«Искра», оправдывается и практическими соображеніями «общенаціо
нальной борьбы за свободу»; наконецъ, чѣмъ *радикальнѣе* будут
требованія, тѣмъ *выполненіе ихъ* будетъ *недоступнѣе* и болѣе «*н
пріемлемо ни для какого реакціонера или якобы либерала*» (При
ведено у Куклина: «Матеріалы къ изученію исторіи револ. движе
нія въ Россіи», изд. 1905 г.).

Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нрав
ственнаго вырожденія, а также въ интересахъ развитія его способ
ности къ борьбѣ, въ программѣ подробно перечисляются требованія
осуществимыя еще въ капиталистическомъ обществѣ. Главнѣйшi
изъ нихъ: 8-часовой рабочій день, развитіе фабричнаго законодатель
ства для облегченія условій труда рабочихъ, государственное стра
хованіе, общественный надзоръ и промысловые суды.

XVIII.

Аграрный вопросъ на западѣ и аргарныя программы 1903 г. р. соц.-дем. рабочей партіи.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію аграрной части соціалъ
демократической программы 1903 года, необходимо предпослать ем
нѣкоторое разъясненіе.

Со времени *Эрфуртскаго* съѣзда въ средѣ западной соціалъ
демократіи произошли крупныя измѣненія въ отношеніи къ аграр
ному вопросу. Общеевропейскій сельско-хозяйственный кризисъ
обнаружившаяся устойчивость мелкаго крестьянскаго хозяйств
и выросшее среди соціалъ-демократіи сознаніе того, что безъ участі
земледѣльческаго населенія пролетаріатъ «не можетъ выполнит
своей исторической миссіи», вытекающая отсюда необходимость ши
рокой агитаціи среди крестьянъ для привлеченія ихъ къ соціализму
сдѣлали то, что аграрный вопросъ привлекъ къ себѣ особое внима
ніе. Въ тоже время въ рядахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи выступил
критическое теченіе — «ревизіонистовъ» во главѣ съ Бернштейномъ
которое оспаривало и тактику партіи и многія основныя положенія са
маго «научнаго соціализма» Маркса. Эти обстоятельства заставил
соціалъ-демократовъ всѣхъ странъ произвести коренной пересмотр

аграрнаго вопроса. Въ результатѣ получились крупныя измѣненія во взглядахъ на его рѣшеніе. Соціалъ-демократическія партіи всѣхъ странъ признали, что аграрный вопросъ разрѣшается не такъ просто и прямолинейно по аналогіи съ промышленностью обрабатывающей, какъ это казалось раньше. Новые факты и матеріалы въ области земледѣльческой промышленности привели изслѣдователей къ новымъ выводамъ, которые еще нельзя считать законченными, въ области теоретической; въ области же практической заставили партіи выдвинуть свои національныя аграрныя программы. Германская соціалъ-демократическая партія осталась при прежней Эрфуртской программѣ, гдѣ не было мѣста ближайшимъ аграрнымъ требованіямъ, такъ какъ аграрному вопросу во время ея составленія не придавалось особаго значенія и рѣшеніе его подводилось подъ общій шаблонъ промышленнаго развитія. Но главный теоретикъ нѣмецкой соціалъ-демократіи и авторъ Эрфуртской программы К. Каутскій заявилъ на Ганноверскомъ съѣздѣ, что если бы пришлось еще разъ редактировать Эрфуртскую программу, то «онъ предложилъ бы по отношенію къ аграрному вопросу другую формулировку».

* * *

Въ средѣ русской соціалъ-демократіи 90-хъ годовъ интересъ къ аграрному вопросу, казалось, исчезъ совсѣмъ. Аграрный вопросъ рѣшался по шаблону нѣмецкой Эрфуртской программы: мелкое крестьянское хозяйство обречено на вымираніе, оно должно уступить мѣсто капиталистическому хозяйству. «Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ». Для соціалъ-демократіи вопроса о крестьянинѣ не существовало, былъ только рабочій вопросъ. Но оживленное отношеніе западныхъ соціалъ-демократовъ къ аграрному вопросу и признаки аграрнаго движенія среди русскихъ крестьянъ возбудили у русскихъ соціалъ-демократовъ мысль о возможности крестьянскаго революціоннаго движенія и заставили ихъ внести въ программу II-го съѣзда 1903 г. «аграрныя требованія». Такъ какъ точка зрѣнія русской соціалъ-демократіи на русскій аграрный вопросъ начинаетъ принимать къ этому моменту рѣзко опредѣленный характеръ, то позволимъ себѣ подольше остановиться на обоснованіяхъ этой аграрной программы, изложенныхъ въ 4 № «Зари» Н. Ленинымъ и Плехановымъ.

По мнѣнію русскихъ соціалъ-демократовъ этого періода, ста-

рыя формы земельныхъ отношеній совершенно разрушились. Общи
разсматривалась, по Струве и по Волгину (Плеханову), лишь как
насажденіе правительства, а не какъ остатокъ первобытнаго комму-
низма. Да и общиннаго землевладѣнія, по распространившемус
тогда мнѣнію, давно не существуетъ; а если и есть его остатки, т
они не заключаютъ въ себѣ никакихъ положительныхъ качеств
и, чѣмъ скорѣе будутъ устранены препятствія къ ихъ исчезновені
«тѣмъ болѣе выиграетъ», по мнѣнію Волгина-Плеханова, «народн
государственное хозяйство».

Русскій крестьянинъ съ его общинными идеалами, съ его убѣ-
жденіемъ, что земля принадлежитъ всему народу, крестьянин
общинникъ, которому отводилось мѣсто въ первыхъ трудахъ ру
скихъ соціалъ-демократовъ (Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ и др.
какъ классу, имѣющему подъ руководствомъ пролетаріата, защ
щать свои права на землю, свои общинные идеалы и пронести их
въ грядущее царство рабочаго класса, этотъ русскій крестьяни
къ этому времени исчезаетъ и подмѣняется крестьяниномъ нѣмец
кимъ, французскимъ, какимъ хотите, только не русскимъ. Его тр
бованія не есть какое-то «историческое сознаніе», они не болѣ
какъ пережитки прошлаго, разрушающагося строя. Его убѣжден
въ правѣ всего трудящагося народа на землю на началахъ «поравне
нія», его ожиданія «чернаго передѣла» — не что иное, какъ бе
смысленныя мечтанія и «вредныя реакціонныя утопіи»,—по словам
Ленина. Они поддерживаются искусственно, только благодаря на
сильственному поддержанію пережитковъ крѣпостного строя. Стоит
уничтожить остатки крѣпостного строя, какъ эти «вредныя утопі
сами собой рухнутъ и крестьянство пойдетъ по широкому пут
«тріумфальнаго шествія капитализма». Крестьянство быстро ра
слоивается на крупную буржуазію, мелкую буржуазію (средні
крестьянинъ, обрабатывающій самъ свою землю) и земельный прол
таріатъ (батраки). У земельнаго пролетаріата интересы одинаков
съ промышленнымъ пролетаріатомъ и поэтому соціалъ-демократі
беретъ его подъ свою защиту. Среднее крестьянство нуждается в
освобожденіи отъ остатковъ крѣпостничества съ тѣмъ, чтобы выйт
на путь буржуазнаго развитія. Въ этомъ, т.-е. въ освобожденіи от
остатковъ крѣпостничества, и только въ этомъ, партія и должн
ему помочь,—ибо *интересы* его въ этомъ *совпадаютъ* съ *интересам*
партіи рабочаго пролетаріата. Совпаденіе это состоитъ въ том
что за уничтоженіемъ условій, тормозящихъ буржуазное развиті

быстро пойдетъ разслоеніе средняго крестьянства на крупную буржуазію и пролетаріатъ, быстро пойдетъ обостреніе классовой борьбы между этими слоями, *а въ обостреніи классовой борьбы и вся суть*, по мнѣнію составителей программы. Н. Ленинъ этотъ именно моментъ классовой борьбы—ея «обостреніе» и считаетъ тѣмъ «оселкомъ», на которомъ нужно пробовать всякую программу. Чѣмъ *острѣе эта борьба, тѣмъ скорѣе она приблизитъ насъ къ соціализму*. Требованія же «поравненія земли», «уравнительной парѣзки» не могутъ быть взяты подъ защиту соціалъ-демократіей, такъ какъ если бы эта «мечта» какимъ-нибудь чудомъ осуществилась,—это принесло бы большой вредъ: «Нарѣзка (разумѣется, уравнительная) поддержитъ отсталое мелкое производство», «задержитъ разслоеніе крестьянства», «затормозитъ развитіе крупнаго капиталистическаго хозяйства»—вѣдь для него необходимъ безземельный батракъ—притупитъ и ослабитъ классовую борьбу, только что начинающуюся у насъ въ деревнѣ. Однимъ словомъ, точь въ точь какъ у Каутскаго въ Эрфуртской программѣ, относящейся къ нѣмецкому крестьянину.

Итакъ, въ видахъ «устраненія остатковъ крѣпостныхъ порядковъ и свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ» партія требуетъ: *право общины, міра, разверстывать* землю между членами *должно быть уничтожено, у ней* должно быть *отнято закономъ* право принудительной разверстки. Каждый долженъ распоряжаться землей, какъ хочетъ: *продать, заложить, передить въ наслѣдство кому пожелаетъ*. Второй, по словамъ Ленина, самый злѣйшій остатокъ крѣпостничества это—отрѣзки, т.-е. тѣ земли, которыми въ крѣпостное время пользовались крестьяне, а теперь находятся во владѣніи помѣщиковъ; благодаря имъ помѣщики закабаляютъ крестьянина, заставляя его за пользованіе отрѣзками отрабатывать на помѣщичьей нивѣ. Съ возвращеніемъ ихъ крестьяне не разбогатѣютъ, разслоеніе ихъ не задержится, зато помѣщикъ лишится кабальнаго, почти дарового труда и вынужденъ будетъ вводить усовершенствованное хозяйство. Двойная выгода: *обостряется классовая борьба и развиваются крупныя капиталистическія хозяйства*, нужныя для того, чтобы собрать крестьянъ и пріучить ихъ работать сообща, переработать ихъ изъ «буржуазныхъ индивидуалистовъ» (Плехановъ), изъ себялюбцевъ въ коллективистовъ—въ братьевъ-соціалистовъ. Въ программу внесено образованіе крестьянскихъ комитетовъ для возвращенія отрѣзковъ путемъ отчужденія и государственнаго выкупа ихъ у помѣщиковъ. Третій остатокъ крѣпостни-

чества—*монастырскія, церковныя, кабинетскія и удѣльныя земли.* Въ программу вносится отобраніе этихъ земель, но не для передачи крестьянамъ—это противорѣчило бы цѣли обостренія классовой борьбы,—нѣтъ, для *продажи ихъ въ личную собственность*, деньги же, полученныя отъ продажи, должны пойти въ особый фондъ на благотворительныя и культурныя нужды всего народа.

Судамъ должно быть предоставлено право понижать неимовѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ. Выкупные платежи и оброчныя подати должны быть отмѣнены.

Достиженіемъ всѣхъ этихъ требованій деревня вводится—по мнѣнію составителей программы—въ условія жизни, свойственныя буржуазному строю, наподобіе нѣмецкому или французскому.

XIX.

Большевики и меньшевики. Аграрныя программы с.-д. партіи послѣ III съѣзда партіи.

II съѣздъ вмѣсто объединенія послужилъ исходнымъ пунктомъ для обостренія разногласій, главнымъ образомъ, по организаціоннымъ вопросамъ. Образовалось 2 группы: группа «большевиковъ» и группа «меньшевиковъ».

Разногласія начались съ перваго же параграфа устава: кого считать членомъ партіи. «Меньшевики» предлагали считать членомъ партіи каждаго, раздѣляющаго программу и оказывающаго личное содѣйствіе партіи подъ руководствомъ организаціи. «Большевики» требовали отъ члена непремѣнно личнаго участія въ партійной организаціи. Такимъ образомъ, большевики настаивали на строго «заговорщицкой организаціи» партіи, «меньшевики» же хотѣли дать доступъ въ партію широкимъ массамъ рабочихъ, раздѣляющихъ программу, но не могущихъ систематически проявить себя дѣятельными соціалъ-демократами. Далѣе, «меньшевики» настаивали на предоставленіи бо́льшей самодѣятельности мѣстнымъ организаціямъ и на ограниченіи полномочій Центральнаго Комитета партіи. «Большевики» отстаивали широкія диктаторскія полномочія Центральнаго Комитета. «Меньшевики» требовали внесенія выборнаго начала въ организацію, при чемъ мелкія ячейки должны были выбирать отъ

себя представителей въ болѣе крупные органы. Кружки должны были выбирать въ районные комитеты, районные комитеты выбирали бы членовъ въ мѣстные и областные комитеты; «большевики», отвергая выборное начало, настаивали на «централистической» основѣ организаціи. «Большинство» въ концѣ концовъ побѣдило, но только формально.

Послѣ съѣзда работа того и другого теченія шла отдѣльно; образовались самостоятельные комитеты «большевиковъ» и «меньшевиковъ» и сложились какъ бы двѣ организаціи: «большевистская» съ центральнымъ комитетомъ во главѣ и съ центральнымъ органомъ «Впередъ», вмѣсто «Искры» и «меньшевистская» безъ центральнаго комитета, получившая въ свои руки оффиціальный органъ «Искру».

Въ 1905 году на III партійный съѣздъ, созванный «большевиками» «революціоннымъ путемъ» вопреки желанію мѣстныхъ меньшевистскихъ комитетовъ, собрались лишь одни «большевики», «меньшевики» же, пріѣхавшіе на съѣздъ, засѣдали отдѣльно, устроивъ свою особую «1-ю конференцію партіи». Резолюціи обоихъ съѣздовъ по вопросамъ программы мало расходились между собою. Организаціонныя начала тѣмъ и другимъ съѣздомъ были приняты почти одинаковыя, съ той лишь разницей, что «большевики», признавая демократическое выборное начало организаціи, дѣлали оговорку проводить его «по возможности». Но несмотря на сходство главныхъ резолюцій по этимъ вопросамъ, въ томъ числѣ и крупнѣйшей резолюціи—по аграрному вопросу, о которой скажемъ ниже, оба теченія послѣ III съѣзда продолжали существовать раздѣльно.

Главной причиной дальнѣйшаго раскола служило различное отношеніе къ вопросамъ тактики, т.-е. вопросамъ о томъ, какъ должна дѣйствовать партія. Въ резолюціяхъ III съѣзда и «1-й конференціи партіи» сказалась рѣзкая разница въ отношеніяхъ къ вопросамъ о *временномъ революціонномъ правительствѣ* и о *вооруженномъ возстаніи*. Разногласія по этимъ вопросамъ еще болѣе опредѣлились на слѣдующемъ съѣздѣ, поэтому мы скажемъ о нихъ ниже. Въ 1906 году, въ Стокгольмѣ, состоялся IV съѣздъ партіи подъ названіемъ «объединительнаго». На объединительномъ съѣздѣ присутствовали выборные представители обѣихъ фракцій, представившіе по всѣмъ вопросамъ каждая свои особыя резолюціи. Вынесенныя съѣздомъ общія резолюціи, выражавшія мнѣнія «меньшевиковъ»,—на этотъ разъ «меньшевики» имѣли большинство голосовъ на съѣздѣ—не внесли, однако, примиренія между фракціями. За ограничен-

ностью мѣста мы не будемъ излагать здѣсь всѣхъ постановлені объединительнаго съѣзда, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ был приняты чисто формально; по большинству вопросовъ обѣ враждую щія стороны остались при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ и оставил за собой право вести дальнѣйшую борьбу.

Постановленія касались крупнѣйшихъ вопросовъ тактики; но единственнымъ постановленіемъ, имѣющимъ прямое практическое слѣдствіе, было рѣшеніе объ участіи соціалъ-демократической парті въ выборахъ въ Государственную Думу взамѣнъ бойкота тамъ, гдѣ выборы еще не закончились, и о выставленіи кандидатами въ член Думы представителей партіи.

Въ разногласіяхъ по вопросамъ тактики наиболѣе выпукло об наружилась глубокая разница во взглядахъ «меньшевиковъ» и «боль шевиковъ» на роль соціалъ-демократической партіи и пролетаріата в происходящей революціонной борьбѣ со старымъ порядкомъ.

Какъ тѣ, такъ и другіе, въ этотъ моментъ одинаково смотрѣли на происходящій революціонный процессъ какъ на буржуазную ре волюцію, которая должна завершиться вооруженнымъ возстаніемъ. *Послѣдствіемъ* побѣдоноснаго вооруженнаго возстанія явится уста новленіе *Всенародным Учредительнымъ Собраніемъ демократической республики при усиленіи классоваго господства буржуазіи.* Новый буржуазно-демократическій строй представитъ болѣе благопріятныя условія для продолженія классовой революціонной борьбы проле таріата за свое экономическое освобожденіе, за соціализмъ. Борьба пролетаріата съ буржуазіей должна завершиться *захватомъ власти и установленіемъ диктатуры пролетаріата* на то время, пока общество будетъ реорганизовывать производство на новыхъ соціа листическихъ началахъ и пока будетъ угрожать опасность со сто роны реакціи.

Въ такомъ приблизительно общемъ порядкѣ рисовался обѣимъ фракціямъ ходъ революціи.

Что касается пониманія ближайшихъ моментовъ этого процесса, то здѣсь-то и заключаются существенныя разногласія.

«Меньшевики» полагали, что буржуазная революція совершается всей націей, за исключеніемъ реакціонной ея части, заинтерссованной въ сохраненіи монархически-бюрократическаго строя. Пролетаріатъ, какъ классъ наиболѣе заинтересованный въ революціи, наиболѣе непримиримый, наиболѣе послѣдовательный, находится на крайнемъ лѣвомъ крылѣ революціи.

Его роль заключается въ томъ, чтобы, сплачиваясь и организуясь на почвѣ экономической и политической борьбы въ самостоятельную силу, «втягивать широкіе слои мелкой буржуазіи и крестьянства въ революцію», «подталкивать»[1]) ихъ на активныя выступленія, «содѣйствовать» ихъ организаціи въ самостоятельныя группы и партіи. Пролетаріатъ долженъ стараться «революціонизировать буржуазныя партіи», поддерживать буржуазную демократію во всѣхъ активныхъ выступленіяхъ противъ общаго врага, «вступать въ соглашеніе съ демократическими партіями» для общихъ дѣйствій и выступленій и въ рѣшительный моментъ поддержать тѣ буржуазныя партіи, которыя «являются ближайшими кандидатами на власть».

«Большевики» полагали, что пролетаріатъ стоитъ во главѣ буржазной революціи, является «передовымъ классомъ современнаго общества», что «только пролетаріатъ въ состояніи довести до конца демократическую революцію», «какъ единственно до конца революціонный классъ современнаго общества», если «онъ поведетъ за собою массу крестьянства». Поэтому *пролетаріату*, по мнѣнію большевиковъ, должна принадлежать до конца «роль *руководителя демократической революціи*». «Главной задачей пролетаріата въ настоящій историческій моментъ является доведеніе до конца демократическаго переворота въ Россіи». «*Умаленіе этой задачи неминуемо приводитъ къ превращенію рабочаго класса изъ вождя народной революціи*, ведущаго за собою массу демократическаго крестьянства, въ пассивнаго участника революціи, плетущагося въ хвостѣ либерально-монархической буржуазіи».

Изложеннымъ выше объясняется разница во взглядахъ фракцій на частные тактическіе вопросы. «Меньшевики» постоянно настаивали на обязанности соціалъ-демократической партіи пользоваться всякимъ поводомъ для возбужденія широкихъ массъ пролетаріата къ всевозможнымъ мелкимъ выступленіямъ. Такъ, предлагалось являться рабочимъ на земскія собранія, устраивать тамъ демонстраціи съ произнесеніемъ рѣчей и съ призывомъ земцевъ присоединиться къ требованіямъ пролетаріата, участвовать въ комиссіи Шидловского по рабочему

---

[1]) Всѣ приведенныя ниже цитаты и слова въ ковычкахъ, касающіяся разногласій по вопросамъ тактики, взяты изъ проектовъ резолюцій по каждому изъ тактическихъ вопросовъ «большевиковъ» и «меньшевиковъ». Н. Ленинъ. «Докладъ объ объединительномъ съѣздѣ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи» (Письмо къ петербургскимъ рабочимъ. 1906 г.).

вопросу, участвовать въ избирательной кампаніи въ Государственную Думу, пользоваться легальной возможностью организоваться рабочимъ на профессіональной почвѣ. «Большевики» обвиняли противниковъ въ оппортунизмѣ, въ приспособленіи къ обстоятельствамъ, въ измѣнѣ революціоннымъ началамъ соціалъ-демократіи. Они утверждали, что мелкія выступленія только затемняютъ сознаніе рабочихъ и отклоняютъ партію отъ главной задачи—подготовки вооруженнаго возстанія. Поэтому они отвергали «земскую кампанію», настаивали на бойкотѣ комиссіи Шидловскаго, отвергали участіе въ Государственной Думѣ и настаивали на бойкотѣ выборовъ.

«Меньшевики» наиболѣе вѣрный и скорый способъ подготовки возстанія видѣли въ агитаціи партіи въ широкихъ слояхъ пролетаріата, крестьянства, мелкой городской буржуазіи и войскъ «съ цѣлью выяснить всему народу невозможность мирнаго соглашенія съ царемъ и его правительствомъ» и необходимость «вооруженной силой обезпечить удовлетвореніе» политическихъ и экономическихъ народныхъ нуждъ. Партія, по мнѣнію «меньшевиковъ», должна ограничить свою задачу только «содѣйствіемъ самовооруженію населенія» и «вооруженію боевыхъ дружинъ».

«Большевики» находили, что насталъ моментъ «къ наступательнымъ формамъ вооруженной борьбы»; что обязанность партіи состоитъ въ выработкѣ военной тактики, организаціи боевыхъ дружинъ, снабженію всякаго рода оружіемъ не только «партійныхъ боевыхъ дружинъ», но «также примыкающихъ къ партіи и совсѣмъ безпартійныхъ»; обязанность партіи состоитъ въ устройствѣ соглашеній съ войсковыми частями и крестьянствомъ для рѣшительныхъ «боевыхъ выступленій».

Столь же непримиримыя разногласія мы видимъ и по вопросу о «временномъ правительствѣ». «Меньшевики» настаивали, «что соціалъ-демократія *не должна ставить своей задачей захвата власти и диктатуры въ современной буржуазной революціи*». «Она должна привлекать пролетаріатъ къ самому дѣятельному участію въ обще-національномъ политическомъ движеніи, революціонизируя тѣ буржуазныя партіи», «которыя являются ближайшими кандидатами на власть».

«Большевики», напротивъ, находили, что передъ пролетаріатомъ «выдвигается настоятельная задача способствовать, совмѣстно съ революціонной демократіей, объединенію возстанія и созданію объединяющаго органа этого возстанія въ видѣ временнаго революціоннаго правительства». Ихъ *«практическій лозунгъ: революціонно-*

демократическія диктатура пролетаріата и крестьянства въ интересахъ полнаго демократическаго переворота, для проведенія въ жизнь нашей программы-минимумъ» (Н. Батуринъ: «Очеркъ исторіи соц.-дем. въ Россіи» 1906 г.). Наше изложеніе разногласій по важнѣйшимъ тактическимъ вопросамъ въ виду ихъ серьезности очень затянулось, и мы не станемъ далѣе разсматривать ихъ по остальнымъ вопросамъ тактики. Они достаточно освѣщаются изъ предыдущаго изложенія.

Разногласія коснулись, наконецъ, и самой программы: разошлись по самому крупному вопросу--аграрному. Расхожденіе это началось послѣ III съѣзда.

III съѣздъ 1905 года большевиковъ и конференція меньшевиковъ внесли въ аграрную часть программы II съѣзда существенныя измѣненія. Въ виду широко разливающагося аграрнаго движенія крестьянъ, соціалъ-демократическая партія не могла остаться къ нему глухой. Ея программа «отрѣзковъ» «порождаетъ недоумѣніе въ широкихъ массахъ» (Н. Ленинъ). Потребовалось измѣнить ее согласно требованіямъ этихъ массъ. Обѣ группы объявили въ своихъ резолюціяхъ, что онѣ будутъ поддерживать «всѣ революціонныя мѣропріятія крестьянъ», не исключая и насильственнаго захвата земель: казенныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ. Основаніемъ этому для составителей программы служило то, что соціалъ-демократія должна поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ политическаго и экономическаго гнета. Но не противорѣчитъ ли захватъ земель принятымъ въ 1903 году основаніямъ аграрной политики партіи? Соціалъ-демократическіе теоретики не находятъ здѣсь никакого противорѣчія. Напротивъ, Плехановъ въ своемъ «Дневникѣ Соціалъ-демократа» (№ 1, 1905 г., мартъ), безъ сомнѣнія въ согласіи со всей партіей, понимаетъ это дѣло такъ. Отрѣзки ли, вся ли земля отойдетъ крестьянамъ, не все ли равно, вѣдь этимъ нисколько не укрѣпятся «стародѣдовскіе устои», нисколько не задержится процессъ разслоенія деревни на классы капиталистовъ и пролетаріевъ. Напротивъ, отнятіе земель и передача ихъ крестьянамъ «дастъ толчокъ», ускоритъ естественный процессъ разслоенія, усилитъ куплю и продажу земли, а стало быть обезземеленіе однихъ и скопленіе земель въ рукахъ другихъ, обостритъ классовую борьбу, толкнетъ земельную буржуазію на веденіе крупнаго капиталистическаго хозяйства, такъ необходимаго для воспитанія крестьянъ къ воспріятію соціалистическихъ идей и проведенію ихъ въ жизнь. Словомъ, быстрѣе поведетъ

капиталистическій процессъ до своего внутренняго противорѣчія, за которымъ стоитъ царство соціализма. Отчего же это будетъ такъ, а не иначе? Оттого, что Плехановъ, Ленинъ, а съ ними и вся партія, полагали тогда, что разъ земля попадаетъ въ руки крестьянъ, разъ съ крестьянъ спадутъ крѣпостныя цѣпи въ видѣ выкупныхъ платежей, въ видѣ права міра распредѣлять землю между общинниками, крестьяне непремѣнно подѣлятъ землю въ личную собственность и превратятъ въ предметъ купли-продажи. Ничего другого ожидать въ ближайшемъ будущемъ, по ихъ мнѣнію, нельзя, ибо средніе крестьяне не что иное, какъ мелкая буржуазія, въ родѣ лавочниковъ, ремесленныхъ мастеровъ и пр. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Плехановъ въ «Дневникѣ соціалъ-демократа» (№ 1-й 1905 г.) приводитъ слова профессора А. Н. Энгельгардта, «знатока»—по мнѣнію автора—«народной жизни». Энгельгардтъ гдѣ-то высказываетъ мысль, что, сколько бы земли ни дали крестьянину, «кулакъ и батракъ все равно останутся». Правда, Энгельгардтъ оговаривается: если не будутъ вводиться въ крестьянское хозяйство начала сотрудничества, артели и пр. Плехановъ въ эти средства не вѣритъ и подписывается подъ первою частью словъ Энгельгардта. Итакъ, поддержка революціоннаго захвата земель имѣетъ двѣ выгоды: съ одной стороны *соціалъ-демократическая партія привлекаетъ подъ свое знамя крупную силу всего крестьянства*, съ другой—*содѣйствуетъ ускоренію капиталистическаго процесса*. Пышное развитіе капиталистическаго хозяйства въ земледѣліи послѣ уничтоженія помѣщичьяго полукрѣпостного хозяйства, по мнѣнію составителей программъ III съѣзда и конференціи меньшевиковъ, будетъ неизбѣжно. Бѣднота крестьянская по недостатку средствъ производства—скота и орудій—будетъ продавать землю и увеличивать армію пролетаріата, земли будутъ скопляться у богатыхъ и послужатъ для заведенія капиталистическихъ сельскихъ хозяйствъ. Итакъ, что же насъ ждетъ въ ближайшее время? Какъ видно изъ резолюцій III съѣзда Россійской соціалъ-демократической партіи, «въ результатѣ побѣдоноснаго народнаго возстанія», насъ ждетъ: «демократическая республика»; «уничтоженіе послѣднихъ остатковъ крѣпостничества»; царство капитализма во всѣхъ областяхъ въ городѣ и деревнѣ,—«*демократическій переворотъ не ослабитъ а усилитъ господство буржуазіи*», говорится въ 3-ей резолюціи съѣзда. «*Въ деревнѣ намъ предстоитъ произвести буржуазную революцію*», утверждаютъ Ленинъ и Плехановъ еще въ проектѣ программы, принятой II съѣздомъ. А за царствомъ капитализма, когда онъ совер-

шитъ всю свою историческую миссію, тогда уже насъ ждетъ царство пролетаріата, царство соціализма. Крестьянства, какъ такового, къ тому времени не будетъ, оно *разложится на буржуа и пролетаріа сельскаго и городского.* Возможно, что останутся остатки неразложившихся крестьянскихъ обществъ, но они въ счетъ не идутъ, они пойдутъ по слѣдамъ пролетаріата.

Однако единодушіе по отношенію къ аграрному вопросу было кажущимся, такъ какъ немедленно послѣ III-го съѣзда начались и по этому вопросу горячіе споры. Однимъ изъ крупныхъ поводовъ къ этимъ спорамъ послужили происходившіе въ Москвѣ въ августѣ и ноябрѣ 1905 года съѣзды делегатовъ отъ крестьянъ, членовъ «Всероссійскаго крестьянскаго союза,» учрежденнаго на августовскомъ съѣздѣ. На этихъ делегатскихъ съѣздахъ была выражена воля всероссійскаго крестьянства объ отобраніи всѣхъ земель въ общенародную собственность съ тѣмъ, чтобы пользоваться землей имѣлъ право всякій, могущій ее обрабатывать личнымъ трудомъ.

Тѣ же требованія были выражены въ многочисленныхъ постановленіяхъ крестьянскихъ собраній и сельскихъ сходовъ въ разныхъ концахъ Россіи.

Широко прогремѣвшая воля народа съ одной стороны и критическая оцѣнка соціалъ-демократическихъ резолюцій со стороны народническаго направленія—съ другой, побудили соц.-демократовъ приняться за разработку вопроса о томъ, кому и на какихъ началахъ должна достаться отобранная отъ частныхъ владѣльцевъ земля. Этотъ вопросъ «постановки точки надъ і» вызвалъ ожесточенные споры и расколъ среди соціалъ-демократическихъ теоретиковъ-вожаковъ. Появилась обширная литература по этому вопросу. Появилось около десятка полныхъ и не полныхъ проектовъ аграрныхъ программъ (Икса, Маслова, Плеханова, Ленина, Финна, Рожкова, Громана, Каутскаго и др.). Авторамъ пришлось искать примиренія между двумя исключающими другъ друга началами. Программа для того, чтобы быть пріемлемой крестьянствомъ, должна «удовлетворять требованіямъ широкихъ массъ крестьянства», съ другой стороны не должна выходить изъ рамокъ «введенія деревни въ условія буржуазной жизни», т.-е. «усиленія развитія капитализма» и «обостренія классовой борьбы». Для того, чтобы уложить крестьянскія требованія въ «Прокрустово ложе» буржуазнаго строя, авторы вынуждены были либо уподобиться сказочному Прокрусту, обрубавшему длинныя ноги тѣмъ, кто не укладывался въ его кровать,—извращать «требованія широкихъ массъ», либо вовсе

ихъ не признавать. Отсюда рядъ проектовъ, непримиримыхъ и исключа-
ющихъ другъ друга, начиная съ Рожкова, предлагающаго оставит
прежнюю программу съ ничтожными измѣненіями, и кончая проектам
національзаціи земли Ленина и «муниципализаціи» Маслова, съ при
бавленіемъ требованій чуть ли не «Всероссійскаго крестьянскаг
союза» въ проектѣ Громана. Послѣдній предлагаетъ «предоставит
преимущественное право» на пользованіе землей, сдаваемой въ аренд
органами самоуправленія, «тѣмъ, кто будетъ работать лично без
наемнаго труда» на началахъ безсрочности и возмѣщенія затратъ н
улучшенія. Но въ оправданіе себя противъ обвиненій Плеханова в
стремленіи разрѣшить аграрный вопросъ въ интересахъ мелкаго про-
изводства, Громанъ говоритъ, что «преимущественное право на поль-
зованіе землей» онъ предлагаетъ признать за мелкимъ производителем
вовсе не «на вѣчно», а только «на время», «въ данную эпоху», «въ мо-
ментъ демократической революціи», а при измѣнившихся условіях
это право «будетъ отмѣнено». Ленинъ и прочіе сторонники «національза-
ціи» успокаиваютъ партію тѣмъ, что требованіемъ національзаці
земли они только на *первый взглядъ хотятъ удовлетворить потреб-
ность мелкаго крестьянства*, на самомъ же дѣлѣ они убѣждены, чт
*національзація земли неизбѣжно явится благопріятнѣйшимъ усло-
віемъ для процесса расслоенія крестьянъ и роста капиталистическаг
хозяйства.*

То же говорятъ П. Масловъ и другіе сторонники «муниципализаціи
земли, т.-е. передачи земли въ собственность крупныхъ органовъ само-
управленія. Чтобы изъ муниципализаціи земли не получились противо-
положныя слѣдствія, Плехановъ, напр., предлагаетъ при сдачѣ земл
въ аренду *не оказывать предпочтенія одному классу передъ другим*
а сдавать арендную землю на коммерческихъ началахъ конкуренціи. Ясн
и опредѣленно выраженныя самими крестьянами требованія массъ, п
крайней мѣрѣ центральной полосы Россіи, объ уничтоженіи частно
собственности на землю, большинствомъ авторовъ истолковываютс
какъ требованія чисто буржуазныя: крестьяне будто бы подъ видом
требованія общественной собственности на землю желаютъ тольк
раздѣла помѣщичьихъ земель. Упоминая о резолюціи «Всероссійскаг
крестьянскаго союза», нѣмецкій продолжатель Маркса Каутскій, а
за нимъ и русскій авторъ Финнъ считаютъ ошибочнымъ «принимат
фразу объ общей собственности на землю въ серьезъ, фразу, кото-
рой «*прикрывается требованіе раздѣла земли*». Каутскій утверждает
даже, что «на крестьянскихъ съѣздахъ говорятъ только о поддержк

и упроченіи частныхъ крестьянскихъ хозяйствъ», о «полной неограниченной частной собственности каждаго крестьянина на его надѣлъ...» Онъ выражаетъ «глубокое убѣжденіе» въ томъ, что крестьяне возстали не для того, чтобы придать своему землевладѣнію именно такую форму (общественную. Е. П.), а лишь затѣмъ, чтобы увеличить свои надѣлы на счетъ земли крупныхъ владѣльцевъ» (Каутскій: «Аграрный вопросъ въ Россіи»).

Такимъ пониманіемъ требованій «Всероссійскаго крестьянскаго союза», очевидно, и можно только объяснить постановленіе объединительнаго съѣзда о содѣйствіи организаціи крестьянскаго союза.

Отмѣтивъ разбродъ соціалъ-демократической мысли по аграрному вопросу, свидѣтельствовавшій о крупномъ переломѣ, мы и закончимъ свой обзоръ ея развитія въ эпоху первой нашей революціи. Упомянемъ только еще о тѣхъ измѣненіяхъ въ аграрной программѣ, которыя были приняты на «объединительномъ съѣздѣ». Хотя постановленіямъ IV съѣзда, какъ мы уже говорили, и не придавалось рѣшающаго значенія, такъ какъ споры между фракціями далеко не считались исчерпанными, тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ отмѣтить этотъ послѣдній запротоколированный этапъ соціаль-демократической мысли по аграрному вопросу.

Постановлено, что должна быть произведена конфискація земель церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и казенныхъ, а также и частновладѣльческихъ; кромѣ мелкаго землевладѣнія, съ передачею ихъ въ распоряженіе крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, избранныхъ на демократическихъ началахъ отъ городскихъ и сельскихъ округовъ. При этомъ земли, нужныя для переселенческаго фонда, воды и лѣса, имѣющіе общегосударственное значеніе, передаются во владѣніе демократическаго государства. Эти реформы возможны, по мнѣнію съѣзда, лишь при побѣдоносномъ развитіи революціи, т.-е. при завоеваніи демократической республики. Въ случаѣ же неблагопріятныхъ условій русской революціи, съѣздъ постановилъ высказаться *«за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ помѣщичьихъ земель, на которыхъ теперь ведется мелкое хозяйство или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодья»*.

Въ заключеніе отмѣтимъ одинъ знаменательный фактъ, характеризующій тогдашнее состояніе соціалъ-демократической партіи, когда возникъ вопросъ о созывѣ перваго съѣзда. Меньшевики предлагали созвать чисто рабочій съѣздъ. Большевики же этому

противились и настаивали на созывѣ партійнаго соціалъ-демократическаго съѣзда [1]).

Полагаемъ, что нашимъ бѣглымъ изложеніемъ разногласій внутри соціалъ-демократической партіи намъ удалось вскрыть глубокую разницу между двумя ея частями и обнаружить совершающійся внутренній кризисъ.

Русской революціонной интеллигенціи въ прошломъ, какъ мы знаемъ, не разъ приходилось переживать кризисы. Разсматриваемый кризисъ соц.-демократической партіи во многомъ напоминаетъ періодъ «Земли и Воли», которая неизбѣжно должна была распасться на партіи «Черный Передѣлъ» и «Народная Воля». Русская соц.-демократія, повидимому, тщетно старается въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ сохранить «единство». Оно остается, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе внѣшнимъ, на бумагѣ.

Этимъ мы закончимъ очеркъ развитія идей Россійской Соціалъ-демократической Рабочей партіи до 1906 г. и перейдемъ къ другому теченію, народническому, получившему названіе партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

XX.

Безвременье 80-хъ гг. и Н. К. Михайловскій.

Касаясь ужаснаго безвременья, послѣдовавшаго за разгромомъ революціоннаго движенія въ 80-хъ годахъ, мы упоминали о томъ, какъ на развалинахъ революціоннаго народничества расцвѣло новое легальное народничество. Вѣра въ близость народной революціи исчезла. Увѣренность интеллигенціи силою своей собственной сплоченности, «*энергіей дѣйствія*» совершить переворотъ угасла. «Цѣль и смыслъ жизни затерялись въ этомъ калейдоскопѣ разгромовъ. На что надѣяться? во что вѣрить? чего желать? къ чему стремиться? Все разбито, раздавлено...О поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?» восклицалъ Н. К. Михайловскій. Молодежи, сочувствовавшей «горю народному», но не видящей никакого выхода изъ создавшагося поло-

---

[1]) Нельзя не отмѣтить также, какъ заслуживающій вниманія фактъ, разногласіе между «меньшевиками» и «большевиками» по вопросу о выборахъ во 2-ю Госуд. Думу: «меньшевики» настаивали на соглашеніи съ кадетами, «большевики» же ***ни о какихъ соглашеніяхъ съ либеральными партіями и слышать не хотѣли.***

женія, оставалось лишь одно прозябаніе. Идея «служенія народу» свелась для нея къ «службѣ народу» въ качествѣ врачей, фельдшеровъ, учителей, «культурныхъ одиночекъ», насадителей артелей, товариществъ и пр. Такъ называемая народническая литература этого періода не представляла собою опредѣленно сложившагося направленія. За одною скобкой здѣсь были и Юзовъ—отрыжка испорченнаго славянофильства съ примѣсью ненавистничества къ евреямъ, и Н. К. Михайловскій—литературный борецъ за начала революціоннаго народничества, и В. В. (Воронцовъ), писатель со своими своеобразными взглядами, не раздѣляемыми ни той, ни другой стороной. Въ общемъ, народничество 80-хъ годовъ правильнѣе было бы назвать не направленіемъ, а общественнымъ настроеніемъ. На фонѣ воспоминаній о быломъ, о боевомъ времени, явилась тоска о безысходномъ положеніи деревни, тоска о своемъ безсиліи и смутная надежда на что-то, что должно было вывести народъ и интеллигенцію изъ мрачнаго тупика. Что-то должно произойти, чтобы развязались у русской интеллигенціи руки, чтобы появилась «свобода мысли и слова» и тогда, «*можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа*» (Михайловскій).

И вотъ въ такой-то исторической обстановкѣ появились первыя ласточки марксизма, пересаженнаго на русскую почву. Съ первыхъ своихъ шаговъ они принялись за безпощадную критику прошлаго, за низверженіе всѣхъ боговъ, передъ которыми преклонялось современное имъ поколѣніе. «Забытыя слова» революціоннаго народничества, за одну скобку съ маниловскими мечтаніями культурнаго народничества, подверглись жестокому осмѣянію подъ названіемъ «вяленой воблы». Молодые носители новаго направленія не имѣли еще своей литературы; они выступали пока только въ безконечныхъ спорахъ въ кружкахъ.

Первоначальное выступленіе «учениковъ», какъ ихъ вышучивалъ Михайловскій, было встрѣчено остальной молодежью крайне враждебно. Легальная литература широко обсуждала это выступленіе. Передовой защитникъ старыхъ знаменъ Н. К. Михайловскій встрѣтилъ «учениковъ» осмѣяніемъ за ихъ «новыя слова». Онъ слышалъ отъ «учениковъ» много шуму, но не видѣлъ въ первоначальныхъ ихъ шагахъ ничего новаго; занятія марксистовъ съ рабочими онъ принималъ за обычное въ то время «культурничество». Передъ народнически настроенной молодежью стояла задача: либо признать марксистскія догмы, съ такимъ жаромъ проводимыя «учениками», и отречься отъ любимыхъ учителей—Чернышевскаго, Добролюбова, Михайловскаго,

Лаврова и др., измѣнить преданіямъ великихъ героевъ «Народной Воли», либо остаться вѣрными старому знамени и отвергнуть марксизмъ. Старые учителя больше говорили сердцу этой части молодежи. Чувства ихъ не мирились съ перспективой, что народу, нашему многострадальному народу, послѣ такихъ радужныхъ перспективъ, какія рисовали ему предшественники, предстоитъ безконечно трудный путь «чистилища», прежде чѣмъ попасть въ «элизіумъ соціализма», мучительный «процессъ вывариванія въ фабричномъ котлѣ»,—по выраженію самихъ марксистовъ,—обнищаніе, «пролетаризація» и проч. «Ненавистный буржуазный строй привѣтствуется какъ избавленіе, насъ призываютъ итти къ нему на выучку»,—такъ разсуждала эта часть молодежи: «Да неужели принесенныя безчисленныя жертвы прошлыхъ десятилѣтій должны пропасть даромъ? Наконецъ, «тѣни погибшихъ борцовъ» не позволяютъ намъ съ философскимъ спокойствіемъ смотрѣть на то, какъ будетъ разлагаться деревня и ждать, когда капитализмъ приготовитъ будущія поколѣнія къ соціализму. Нѣтъ, здѣсь что-то не то, не то! Идемъ старой дорогой!» рѣшала она...

* * *

Такъ какъ міровоззрѣніе Михайловскаго, около котораго сгруппировалась народнически настроенная часть молодежи, играло рѣшающую роль, то мы остановимся на нѣкоторыхъ взглядахъ этого крупнаго мыслителя и публициста, строй: остью своихъ доводовъ и силой чувства покорявшаго себѣ и сердце и умъ читателя.

Н. К. Михайловскій держался одного направленія съ П. Л. Лавровымъ и былъ прямымъ его продолжателемъ. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ раздѣлялъ программу партіи «Народной Воли».

Изслѣдователь общественныхъ явленій, по мнѣнію Михайловскаго, въ противоположность естествоиспытателю не можетъ безстрастно смотрѣть на изучаемыя имъ явленія въ человѣческой исторіи. Изучая человѣческія отношенія, онъ невольно возмущается, негодуетъ, жалѣетъ, радуется... Отсюда выводится разница между наукою о природѣ и наукою объ обществѣ. Изучать природу можно и слѣдуетъ безъ всякаго отношенія къ личнымъ желаніямъ и потребностямъ. Изучать же человѣческое общество нельзя и не должно безъ отношенія къ личнымъ желаніямъ, къ личнымъ понятіямъ о справедливомъ и должномъ. Изслѣдователь, приступая къ изученію исторіи общества, обязанъ составить себѣ идеалъ, представленіе о самомъ лучшемъ, о

справедливомъ общественномъ устройствѣ; онъ долженъ поставить себѣ задачею найти условія осуществленія желательнаго и устраненія нежелательнаго. «Социологія (наука объ обществѣ) *должна начать съ нѣкоторой утопіи*», съ мечты о справедливомъ устройствѣ общества, съ идеала общественнаго устройства. Этотъ пріемъ изученія общественныхъ вопросовъ получилъ названіе «субъективнаго метода» въ противоположность «объективному методу», состоящему въ изученіи человѣческаго общества безъ отношенія къ идеаламъ изслѣдователя о должномъ и справедливомъ, а въ простомъ установленіи фактовъ, въ выясненіи законовъ развитія общества, въ раскрытіи причинной связи между послѣдовательно совершающимися явленіями того, что было, что есть и что будетъ, какъ необходимый результатъ прошлаго и настоящаго. Однимъ словомъ, сторонники «объективнаго метода» требуютъ отъ изслѣдователя относиться къ человѣческому обществу такъ же, какъ естествоиспытатель относится, напр., къ обществу животныхъ.

Вопросъ о томъ, «что должно быть», разрѣшается подъ руководствомъ этого метода не идеаломъ нравственнаго и справедливаго, а знаніемъ того, что неизбѣжно вытекаетъ изъ предыдущаго. Этимъ методомъ руководствовались Марксъ и Энгельсъ при разработкѣ теоріи научнаго соціализма.

Н. К. Михайловскій, исходя изъ «субъективнаго метода» изученія исторіи, утверждалъ, что въ основѣ общественныхъ измѣненій лежитъ борьба нравственно развитыхъ личностей съ общественной средой, препятствующей осуществленію ихъ идеаловъ о должномъ и справедливомъ. Въ основѣ дѣятельности личностей—этихъ героевъ среди толпы—лежитъ «нравственный долгъ».

Не отрицая «историческихъ условій, какъ факторовъ, какъ причинъ, опредѣляющихъ дѣятельность личности», Н. К. Михайловскій признавалъ «право и возможность для личности судить о явленіяхъ жизни безъ отношенія къ ихъ мѣсту въ исторіи, а сообразно той внутренней цѣнности, которую имъ придаетъ личность въ каждую данную минуту». «Противорѣчіе между необходимостью и свободой по существу неразрѣшимо — и мы должны — говоритъ Н. К. Михайловскій—опираться то на ту, то на другую» [1]). «Историческій ходъ событій самъ по себѣ неразуменъ, безсмысленъ», говоритъ Михайловскій,

---

[1]) Эта цитата, какъ и послѣдующія, взята изъ статьи: «Десница и шуйца гр. Толстого», т. III сочиненій Михайловскаго.

«для человѣка неустранимо сознаніе возможности съ нимъ бороться свободно, ставя передъ собой идеалы». Право нравственнаго суда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право вмѣшательства въ ходъ событій... «Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. *Онъ*, а не какая-нибудь мистическая (сверхъестественная) сила, *ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы, и историческихъ условій»*... Здѣсь мы также видимъ существенное различіе во взглядахъ Н. К. Михайловскаго и основателей научнаго соціализма.

По Михайловскому, «необходимый, законосообразный, историческій ходъ событій» находится въ вѣчномъ непримиримомъ противорѣчіи со свободой, съ сознаніемъ личностей о должномъ и прекрасномъ. Отсюда право и обязанность личностей «бороться съ безсмысленнымъ историческимъ ходомъ», «свободно ставя передъ собой идеалы».

Для Маркса и Энгельса этого противорѣчія между необходимостью и свободой не существуетъ. По Энгельсу, самая «*свобода есть лишь пониманіе необходимости*. Необходимость сильна только постольку, поскольку мы ее не понимаемъ. Свобода заключается не въ воображаемой независимости отъ законовъ природы, но въ признаніи этихъ законовъ и въ вытекающей изъ него возможности планомѣрно пользоваться ими въ опредѣленныхъ цѣляхъ» (Энгельсъ: «Антидюрингъ», 1886 г.).

Если люди боролись съ естественно необходимымъ ходомъ исторіи и оставались побѣжденными или получали результаты не тѣ, какихъ желали, то это происходило, съ точки зрѣнія «научнаго соціализма» Маркса и Энгельса, только отъ того, что они не понимали и потому не хотѣли считаться съ законами исторіи и направлять свои дѣйствія сообразно этимъ законамъ. «Свобода заключается, такимъ образомъ, въ основанномъ на признаніи законовъ природы господствѣ людей надъ собою и надъ внѣшней природой; поэтому свобода можетъ быть только продуктомъ историческаго развитія» (Энгельсъ: «Антидюрингъ»).

По Михайловскому, исторію дѣлаютъ люди, а потому послѣднихъ причинъ историческихъ событій надо искать въ «идеальныхъ побудительныхъ силахъ», въ сознаніи людей, въ ихъ желаніи и волѣ.

По Энгельсу, хотя человѣческая исторія и отличается отъ исторіи природы тѣмъ, что вмѣсто борьбы безсознательныхъ силъ, здѣсь «дѣйствуютъ люди, одаренные сознаніемъ, движимые убѣжденіемъ

или страстью, ставящіе себѣ опредѣленныя цѣли», но ходъ исторіи и здѣсь одинаково «опредѣляется общими законами», очень часто прямо противоположными желаніямъ дѣятелей. И уже по одному этому эти общіе законы надо искать не въ желаніяхъ и волѣ людей, не въ идеалахъ высокоразвитыхъ личностей, а глубже.

Философія исторіи,—говоритъ Энгельсъ,—показала, что «какъ явныя, выставляемыя на показъ, такъ и дѣйствительныя, тайныя побужденія историческихъ дѣятелей вовсе не представляютъ собою послѣднихъ причинъ историческихъ событій, что за этими побужденіями стояли другіе двигатели»... Этихъ двигателей, какъ мы уже знаемъ, согласно философіи Маркса и Энгельса, «нужно искать *не въ головахъ людей, не въ увеличивающемся пониманіи вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи*»... (Энгельсъ: «Л. Феербахъ», 1888 г.). Что касается роли личностей въ исторіи, то и здѣсь взгляды Михайловскаго расходились со взглядами Маркса-Энгельса.

По Михайловскому, исторія главнымъ образомъ двигается высокоразвитыми личностями, ведущими борьбу за прогрессъ, за «всестороннее гармоническое развитіе личности», борьбою «самоотверженныхъ героевъ, заражающихъ толпу» своимъ примѣромъ. Роль массъ, «толпы» въ его глазахъ является второстепенной: она идетъ за своими вождями, «подражаетъ имъ»...

Для творцовъ научнаго соціализма «исторія есть борьба классовъ», борьба массъ. «Великіе люди», «вожди» являются лишь выразителями назрѣвающаго классоваго самосознанія.

Изложеннымъ опредѣляется отношеніе Н. К. Михайловскаго къ марксизму въ его приложеніи къ условіямъ русской жизни.

Съ появленіемъ идей Маркса и Энгельса въ Россіи и до конца своихъ дней (умеръ въ 1904 году) Н. К. Михайловскій велъ 30-тилѣтнюю войну съ марксизмомъ, ожесточая ее по мѣрѣ распространенія этихъ идей. Усматривая въ дѣлаемыхъ «учениками» выводахъ гибельныя послѣдствія для Россіи, онъ направляетъ свою критику на самыя основы теоріи марксизма. Онъ стремился опровергнуть «діалектическій методъ», подвергая критикѣ знаменитую «тріаду Гегеля»: всякое явленіе въ своемъ развитіи проходитъ три состоянія, при чемъ изъ первоначальнаго состоянія развивается состояніе ему противоположное, изъ этого состоянія явленіе переходитъ въ новое—отрицающее свою противоположность и приближающееся по формѣ къ первоначальному состоянію. Онъ видитъ въ этой формулѣ Гегеля простую игру

Еще позднѣе по тому же поводу онъ говоритъ: «Капитализмъ идетъ—это несомнѣнно, но вопросъ въ томъ, какъ его встрѣтить?»

Гдѣ же тѣ силы, которыя дадутъ надлежащій отпоръ капитализму? Крестьянство спало. Въ рабочее движеніе Н. К. Михайловскій не вѣрилъ; онъ отрицалъ возможность образованія у насъ пролетаріата подобно западноевропейскому. Оставалась одна надежда на *«лучшую часть образованнаго общества»*, на интеллигенцію. Интеллигенція же обладаетъ могущественными средствами: силой сплоченности и энергіей дѣйствія. Отсюда отношеніе къ террору, какъ могущественному средству борьбы со зломъ. *«Зло существуетъ и съ нимъ надо бороться—бороться иногда жестокими, даже террористическими средствами»*. «Бываютъ историческіе моменты, когда даже благороднѣйшіе люди, вынужденные борьбой съ представителями «какой-то смѣси человѣка со скотомъ», *прибѣгаютъ къ жестокимъ средствамъ и должны вслѣдствіе этого въ извѣстной мѣрѣ нравственно деградироваться»* (понижаться), говоритъ Н. К. Михайловскій.

XXI.

Партія соц.-революціонеровъ. Ея образованіе и теоретическія основы. Максималисты.

Мы останавливались на Н. К. Михайловскомъ потому, что міровоззрѣніе этого писателя связало собою двѣ эпохи. Съ одной стороны, оно отражало въ себѣ движеніе 70-хъ годовъ, съ другой стороны, послужило теоретическимъ основаніемъ новому движенію, начавшемуся съ 90-хъ годовъ и получившему въ 900-хъ годахъ названіе Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

События 1891 года—голодъ въ 11 губерніяхъ и холера—подняли общественное возбужденіе въ Россіи. Народныя бѣдствія сильно подогрѣли чувства молодежи. На жгучій вопросъ: «что же дѣлать?» нуженъ былъ немедленный отвѣтъ. Путь, предлагаемый марксистами, казался слишкомъ медленнымъ. Признать его значило бы, согласно ходячимъ представленіямъ, «сложить ненужныя руки на пустой груди» (Михайловскій) и... итти въ деревню «открывать кабаки, разрушать общину, выкуривать мужика изъ деревни» (Кривенко). И вотъ, возрождается старое рѣшеніе вопроса: бороться, немедленно бороться всѣми средствами за интересы изголодавшагося крестьянства;

Одними дѣлаются безуспѣшныя попытки непосредственно подняти голодныхъ крестьянъ на своихъ притѣснителей. Напр., Кочурихин въ Казанской губ. возбуждаетъ крестьянъ Свіяжскаго уѣзда во время голода 1891 года итти разбирать помѣщичьи амбары, а въ Казани въ то же время производится демонстративный выстрѣлъ въ казанскаго губернатора. Другіе начинаютъ объединяться подъ старымъ флагомъ, поднятымъ сохранившимися остатками «Народной Воли».

Въ 1891 году образовалась въ Петербургѣ группа народовольцевъ, во главѣ которой стоялъ М. С. Александровъ. Она выпустила прокламаціи, составленныя Н. М. Астыревымъ, авторомъ книги «В волостныхъ писаряхъ», старую программу «Народной Воли» и 2 летучихъ листка. Въ 1894 году около стараго соціалиста М. А. Натансона образуется «Партія Народнаго Права», считавшая необходимымъ отодвинуть на задній планъ всѣ старые вопросы русской революціонной мысли ради рѣшенія «насущнаго вопроса»—низверженія «самодержавія». Обѣ группы въ 1894 году были разгромлены правительствомъ.

Въ 1894 году начинаетъ выходить газета «Русскій Рабочій» подъ редакціей «Союза русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ», народническаго направленія. Въ 1896 г. заграничные народовольцы посылают отъ своей группы делегатовъ (Серебрякова и Житловскаго) на международный Лондонскій рабочій конгрессъ, куда ихъ, однако, не допускаютъ, не признавая ихъ представителями пролетарской партіи.

Въ 1899 г. въ Москвѣ появляется изданіе «Союза соціалистовъ-революціонеровъ»—«Наши задачи». Въ 1900 г. группа народовольцевъ столковывается съ различными соціально-революціонными группами и отдѣльными лицами въ Россіи и за границей. Въ результатѣ этого соглашенія является въ іюлѣ 1901 «Вѣстникъ русской революціи» подъ редакціей народовольца К. Тарасова. Выступая съ новымъ изданіемъ, редакція заявила, что ея органъ есть органъ революціоннаго соціализма. «Дѣйствительно, мы считаемъ себя идейными продолжателями Народной Воли, которая тѣсно соединяла въ своей дѣятельности и стремленіе *приблизиться къ осуществленію соціалистическаго идеала и борьбу съ самодержавіемъ* во имя демократическаго строя» («Вѣст. рус.револ.», № 1). Союзомъ рус. соціалистовъ-революціонеровъ въ 1901 г. начинаетъ издаваться газета «Революціонная Россія». Въ №№ 1 и 2 этой газеты на первый планъ выдвигается *борьба за политическую свободу*, какъ «лозунгъ нашихъ дней», какъ величайшая цѣль, которая сп

ю вещей отодвигаетъ рѣшеніе основныхъ вопросовъ на задній планъ. ь 1900 году на югѣ образуется дѣятельная группа подъ названіемъ Партія соціалистовъ-революціонеровъ», которая выпускаетъ «мани-естъ». Въ 1900 же году основывается за границей «Аграрно-соціали-тическая лига» (союзъ) съ цѣлью изданія для народа революціонной итературы. Въ 1903 году «Аграрной Лигой» издается брошюра «Очеред-ой вопросъ», посвященная аграрному вопросу и обоснованію необхо-имости развить дѣятельность въ деревнѣ. Въ 1903 году всѣ отдѣльно ующія группы сливаются въ одну партію и партія въ этомъ году бразуетъ спеціальныя группы: «Крестьянскій Союзъ партіи соціали-товъ-революціонеровъ» и «Боевую организацію». Въ 1904 году въ № 46 «Революціонной Россіи» напечатанъ «проектъ программы Партіи оціалистовъ-Революціонеровъ». Въ декабрѣ 1905 года былъ созванъ ервый съѣздъ партіи, на которомъ принятъ былъ проектъ программы 904 года съ небольшими измѣненіями. Этотъ документъ и является ослѣднимъ выраженіемъ міровоззрѣнія партіи.

Дѣятельность этой «партіи дѣйствія», какъ она себя называла, оситъ яркій, индивидуалистическій характеръ—въ противополож-ость дѣятельности партіи с.-д., которая носила болѣе массовый хара-теръ. По заявленію авторовъ «Нашихъ задачъ», партія с.-р. массо-ую организацію, столь затрудненную въ Россіи, замѣняла *«энер-ией дѣйствія»*. Практическая дѣятельность партіи первоначально осредоточивалась на организаціи интеллигенціи и городскихъ рабо-ихъ на почвѣ своей программы. Съ 1902 года началась террористи-еская дѣятельность. По приговору боевой организаціи партіи первы-и пали: министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, губернаторъ Богда-овичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, в. кн. Сергѣй Алексан-ровичъ.

По мѣрѣ развитія движенія среди крестьянъ партія стала напра-лять свои силы на пропаганду среди крестьянъ, организацію среди ихъ братствъ, боевыхъ дружинъ и на призывъ къ вооруженному воз-танію. Въ послѣдній періодъ общаго выступленія партія принимала, а ряду съ партіей соц.-демократовъ, дѣятельное участіе въ организа-іи стачечнаго движенія, въ политическихъ забастовкахъ и въ моментъ ооруженнаго возстанія выставила рядъ самоотверженныхъ боевыхъ ружинъ.

Террористическая дѣятельность за послѣднее время приняла вообще массовый характеръ. Перечислять отдѣльные ея акты нѣтъ озможности. Жертвами террора избирались уже не только высоко-

поставленныя, особенно вредныя для революціоннаго движенія адми стративныя лица, но онъ распространился вообще на полицію и жанд мовъ. Терроръ сталъ широко примѣняемымъ средствомъ, и мно террористическіе акты совершались уже по инiціативѣ отдѣльны кружковъ и лицъ, безъ вѣдома и согласія партійныхъ организац

* * *

Теоретическія воззрѣнія партіи соціалистовъ-революціонеро отличаются отъ взглядовъ партіи «Народной Воли» только «попр ками, которыхъ требуетъ пережитый опытъ» (Черновъ: «Памяти Миха скаго», 1906 г.). Первоначальнымъ ихъ выраженіемъ служатъ «На задачи», первые номера «Вѣстника русской революціи» и «Революціо ной Россіи» и «Манифестъ партіи»; послѣдующимъ же оффиціальны выраженіемъ служила программа партіи, утвержденная съѣзд 1905 г. Изложимъ кратко первоначальныя воззрѣнія и отмѣтим въ чемъ они измѣнились въ послѣдней программѣ.

Въ указанныхъ раннихъ источникахъ заявляется, что парт ставитъ своей конечной цѣлью осуществленіе соціалистическаго и ала. Современный экономическій строй не даетъ основаній надѣят на близкое его осуществленіе. Россія вступила на капиталистическ путь развитія, но идетъ имъ очень медленно, и мы только еще въ нача этого пути. Крестьянскій патріархальный бытъ разлагается. Земл дѣльческая масса разслаивается. Образовывается сплоченный промы ленный пролетаріатъ. На вопросъ, «ждетъ ли насъ та же карти смѣны капиталистическихъ формъ, какія пережилъ и переживае западъ, или же наше экономическое будущее не лишено нѣкоторы особенностей»,—авторы «Нашихъ задачъ» отказываются отвѣтить отрицая, какъ они выражаются, «*революціонное доктринерство*» соціал демократовъ, прямо выдвигаютъ задачи: «каково бы ни было на экономическое будущее, мы, во имя идеала соціализма, должны гот вить условія для ускоренія торжества этого идеала»...

Первымъ и главнымъ условіемъ, на достиженіи котораго долж быть сосредоточены всѣ силы партіи, является уничтожен абсолютизма. Ближайшею цѣлью ставится: достиженіе политическ свободы и народное представительство на началахъ всеобщаго избир тельнаго права безъ всякихъ сословныхъ и имущественныхъ огранич ній. По поводу конституціи въ «Манифестѣ» партіи говорится: «в ставляя *достиженіе конституціи своимъ ближайшимъ требованіем*

вмѣстѣ съ тѣмъ не отказываемся отъ борьбы за дальнѣйшее полное проявленіе народной воли». Мы не будемъ перечислять всѣ литическія требованія, такъ какъ они въ общемъ представляютъ рвоначальныя, недоразвитыя политическія требованія современ-ыхъ соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной программъ.

Въ области экономической выставляется требованіе коренныхъ формъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе положенія фабричнаго класса крестьянъ.

Въ аграрной области требуется націонализація земли. «Для дости-снія политической свободы,—говорится въ статьѣ «Наша программа» Вѣстн. русской революціи», №1, издан. 2-е 1902 г.), — мы беремъ ходнымъ пунктомъ нашей дѣятельности работу въ городѣ на почвѣ иженія соціалистической интеллигенціи и пролетаріата во имя епосредственной борьбы противъ самодержавія»; «Мы не исключа-ть изъ своихъ плановъ,—говорится далѣе,—даже въ недалекомъ дущемъ теоретической возможности захвата власти и диктатуры еволюціонной интеллигенціи и пролетаріата въ центрахъ, съ цѣлью ать толчокъ оппозиціонному движенію во всей странѣ». По отношенію крестьянству «Наша программа» говоритъ: «Не забудемъ, что въ ислѣ политическихъ пріобрѣтеній «Народной Воли» въ періодъ ея ероической борьбы и завѣщанныхъ ею русскому движенію завоеваній ылъ отрицательный взглядъ на деревню, какъ на исходную точку емократическаго переворота, какъ на иниціативную силу революціи». ъ тѣхъ поръ новаго «ничего не произошло, что заставило бы насъ от-азаться отъ этого взгляда». Приводимъ еще нѣсколько заключитель-ыхъ выдержекъ изъ «Нашихъ задачъ»: «Политическая свобода во мя соціальной революціи, такова наша ближайшая цѣль». «*Соціа-истическая интеллигенція и передовая часть фабричнаго пролета-ріата.*—вотъ наши главныя, но не исключительныя силы».

«Пропаганда, агитація и организація для созданія условій, которыя адутъ возможность *начать и довести до конца политическое освобо-жденіе Россіи, при помощи систематической террористической борьбы съ самодержавіемъ* на ряду съ другими формами массовой борьбы, сходящей отъ различныхъ слоевъ населенія—таковы задачи въ на-тоящее время».

Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что новое теченіе къ 1902 г. е сдѣлало крупныхъ шаговъ въ области соціалистической мысли со ремени «Народной Воли». Нельзя того же сказать, если мы обратимся ъ послѣдующимъ трудамъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Поднимающаяся съ начала XX вѣка волна крестьянскаго движен… высоко поднявшаяся волна рабочаго движенія, широкое распростр… неніе идей марксизма въ Россіи и возникшее на западѣ новое те… ніе критическаго марксизма, изложенное впервые въ книгѣ Берн… тейна «Проблемы соціализма» 1899 г.,—всѣ эти факты сильно от… зились на міровоззрѣніи соц.-революціонеровъ.

Необходимо было опредѣленно установить и формулировать от… шеніе къ теоріи марксизма, властно захватывавшей умы прогрессив… части русской молодежи; нужно было теоретически обосновать … программѣ отношеніе къ аграрному движенію крестьянъ, въ которо… партія с.-р. нашла себѣ опору; наконецъ, нужно было отмежеват… отъ соц.-демократовъ по отношенію къ рабочему движенію. Не ма… потрудились надъ этой задачей главные теоретики движенія Л. … Шишко и В. М. Черновъ, въ особенности послѣдній. Въ легальн… литературѣ былъ изданъ цѣлый рядъ книгъ и брошюръ, посвященны… этимъ вопросамъ. Проектъ программы партіи 1904 года составле… въ духѣ измѣнившихся взглядовъ. Мы обратимся къ этому послѣ… нему документу въ томъ его видѣ, какъ онъ былъ принятъ на перво… съѣздѣ партіи въ декабрѣ 1905 г. Но прежде чѣмъ излагать совреме… ные взгляды соц.-революціонеровъ, надо упомянуть, что и эта парт… въ послѣдней своей фазѣ раскололась на 3 самостоятельныя част…

Декабрьскій съѣздъ сразу обнаружилъ нѣсколько теченій, внос… щихъ въ партію глубокую теоретическую и практическую рознь.

Отъ партіи отщепилось лѣвое крыло подъ названіемъ максим… листовъ. Максималисты не хотѣли считаться съ историческими усл… віями и требовали немедленнаго полнаго проведенія соціалисти… ческой программы въ жизнь.

Уничтоженіе всей частной собственности, по ихъ мнѣнію, долж… осуществляться теперь же, отсюда ихъ требованіе немедленнаго от… бранія отъ собственниковъ не только земель, но и фабрикъ и капит… ловъ. На съѣздѣ они настаивали на необходимости весною то… же 1906 года призвать крестьянъ къ «революціонному захва… земель». Они доказывали, что если не будетъ произведена экспр… пріація немедленно, то будетъ упущенъ исключительно благ… пріятный моментъ, который болѣе не повторится. «Теперь и… никогда», говорили они. Буржуазія не успѣла сорганизоватьс… и упрочить свое господство. Правительство ослабѣло. Крестья… ство переживаетъ революціонное возбужденіе, которое весно… несомнѣнно разразится въ возстаніе. Если мы будемъ медлить, возб…

жденіе пройдетъ, «создастся правовое государство, и въ дальнѣйшемъ рѣшеніи аграрнаго вопроса мы будемъ одиноки; противъ насъ даже будутъ соц.-демократы». Буржуазное государство не допуститъ «соціализаціи земли». Россія тогда неизбѣжно пойдетъ по пути буржуазнаго развитія и «соціализація земли будетъ осуществлена лишь при соціализмѣ» (Протоколы съѣзда Парт. С.-Р. въ декабрѣ 1905 года). Въ то же время (1906 г.) среди современной молодежи начинаютъ снова пользоваться широкими симпатіями идеи анархизма 70-хъ годовъ. Складываются уже анархическія группы различныхъ оттѣнковъ. Максималисты по своей идеологіи (теоріи) соприкасались съ анархизмомъ. Но такъ какъ направленіе современнаго анархизма не достаточно опредѣлилось, то мы его касаться не будемъ.

На съѣздѣ выступили также представители умѣреннаго теченія, такъ сказать, правое крыло партіи. Теченіе это вскорѣ сложилось въ особую партію, о которой скажемъ ниже. Раздавались также голоса на съѣздѣ, дававшіе освѣщеніе современному развитію Россіи съ марксистской точки зрѣнія, но имъ было указано, что ихъ мѣсто не тутъ, не на съѣздѣ соціалистовъ-революціонеровъ, а среди соціалъ-демократовъ.

Большинство представителей партіи составило центръ. Представителемъ взглядовъ центра былъ составитель и докладчикъ проекта программы, выдающійся теретикъ партіи В. М. Черновъ. Программа партіи стремится занять среднее положеніе между идеализмомъ 70-хъ годовъ и критическимъ марксизмомъ. За это стремленіе авторы получили на съѣздѣ упреки въ чрезмѣрной склонности къ марксизму со стороны однихъ и въ эклектизмѣ (въ смѣшеніи направленій) со стороны другихъ. Докладчикъ въ своемъ толкованіи программы говорилъ: «Въ нашей программѣ красной нитью проходитъ неразрывное сліяніе двухъ моментовъ: теоретической характеристики формъ общественнаго строя и оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія интересовъ развитія личности и общественной солидарности», «сліяніе изслѣдованія и оцѣнки», «объективнаго и субъективнаго», «нравственнаго и историческаго»; словомъ, авторъ стремится «чтить рядомъ имена Маркса и Энгельса съ Лавровымъ и Михайловскимъ»; соединить «правду теоретическаго неба съ правдой практической земли», какъ говорилъ Михайловскій; «необходимость» со «свободой», которыя Михайловскій считалъ въ вѣчномъ противорѣчіи между собой. Для того, чтобы примирить противоположныя точки зрѣнія на историческій процессъ—матеріалистическое и идеалистическое пониманіе исторіи—докладчикъ утверждалъ, что

оба эти пониманія одинаково ошибочны. Прежнія утвержденія соц. революціонной школы въ томъ, что исторія двигается не подъ вліяніемъ одного лишь экономическаго фактора, но подъ вліяніемъ «множественности факторовъ»: экономическаго, правового и идейнаго докладчикъ также признаетъ ошибочными. Всѣ эти три точки зрѣнія по мнѣнію докладчика, устарѣли и одинаково не научны. Факторы экономическій, правовой и идейный, по мнѣнію докладчика, есть не что иное, какъ только стороны единаго историческаго процесса, не разложимаго на составныя части, какъ не разложима «человѣческая индивидуальность». Онъ полагаетъ, что въ историческомъ развитіи всѣ стороны процесса равнозначущи и не имѣютъ преимущества одна надъ другой, ибо сами онѣ суть не что иное, какъ различныя точки зрѣнія изслѣдователя. Все зависитъ отъ того,—говоритъ докладчикъ,—съ какой стороны посмотрѣть: «разсматриваемъ ли мы общество съ объективно-матеріальной точки зрѣнія,—общественная жизнь рисуется передъ нами... какъ производство вещественныхъ благъ»... Если станемъ разсматривать общество, продолжаетъ докладчикъ,—съ формально-правовой точки зрѣнія, общественный процессъ предстанетъ передъ нами, какъ «скелетъ юридическихъ и государственныхъ нормъ»... и т. д. Что же въ такомъ случаѣ является основной причиной общественныхъ измѣненій? Докладчикъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Но въ другомъ своемъ трудѣ (въ предисловіи Гарденина къ Вандервельду: «Идеализмъ въ марксизмѣ», 1905 г. изд. Распопова), тотъ же авторъ прямо отвѣчаетъ, что первичную причину, которой объясняется историческій процессъ, надо искать не въ самомъ историческомъ процессѣ, а въ доисторическомъ, естественно-историческомъ. «Взаимодѣйствіе между условіями естественной среды и количественнымъ и качественнымъ ростомъ человѣчества — вотъ къ чему въ «послѣднемъ счетѣ сводится соціальное развитіе» [1]).

Другого мнѣнія по этому основному вопросу теоріи держится

---

[1]) Подъ «естественной средой» авторъ разумѣетъ естественныя, географическія, климатическія и почвенныя условія страны. Подъ «количественнымъ и качественнымъ ростомъ» авторъ разумѣетъ размноженіе людей и ростъ потребностей. Эта «реалистическая теорія» вліянія естественной среды на человѣческія общества не нова, а давняго происхожденія. Она хорошо разработана въ 70-хъ годахъ Боклемъ въ его «Исторіи цивилизаціи Англіи». Роль естественно-историческихъ природныхъ условій на исторію человѣчества ни Марксъ и никто изъ марксистовъ не отрицалъ, но вѣдь не объ томъ въ экономической теоріи идетъ рѣчь.

Шитко. Въ брошюрѣ «По программнымъ вопросамъ», 1906 г., критикуя экономическую теорію Маркса, онъ заявляетъ, что с.-р. школа «не выдвигаетъ со своей стороны никакой единой и всеобъемлющей формулы, ибо таковая еще не найдена современной соціологіей».

Вторая основа марксизма—классовая точка зрѣнія — устраняется авторами проекта программы тѣмъ, что они объявляютъ себя сторонниками «внѣклассовой», «общечеловѣческой» точки зрѣнія, точки зрѣнія «интересовъ всесторонняго развитія человѣческой личности». Защита трудящихся съ этой точки зрѣнія является средствомъ достиженія высшей цѣли—развитія личности.

Дѣленіе общества на классы разсматривается ими не какъ отраженіе извѣстнаго состоянія производства, а какъ результатъ стремленія къ господству однихъ людей надъ другими. Въ основѣ дѣленія на классы, по ихъ мнѣнію, лежитъ не разница положенія людей въ производствѣ, а эксплуатація чужого труда. Поэтому всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ—трудовую интеллигенцію, рабочихъ и трудовое крестьянство—они зачисляютъ въ одинъ рабочій классъ. Пользующихся же чужимъ трудомъ относятъ къ другому классу—классу эксплуататоровъ. Вѣчная, стихійная вражда между этими классами, съ ихъ точки зрѣнія, только тогда превратилась въ «классовую борьбу», когда во главѣ ея стало сознательное революціонно-соціалистическое меньшинство, ведущее борьбу за всестороннее развитіе личности.

Устранивъ, такимъ образомъ, главнѣйшія основанія марксизма, авторы программы смогли втиснуть въ старыя рамки лавризма новыя положенія марксизма.

Такъ, въ теоретической части программы общественный прогрессъ человѣчества опредѣляется какъ результатъ «вмѣшательства въ жизнь борцовъ за истину и справедливость», но рядомъ съ борцами или даже впереди нихъ стоитъ «развитіе безчисленныхъ классовыхъ антагонизмовъ».

Ростъ общественнаго сознанія, распространеніе соціализма, «организація политической борьбы классовъ» ставятся авторами въ прямую зависимость отъ капиталистическаго развитія Россіи. Въ капиталистическомъ развитіи Россіи усматриваются «положительныя творческія силы, а именно: подготовка матеріальныхъ элементовъ (капиталы, фабрики, машины и пр. Е.П.) для будущаго соціалистическаго строя и содѣйствіе объединенію въ сплоченную соціальную силу арміи промышленныхъ рабочихъ».

XXII.

Программныя требованія партіи соціалистовъ - революціонеровъ. Трудовая народно-соц. партія. Крестьянскій союзъ. Совѣты раб. депутатовъ.

Переходимъ къ программнымъ требованіямъ партіи с.-р. Они раздѣляются, какъ и въ программѣ с.-д., на отдаленныя—«программа максимумъ» и ближайшія—«программа минимумъ». «Программа максимумъ», общая для всѣхъ соціалистическихъ партій, сводится къ «обобществленію труда, собственности и хозяйства, къ уничтоженію, вмѣстѣ съ частной собственностью, самаго дѣленія общества на классы; уничтоженію классоваго, принудительнаго, репрессивнаго характера общественныхъ учрежденій, при сохраненіи и развитіи ихъ нормальныхъ культурныхъ функцій, т.-е. планомѣрной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу». Полное проведеніе этой программы партія с.-р., какъ и с.-д-ая партія, считаетъ возможнымъ только при полной побѣдѣ рабочаго класса, организованнаго въ соц.-революціонную партію. Разница здѣсь между партіями только въ томъ, что с.-д. считаютъ невозможнымъ проведеніе «программы максимумъ» въ силу того, что капиталистическій процессъ развитія Россіи еще далеко не достигъ такого состоянія, внутри котораго созрѣли бы въ достаточной степени новыя силы, способныя замѣнить буржуазный строй соціалистическимъ. Отсюда для с.-д. является такая «программа минимумъ», выполненіе которой не только не помѣшаетъ дальнѣйшему капиталистическому развитію, но, наоборотъ, должно дать къ тому могучій толчекъ. С.-р. думаютъ, что проведеніе «программы максимумъ» невозможно не потому, что Россія капиталистически не доразвилась до соціализма, а потому что рабочій классъ не воспитанъ и не организованъ настолько, чтобы могъ взять въ свои руки все общественное хозяйство страны. Капитализмъ же въ Россіи своими отрицательными сторонами только мѣшаетъ этой подготовкѣ рабочаго класса.

Не разсчитывая на полную побѣду рабочаго класса, партія с.-р. надѣется однако провести такую «программу минимумъ», которая далеко заходитъ за предѣлы современнаго буржуазнаго строя. Увѣренность свою партія основываетъ на особо «благопріятномъ въ данное

время соотношенія силъ», состоящемъ въ томъ, что Россія переживаетъ одновременно острый политическій и экономическій кризисъ при наличности соціалистической интеллигенціи и одновременнаго возстанія пролетаріата и крестьянства.

Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ требованій «программы минимумъ» с.-р., такъ какъ въ политически-правовой, народно-хозяйственной части и въ вопросахъ рабочаго законодательства въ общемъ здѣсь нѣтъ рѣзкой разницы съ изложенной ранѣе соц.-демократической программой. Подчеркиваемъ только въ отдѣлѣ рабочаго законодательства требованіе, котораго нѣтъ у с.-д., законодательнаго установленія *наименьшей заработной платы*. Въ политической части отмѣтимъ требованіе «демократической республики», замѣнившее прежнее требованіе демократической конституціи. Прежнее требованіе конституціи, очевидно, было тактическимъ требованіемъ. Замѣна его, по примѣру с.-д-ой программы, опредѣленнымъ требованіемъ демократической республики у с.-р. не была достаточно мотивирована.

Аграрная часть программы несомнѣнно представляетъ крупный вкладъ въ развитіи общественной мысли. Ни одному отдѣлу программы не посвящено было столько вниманія и литературныхъ работъ со стороны партійныхъ работниковъ, какъ аграрному вопросу, служившему самымъ крупнымъ пунктомъ разногласія съ другими партіями. Въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса партія с.-р. опирается на твердую почву *«общинныхъ и трудовыхъ воззрѣній, традицій и формъ жизни русскаго крестьянства»*—какъ говорится въ программѣ—«въ особенности на распространенное среди крестьянъ убѣжденіе, что земля ничья, *и что право пользованія ею даетъ лишь трудъ*». «Въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ» въ программѣ выставленно требованіе *соціализаціи земли.*

Соціализація земли, согласно программѣ, состоитъ въ уничтоженіи безъ выкупа права частной собственности на земли въ государствѣ (городскія и сельскія), въ изъятіи ихъ изъ торговаго оборота и въ обращеніи всей земли, находящейся въ странѣ, въ общенародное достояніе. Это не значитъ, что земля сдѣлается государственной и отойдетъ въ распоряженіе правительственой власти. Программою вносятся слѣдующія новыя начала отношенія къ землѣ.

Завѣдываніе землями возлагается на *центральные и мѣстные органы народнаго самоуправленія*, начиная отъ демократически организованныхъ городскихъ и сельскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями. Центральныя учрежденія завѣдуютъ

землями для разселенія, *запаснымъ земельнымъ фондомъ и нѣдра[ми]*
земли. Обширные лѣса, рыбныя ловли и т. п. угодья, имѣющія значен[іе]
для большихъ районовъ, находятся въ завѣдываніи крупныхъ орг[а]
новъ самоуправленія.

Вся *остальная земля отходитъ въ распоряженіе мелкихъ мѣстны[хъ]*
органовъ самоуправленія. Пользованіе землями предполагается пр[о]
граммою на *уравнительно трудовомъ началѣ.* Согласно програм[мѣ]
всякій будетъ имѣть равное съ другими право пользоваться земле[ю]
при условіи приложенія собственнаго труда *единолично* или *въ т[о]*
вариществѣ въ количествѣ необходимомъ *для удовлетворенія средня[го]*
уровня потребностей. Разница *въ доходности земель (рента),* завис[я]
щая не отъ труда, а отъ качества земель или отъ ихъ расположені[я]
будетъ, согласно программѣ, *облагаться налогомъ на общественны[я]*
нужды.

Въ отдѣлѣ общественнаго хозяйства программою подчеркивает[ся]
задача партіи стремиться къ *«развитію коопераціи на строго демокр[а]*
тическихъ началахъ».

При обсужденіи тактическихъ вопросовъ съѣздъ, высказывая[сь]
за усиленіе центральнаго политическаго террора и за развитіе парт[и]
занской борьбы съ низшими агентами власти, при широкомъ участі[и]
массъ, отнесся въ то же время отрицательно къ аграрному и фабри[ч]
ному террору.

Мы упоминали выше, что на первомъ партійномъ съѣздѣ с.-[р.]
выступило, между прочимъ, новое теченіе, представлявшее собо[ю]
правое крыло партіи. Это новое теченіе вскорѣ же—весною 1906 го[да]
сложилось въ самостоятельную политическую организацію подъ н[а]
званіемъ «Трудовой народно-соціалистической партіи».

Начало партіи положилъ кружокъ петербургскихъ литераторов[ъ],
группирующихся по преимуществу около журнала «Русское Бога[т]
ство» (Анненскій, Пѣшехоновъ, Мякотинъ и др.). Партія э[та]
не имѣетъ собственной исторіи, поэтому мы ограничиваемся лиш[ь]
краткой характеристикой ея особенностей.

Основатели партіи исходятъ изъ того убѣжденія, что цѣл[и]
партіи не могутъ быть достигнуты безъ дѣятельнаго участ[ія]
широкихъ массъ организованнаго въ партію трудового народа. Н[е]
отрицая важности и необходимости существованія революціонны[хъ]
соціалистическихъ партій, дѣйствующихъ на конспиративныхъ н[а]
чалахъ, основатели партіи поставили себѣ задачу составить свою пр[о]
грамму такъ, чтобы партія могла существовать открыто и не отпуг[и]

вала бы отъ себя широкихъ массъ трудового народа. Этимъ они надѣялись «заполнить пробѣлъ», образовавшійся между тайными соціалистическими партіями и народомъ.

Для достиженія поставленной задачи они стирали острые углы программы партіи соц.-революціонеровъ, выкидывали изъ нея «жупелы», непереносные для власти и отпугивавшіе массы, и кое-что немного смягчали; сердцевина же программы, ея идейное основаніе остается не измѣненнымъ.

Такъ, изъ программы былъ выкинутъ путь вооруженной борьбы и вопросъ о тактикѣ оставленъ открытымъ: «диктатура класса» замѣнена «силой и волей всего народа».

«Демократическая республика» замѣнена «всей полнотой законодательной власти» «народнаго представительства».

«Соціализація земли съ уравнительнымъ пользованіемъ» замѣнена «національзаціей земли».

Какова же идейная подкладка программы? Какія цѣли преслѣдуютъ партіи?

Мы читаемъ въ программѣ: «Для насъ нѣтъ ничего выше и дороже человѣческой личности». «Въ ея всестороннемъ и безконечномъ гармоническомъ развитіи» «мы видѣли сущность историческаго процесса». Поэтому «созданіе строя, обезпечивающаго личности возможность полной и свободной жизни» и является конечной цѣлью партіи. «Права личности могутъ быть обезпечены только при всеобщемъ трудѣ», поэтому партія ставитъ себѣ задачей защиту трудящихся классовъ и становится «трудовой». Поэтому интересы отдѣльныхъ классовъ партія будетъ защищать лишь «по стольку, по скольку они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ трудящихся» (Программа трудовой народно-соціалистической партіи. О народно-соціалистической партіи. В.Мякотинъ: Народно-соціал. обозрѣніе. Вып. 1-ый 1906 года).

Изъ сказаннаго ясно, что идеологія новой партіи въ основѣ осталась прежней идеологіей партіи с.-р. Измѣнилась только тактика.

Новая жизнь революціоннаго періода выдвинула на сцену новыя организаціи съ соціалистическимъ направленіемъ. Къ нимъ относятся профессіонально-политическіе Союзы. Крупную роль среди нихъ играли «Всероссійскій Крестьянскій Союзъ» и «Совѣты рабочихъ депутатовъ». Эти явленія, по нашему мнѣнію, представляютъ собою зачатки проявленія въ извѣстномъ смыслѣ соціально-политическаго творчества трудовыхъ массъ.

Капитализмъ произвелъ, какъ мы говорили, огромный перево-

ротъ въ деревнѣ, пробудилъ отъ сна «дремучій лѣсъ». 100-милліонное крестьянство пришло въ небывалое со времени Пугачева движеніе.

Сознательнымъ выразителемъ этого движенія былъ «Всероссійскій Крестьянскій Союзъ». «Платформа» союза, выработанная при сознательномъ участіи представителей крестьянской мысли, сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему:

Учредительное Собраніе. Народное представительство на основаніи четырехчленной формулы, облеченное законодательной властью. Политическая и религіозная свобода.

Всеобщее обязательное народное обученіе на государственный счетъ. Необязательное преподаваніе Закона Божія, а только по желанію родителей. Широкое мѣстное самоуправленіе на основаніи четырехчленной формулы. Отмѣна частной собственности на землю. Отобраніе частновладѣльческихъ земель частью съ вознагражденіемъ, частью безъ вознагражденія. Переходъ земли въ общую собственность всего народа съ тѣмъ, что пользоваться ею будутъ только тѣ, кто будетъ обрабатывать ее силами своей семьи безъ наемнаго труда. Подробная разработка вопроса о земельномъ устройствѣ должна производиться на мѣстахъ.

Крестьянскій союзъ не смогъ ввести движеніе въ политическое русло. Вслѣдствіе слабаго политическаго сознанія движеніе крестьянъ приняло неорганизованный стихійный характеръ. Крестьяне принялись «выкуривать» помѣщиковъ изъ «дворянскихъ гнѣздъ». Дѣло кончилось въ деревнѣ тѣмъ же, чѣмъ и въ городѣ. Всесокрушающая сила реакціи отсрочила свое паденіе еще на цѣлые 10 лѣтъ.

Этимъ мы и закончимъ свой историческій обзоръ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

1906—1917 гг.

Съ тѣхъ поръ, какъ была написана послѣдняя строка нашего очерка, послѣ перваго акта русской революціи 1905 года и до нашихъ дней—дней военной печали и революціонной радости, протекло 10 мучительныхъ для Россіи лѣтъ. Это десятилѣтіе въ своемъ цѣломъ не стало еще достояніемъ исторіи. Историческая наука не подвела итоговъ этой эпохѣ. Поэтому мы не имѣемъ возможности сдѣлать обзоръ этого періода хотя бы въ такомъ же скромномъ масштабѣ, какимъ мы руководствовались при составленіи предшествующаго нашего обзора. Мы рѣшаемся сдѣлать только бѣглый набросокъ впечатлѣній современника отъ пережитого. Для того, чтобы установить, какая судьба постигла нашу революціонно-соціалистическую мысль со времени бурнаго періода революціи 1905 г., мы, согласно принятому нами порядку, обратимся сначала къ жизни фактовъ за этотъ періодъ, которые такъ или иначе отразились на жизни идей. Мы не въ силахъ были бы уложить въ рамки нашего краткаго наброска колоссальную массу пережитого Россіей за истекшее десятилѣтіе, да и нѣтъ въ томъ нужды.

Вѣдь задача наша сводится не къ исторіи общественныхъ отношеній, а исключительно къ исторіи соціалистической мысли, и факты жизни нужны намъ только для установленія связи между главнѣйшими этапами этой мысли.

Наша задача облегчается еще тѣмъ, что въ противоположность прежнимъ десятилѣтіямъ всѣ крупные факты, отразившіеся на судьбахъ русской мысли, переживались всей Россіей и вся Россія въ большей или меньшей степени отдавала себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ въ нашемъ отечествѣ. Поэтому мы ограничимся только напоминаніемъ важнѣйшихъ моментовъ.

Неудачная японская война разбудила поголовно всю Россію. Взрывъ негодованія противъ самодержавнаго правительства объединилъ всѣ слои населенія.

Волны забастовочнаго движенія и аграрныхъ безпорядковъ, начавшіяся еще до войны, стали вздыматься все выше да выше. Въ арміи и флотѣ то тамъ, то здѣсь стали вспыхивать революціонные взрывы. Всѣ слои такъ называемаго «культурнаго общества» почувствовали подъ собою колебаніе почвы, пришли тоже въ движеніе и были захвачены однимъ порывомъ: «долой самодержавіе!». Одно время казалось, что надвигающійся девятый валъ смоетъ самодержавіе, вмѣстѣ съ нимъ подметъ и надѣлаетъ много непоправимыхъ изъяновъ въ экономической базѣ «этого колосса на глиняныхъ ногахъ» — въ «священной собственности» земельныхъ магнатовъ и хищническаго русскаго капитализма.

Тронъ самодержавія качался, но... давъ огромную трещину, остался въ назиданіе потомству еще на 12 лѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ окрѣпли и его атрибуты: помѣщичье землевладѣніе и хищническій капитализмъ.

Дѣло въ томъ, что когда началось генеральное общее наступленіе на самодержавіе, а вмѣстѣ съ нимъ началась и переоцѣнка всѣхъ цѣнностей стараго режима: земельныхъ отношеній, положенія фабричнаго труда и проч., въ этотъ моментъ названные классы общества, почуявъ красный призракъ, ухватились за свои кошельки и повернулись спиной къ движенію. Главная часть изъ нихъ перекинулась на сторону самодержавія, меньшая часть удовлетворилась Думой и обѣщаніями 17 октября... Рабочіе, крестьяне и революц. интеллигенція остались отколотыми отъ буржуазныхъ слоевъ. Революціонная интеллигенція, сильная въ былое время своимъ идейнымъ вліяніемъ, оказалась не въ состояніи руководить возстаніемъ.

Крестьянство возстало «за землю», связь же земли съ «волей» оно въ цѣломъ себѣ не уяснило. Только сознательная часть деревни присоединилась къ лозунгу «долой самодержавіе», объединившему широкіе слои городского населенія. Масса же крестьянства въ большинствѣ случаевъ оставалась равнодушной къ политикѣ, а мѣстами подъ вліяніемъ черносотенной агитаціи встрѣчало лозунгъ «долой самодержавіе» враждебно.

Съ другой стороны и рабочія и крестьянскія массы при слабомъ соціально-политическомъ сознаніи, при неорганизованности, безъ всякаго вліятельнаго руководства, отдались стихійнымъ влеченіямъ, своему бунтующему духу.

Разрозненная интеллигентская молодежь, фанатически возбужденная призывами «къ вооруженному возстанію», не безъ дѣятельнаго участія правительственныхъ провокаторовъ, вовлекала стихійно настроенныя народныя массы въ вооруженное возстаніе. И вотъ народныя массы почти съ голыми руками, съ револьверами и маузерами, купленными на гроши, собранные на митингахъ въ шапки «на вооруженное возстаніе», съ дѣтской наивностью бросились на баррикады въ открытый бой съ разсвирѣпѣвшимъ самодержавнымъ звѣремъ, вооруженнымъ до зубовъ покорными безсознательными войсками.

Вооруженное возстаніе и аграрные безпорядки развязали руки правительству. Началась звѣрская расправа надъ возставшимъ народомъ подъ видомъ «успокоенія». Военно-полевые разстрѣлы, карательныя экспедиціи подъ предводительствомъ Миновъ, Римановъ, Ренненкамфовъ, переполненіе тюремъ, ссылки, изгнанія за границу, выгонъ со службы и т. д. и т. д.

Правительство при содѣйствіи реакціоннаго дворянства и буржуазіи стало безумно, безотчетно метаться, какъ раненый звѣрь. Министромъ вн. дѣлъ Дурново былъ изданъ приказъ «истреблять силою оружія бунтовщиковъ и сжигать ихъ жилища... Аресты теперь не достигаютъ цѣли, судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска прониклись вышеизложенными указаніями». «Арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно», распорядился Минъ. Омскій генералъ-губернаторъ Сухотинъ отдалъ приказъ: «необходимо раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не оставалось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ» и т. д. и т. д. Такъ продолжалось вплоть до видимаго «успокоенія».

Подавивъ возстаніе и приступивъ къ собранію Госуд. Думы, правительство принялось дальше искоренять крамолу, а реформы, провозглашенныя манифестомъ 17 октября, отложило до «успокоенія». Оно поручаетъ опорѣ своего престола—«объединенному дворянству» организацію «черной сотни», «союза истинно русскихъ людей», въ тесное единеніе съ коими входитъ самъ самодержецъ. Дворянство становится во главѣ контръ-революціоннаго движенія. Фабриканты ему содѣйствуютъ. Открывается кампанія погромовъ. Вновь реорганизуется система шпіонства и провокаторства. Провокаторовъ внѣдряютъ во всѣ организаціи, во всѣ учрежденія, за которыми надо слѣдить. Отсюда не исключается и Гос. Дума.

Вся страна отдается въ полновластное распоряженіе царскихъ

сатраповъ. Продолжаются чрезвычайныя и усиленныя охраны. Разгоня-ются 1-ая и 2-ая Гос. Думы. Разъясняются и по произволу царя, без одобренія Думы, отмѣняются избирательные законы съ замѣною ихъ новыми, болѣе выгодными для подбора послушной правительству Думы. Но и таковую каждый разъ, когда она не угождала власти, выгоняютъ вонъ изъ Таврическаго Дворца. Печатное слово душат каторжными законами о печати. Неблагонадежную интеллигенцію рас-пыляютъ и истребляютъ. Прежніе зачатки объединенія рабочихъ и крестьянъ—совѣты рабочихъ депутатовъ, крестьянскій союзъ искоре-няютъ. Новыхъ профессіональныхъ союзовъ не разрѣшаютъ, старые закрываютъ. Всѣми мѣрами тормозятъ кооперативное движеніе. Запре-щаютъ мелкимъ кооперативамъ соединиться въ крупныя объединенія. Кооперативнымъ съѣздамъ ставятъ всяческія препятствія. Крестьян держатъ подъ властью земскихъ начальниковъ, несмотря на учрежде-ніе мѣстныхъ судовъ, которыхъ не вводятъ. Для полнаго разъеди-ненія крестьянства, съ цѣлью его политическаго обезвреживанія министромъ Столыпинымъ дѣлается послѣдняя ставка: «*ставка н сильнаго*», какъ онъ объяснилъ въ своей рѣчи Государственной Думѣ

Мы говоримъ о знаменитомъ указѣ 9 ноября 1906 г., сдѣланном въ 1910 году, при помощи третьеіюньской Думы, закономъ, назван-нымъ Николаемъ II «историческимъ».

Законъ этотъ лишилъ крестьянскія общества права распоря-жаться своей землей и каждому крестьянину предоставилъ прав безъ согласія общества, при помощи власти земскаго начальника, вы-дѣлять себѣ надѣлъ къ одному мѣсту въ вѣчную личную собственность Домохозяинъ-собственникъ по личному произволу, безъ согласія даже своей семьи, можетъ распорядиться землей, какъ ему вздумается продать, заложить.

Мы долго бы не кончили перечень «успокоительныхъ реформъ Николая II-го, если бы стали дальше ихъ перечислять, ибо онѣ про-должались вплоть до послѣдняго разгона Думы 27 февраля 1917 г и паденія самаго самодержавія.

Расправившись съ народомъ со всею полнотой власти, центрально правительство распространяетъ эту власть на своихъ провинціаль-ныхъ клевретовъ, само же исключительное вниманіе сосредото-чиваетъ на самоохранѣ. Вотъ тутъ-то оно и зарвалось. Охраня свое самовластіе, оно само вырыло себѣ могилу. Несмотря на желѣзное кольцо, которымъ оно душило весь народъ з исключеніемъ преданной ему клики реакціонеровъ, т. е. сторонниковъ

-озврата къ старому порядку, народъ, весь народъ за истекшее десяти-
-лѣтіе глубоко измѣнился.

Первое революціонное наступленіе 1905 года окончилось разгро-
-момъ, но оно оставило въ широкихъ массахъ народа глубокіе слѣды.
-Этотъ періодъ является по существу временемъ массовой ре-
-волюціонной агитаціи и пропаганды переворота какъ политическаго,
-такъ и соціальнаго, т.-е. измѣненія имущественныхъ отношеній: зе-
-мельныхъ и промышленныхъ. Уже вскорѣ послѣ подавленія возстанія
-автору не разъ приходилось слышать отъ тѣхъ крестьянъ, которые
-выступали во время революціи врагами забастовщиковъ, извиненія
-въ томъ, что они были нашими противниками «по недоумѣнію», зато
-теперь они изъ «монархистовъ» превратились чуть не въ «анархистовъ».
-Это было тогда. А за 10 лѣтъ деревня успѣла разобраться, кто ея другъ
-и врагъ.

Можно было смѣло говорить, что въ сознаніи крестьянства въ
-цѣломъ совершилась революція. Оно серьезно ждало окончанія войны
-для фактической революціи. Что касается земельныхъ отношеній, то
-нельзя не признать, что знаменитая «историческая» реформа Николая
-II много тутъ напортила и протолкнула медленно нароставшій про-
-цессъ измѣненія земельныхъ отношеній. Однако новая земельная по-
-литика далеко не достигла того, о чемъ мечтали Столыпинъ и Нико-
-лай II. Выдѣлы на хутора и отруба, а больше того черезполосное
-закрѣпленіе надѣловъ, благодаря усиленнымъ стараніямъ землеустрои-
-телей, получили широкое примѣненіе. Но на сознаніи крестьянъ,
-на ихъ отношеніи къ земельному вопросу этотъ переворотъ слабо
-отразился. Крестьяне отлично понимали, что землеустройство затѣяно
-царемъ для того, чтобы изъ сильныхъ крестьянъ «сдѣлать новыхъ
-помѣщиковъ, новую опору престола».

«Бѣднота», говорили они, «пойдетъ въ рабство къ богатому. Вотъ
-тогда-то и начнется рѣзня и междоусобицы»... «Вредный законъ за-
-ставляетъ крестьянъ итти противъ мірской земли, итти противъ дѣтей
-и внуковъ», оправдывались крестьяне.

«Не раздѣли мы сами мірскую землю въ вѣчность, все равно
-богачи отхватятъ себѣ лучшую часть земли, а намъ останутся одни
-болота. Такъ уже лучше же оставить дѣтямъ хоть клочокъ земли,
-какой выпадетъ по жребію, а не какой оставятъ кулаки»... Вотъ тотъ
-широко распространенный взглядъ крестьянъ, который наблюдался
-во многихъ полосахъ земледѣльческой Россіи, при проведеніи въ
-жизнь землеустроительнаго закона. Но надо отдать справедливость.

Законъ этотъ, внеся путаницу въ земельныя отношенія, имѣлъ и хорошія послѣдствія. Сидѣлъ крестьянинъ на мірской землѣ, какъ сидѣли многіе вѣка его дѣды и прадѣды, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Передѣляли мірскую землю, выдѣляли согласно закону богачамъ къ одному мѣсту ихъ надѣлы; вопроса же о томъ, нужно ли держать землю въ общемъ владѣніи или раздѣлить ее въ вѣчную собственность, передъ міромъ никогда не возникало. А тутъ вдругъ пріѣзжаетъ землеустроитель и ставитъ передъ крестьяниномъ ребромъ вопросъ объ общинѣ: надо было крестьянству мірскимъ умомъ, впервые въ жизни, установить отношеніе къ мірской землѣ.

Этотъ толчокъ къ сознательному отношенію крестьянства къ землѣ чего-нибудь да стоитъ. Съ этого момента пересмотръ вопроса объ общинѣ изъ области теоретической интеллигентской мысли, разсматривавшей его съ точки зрѣнія соціалистической вѣры—препятствуетъ или нѣтъ общинное владѣніе достиженію соціализма,—вдругъ съ небесъ свалился на землю въ самую крестьянскую гущу и сталъ разрѣшаться съ крестьянской точки зрѣнія. Ближайшее будущее намъ покажетъ, какъ крестьянскій мірской умъ, собранный со всей Руси, разрѣшитъ «тайну столькихъ поколѣній» объ обобществленіи земли.

«Историческая» затѣя Романова и Столыпина имѣла и другія послѣдствія, непредвидѣнныя ея творцами. Крестьянинъ, утратившій вѣру въ царя и разочарованный въ насильственномъ захватѣ помѣщичьихъ земель, долженъ былъ искать другихъ путей къ улучшенію своего положенія. Подчинившись по необходимости землеустроительной опекѣ, крестьянство на этомъ далеко не успокоилось. Землеустройство дало толчокъ крестьянству перейти къ агрономическимъ улучшеніямъ, а съ ними связана была необходимость кредита. Отсюда быстрый ростъ кредитныхъ товариществъ, потребительскихъ и закупочныхъ обществъ, молочныхъ товариществъ и т. д. Кооперативное движеніе въ крестьянствѣ было подготовлено всей его предшествовавшей жизнью: съ разстройствомъ общности и равненія по землѣ развилась новая форма общности во взаимопомощи, въ сотрудничествѣ. Всемірная война быстроту этого движенія удесятерила, и мы видимъ передъ собой крестьянство далеко не распыленное, а связанное тысячью разнообразныхъ нитей.

Трудовому крестьянству остается теперь подъ жаркимъ пламенемъ революціоннаго момента спаяться въ несокрушимый соціально-политическій сплавъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что деревня за истекшій періодъ не оставалась также чуждой и общему культурно-просвѣтительному движенію въ городахъ. Книга и газета стали ближе крестьянину, чѣмъ были прежде.

То же, что о крестьянинѣ въ смыслѣ переворота въ политическомъ сознаніи, приходится сказать и о мелкой буржуазіи, мѣщанахъ, приказчикахъ и ремесленникахъ.

Крупная буржуазія такъ же, какъ и интеллигенція, хорошо понимала, что за вредный наростъ сидитъ на спинѣ народа, но держалась царскаго самодержавія, пока это было ей выгодно.

Обращаясь къ промышленнымъ рабочимъ, объ ихъ политическомъ ростѣ и говорить не приходится. Ненависть къ самодержавію еще болѣе укрѣпилась въ сознательной части рабочихъ и разлилась по широкимъ слоямъ рабочаго класса. Правда, рабочіе политически были распылены при помощи освѣдомительнаго аппарата, доведеннаго до совершенства. Правда, всякое начинаніе среди рабочихъ, представляющее тѣнь опасности, съ корнемъ вырывалось. Но... «природу гонятъ въ дверь, она летитъ въ окно». Несмотря на всяческія стѣсненія объединительнаго движенія—закрытіе профессіональныхъ союзовъ и многихъ просвѣтительныхъ обществъ и т. д., жгучая потребность къ объединенію отлилась въ кооперативы, больничныя кассы, культурно-просвѣтительныя общенародныя объединенія (Народные Дома, библіотеки и т. п.). Кооперативное движеніе среди рабочихъ мелкаго городского населенія необыкновенно усилилось, и сейчасъ мы наблюдаемъ гигантскіе шаги въ этой области. Итакъ, отсутствіе распыленности и нѣкоторую подготовленность къ творчеству новой жизни, какъ это отмѣчено у крестьянства, мы наблюдаемъ здѣсь еще въ большей степени.

Что касается интеллигенціи, то признаемся, мы крайне затрудняемся въ короткихъ словахъ сказать о десятилѣтнемъ прошломъ такого сложнаго явленія, какъ русская интеллигенція. Но изъ перечня фактовъ за 10-лѣтіе исключить ее никакъ нельзя, поэтому мы должны это сдѣлать въ предѣлахъ крайней необходимости. Передовые отряды интеллигенціи, въ первое наступленіе русской революціи, были настолько обезкровлены, что это сказывается и по сей день. Уныніе, какая-то безнадежность, утрата вѣры въ близость освобожденія, иногда полное разочарованіе во всемъ, во что раньше вѣрилось. Идеи отдѣлились отъ дѣла, отъ поступковъ. Программы повисли въ воздухѣ вмѣстѣ съ ихъ максимумами и минимумами, въ жизни

пришлось руководиться инымъ. Желѣзное кольцо, душившее Россію кажется, никого не душило такъ убійственно, какъ этотъ слой народа

После подавленія возстанія изъ оставшейся на свободѣ интеллигенціи та часть ея, которая бойкотировала Думу, еще трепыхалась среди рабочихъ, но вскорѣ же была изъята изъ обращенія. Другая часть дѣлала усилія оказать поддержку близкому ей крылу Госуд. Думы путемъ установленія связи между депутатами и населеніемъ, но и тутъ вынуждена была отступить. Освѣдомительный аппаратъ быстро «истреблялъ» всякія попытки политическаго противодѣйствія разгулу разсвирѣпѣвшей власти. Всякая попытка войти въ соприкосновеніе съ рабочими или крестьянами быстро предупреждалась изъятіемъ изъ обращенія. Политическія партіи и другія объединенія, не исключая и мирныхъ партій включительно до партіи «конституціонно-демократической» (к.-д.), были распылены; даже кадеты должны были дѣйствовать въ подпольѣ, ибо были признаны также запрещенной партіей. Оставалось уйти въ свою раковину и заняться «своимъ дѣломъ», своимъ профессіональнымъ трудомъ и въ немъ искать удовлетворенія общественнымъ чувствамъ и общественныя стремленія заглушить или совсѣмъ надъ ними поставить «крестъ». Оно такъ и было. Люди со всей добросовѣстностью ушли въ свой профессіональный трудъ. Другіе, не удовлетворяющіеся однимъ профессіональнымъ трудомъ, съ головой ушли въ культурно-просвѣтительную и организаціонно-подготовительную работу (кооперативы, библіотеки, Нар. Дома и т. п.). Третьи поспѣшно принялись сжигать то, чему недавно поклонялись, и поклоняться тому, что сжигали. Бывшіе соціалъ-демократы Струве, Булгаковы, Бердяевы и проч. и проч. отреклись отъ интеллигенціи и ударились въ религіозную проповѣдь. Что касается рядовой интеллигенціи, то она совершенно слилась съ обывательщиной и отличалась отъ нея развѣ только тѣмъ, что не ходила въ церковь и не принимала поповъ. Съ объявленіемъ великой войны вся интеллигенція со всѣми ея общественными, организаціонными и трудовыми навыками быстро мобилизовалась, приняла живое руководящее участіе въ организаціяхъ, вызванныхъ моментомъ, разныхъ комитетовъ, союзовъ и т. п. Сплотившись безъ различія положеній и партій въ эти новыя объединенія, интеллигенція дала готовыя организованныя силы для воспріятія свободы. Что касается той части интеллигенціи, которая выступила въ Гос. Думѣ въ качествѣ народныхъ представителей, то объ ней мы скажемъ ниже. Что произошло съ арміей и флотомъ со времени подавленія возстанія? Объ этой части

арода приходится сказать то же, что мы говорили о предыдущихъ руппахъ населенія—ибо она явилась плотью отъ плоти и костью отъ ости этого народа. Прежніе участники карательныхъ экспедицій разстрѣловъ забастовщиковъ переродились. Стоитъ только напомить разстрѣлы въ Петербургѣ безоружныхъ гапоновцевъ съ иконами хоругвями... стоитъ сопоставить гвардейцевъ-Семеновцевъ, усмирявшихъ Москву въ декабрѣ 1905 г. подъ руководствомъ генерала Дубасова, и гвардейцевъ-Семеновцевъ, Волынцевъ и Преображенцевъ, вившихся первыми революціонными войсками въ февралѣ 1917 г. Крестьяне и рабочіе были увѣрены въ томъ, что, какъ только окопится война, ихъ сѣрые дѣти и братья возвратятся съ оружіемъ ъ рукахъ освобождать родину отъ внутренняго врага... Солдаты, вившіеся съ фронта, разсказывали, что они выбирали себѣ оружіе, которымъ нужно запастись при возвращеніи на родину... Намъ ечего болѣе распространяться объ арміи и флотѣ. Фактъ налицо. Нужно только удивляться слѣпотѣ старой власти, которая мѣрами амой возмутительной нѣмецкой муштры (грубымъ обращеніемъ, орками и зуботычинами) надѣялась создать вѣрноподданную себѣ оенную силу. Перейдемъ теперь къ послѣднему врагу старой власти—ъ Гос. Думѣ.

Гос. Дума была единственной отдушиной, благодаря которой оссія окончательно не задохлась въ объятіяхъ русскаго самовластія задушенная не попала въ руки какъ трофей побѣды другу Николая II, германскому императору. Истекшее десятилѣтіе, по справедливости, слѣдуетъ считать вторымъ періодомъ великой русской революціи—думскимъ періодомъ. Дума «народнаго гнѣва» 1-го призыва объявила царю требованіе «отвѣтственнаго министерства». Съ тѣхъ поръ она вступила въ поединокъ съ самовластной бюрократіей, которая опиралась на спины объединеннаго дворянства и поддерживалась крупной лутократіей. Народнымъ представителямъ лѣваго крыла всѣхъ 4-хъ призывовъ Думы выпала историческая роль—держать въ продолженіе 10 лѣтъ на глазахъ всего міра у позорнаго столба дворянскаго царя со всей шайкой его приспѣшниковъ и наемныхъ слугъ. Мы не знаемъ, долго ли еще продолжалась бы эта борьба за обузданіе самовластія, если бы не великая война. Пламень войны съ полной яркостью освѣтилъ для всѣхъ тотъ ужасъ положенія, въ которомъ находилась Россія подъ властью династіи Романовыхъ.

Дума съ своей стороны всемѣрно поддерживала почти инстинктивно вспыхнувшее въ населеніи стремленіе организоваться во всякаго

рода союзы и комитеты для того, чтобы сколько-нибудь исправи
полную разруху государственнаго хозяйства, до которой довела Ро
сію старая власть. Не оказывалось оружія, снарядовъ, амуниці
угля, хлѣба, паровозовъ, вагоновъ и т. д. и т. д. Въ довершеніе все
позора явная измѣна въ самыхъ верхахъ правительства, казнокрадств
гнусная «распутиніада». Это отвратительное зрѣлище переполни
чашу терпѣнія и вызвало всеобщій стыдъ. Дума, послѣ цѣлаго ря
униженій передъ властью, вновь подымаетъ гнѣвный голосъ за «м
нистерство, довѣріемъ народа облеченное».

Весь народъ, буквально весь объединенный въ союзы, комитеты
т. п., не исключая дворянскаго съѣзда, присоединился къ воплю Дум
Власть очутилась изолированной, отъ нея отвернулась вся Росс
Довольно было легкаго дуновенія революціоннаго вѣтра, ка
свершился 3-ій актъ великой русской революціи. Самодержавна
пирамида, насквозь прогнившая, разсыпалась безъ остатка.

Этимъ мы закончимъ перечень главнѣйшихъ событій за истекш
десятилѣтіе, которыя несомнѣнно должны отразиться на дальнѣ
шемъ развитіи русской соціалистической мысли.

II.

Движеніе революціонно-соціалистической мысли шло обрат
пропорціонально движенію жизни. Насколько колоссальный сдви
сдѣлала жизнь за обозрѣваемой періодъ, настолько же слабо продви
нулась общественная мысль.

Какъ мы уже говорили, революціонная интеллигенція попала в
мертвую петлю. Огромная часть ея была или совсѣмъ «истреблена
или обезврежена каторгой, тюрьмой и ссылкой. Значительная час
принуждена была уѣхать за границу. Оставшіеся на свободѣ разс
пались по проселочнымъ дорогамъ.

Революціонно-соціалистическая мысль вновь замурована в
душномъ подпольѣ безъ доступа свѣжаго воздуха практической борьбы
Всегдашняя цитадель соціалистическихъ идей—политическая эмигр
ція, разбросанная по за-границѣ, была настолько отрѣзана отъ от
чества, что не могла поддерживать, путемъ «запрещенной печати»
съѣздовъ, связь съ россійской интеллигенціей и вынуждена бы
вариться въ собственномъ соку.

Такъ же точно и въ Россіи теоретическая мысль, не претворяема
въ практическую жизнь, вяла, цѣпенѣла въ своей неподвижност

Поэтому какого-либо новаго этапа въ движеніи мысли отмѣтить не приходится. Какъ разбрелись партіи по проселечнымъ дорогамъ, такъ и бродили все это десятилѣтіе.

Партійные дѣятели заявляли, что программы партій остались тѣ же, измѣнилась одна тактика. Да и что въ нихъ измѣнять, ни одно программное требованіе не было осуществлено... говорили они.

Разногласія по основнымъ вопросамъ программы и тактики между народническимъ направленіемъ и соціалъ-демократическимъ въ общемъ оставались тѣ же. Террористическая практика соціалистовъ-революціонеровъ заглохла, но не была отмѣнена*). Внутри соціалъ-демократической партіи расколъ между большевиками и меньшевиками продолжаетъ обостряться. Разногласія происходили попрежнему на почвѣ организаціонныхъ и тактическихъ вопросовъ. Большевики уличали меньшевиковъ въ ликвидаторствѣ, въ отказѣ отъ наслѣдства интернаціонала. Меньшевики упрекали большевиковъ въ максимализмѣ, т.-е. въ стремленіи путемъ захвата власти перешагнуть черезъ буржуазный періодъ развитія прямо къ исполненію соціалистической программы, въ анархическихъ пріемахъ тактики и т. п.

Отношеніе къ крупнѣйшимъ явленіямъ въ политической и экономической жизни страны стояло въ зависимости отъ основныхъ взглядовъ соціалистическихъ направленій.

---

*) Послѣ того, какъ книга была сдана въ печать, состоялся 3-ій съѣздъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ (май—іюнь 1917 года). На съѣздѣ выявился крупный сдвигъ партіи въ направленіи ея самоопредѣленія. Здѣсь, къ сожалѣнію, не приходится излагать того, что сдѣлано съѣздомъ въ этомъ направленіи, но нельзя не отмѣтить крупнѣйшей важности факта, благодаря которому партія представляется въ иномъ освѣщеніи сравнительно съ ея недавнимъ прошлымъ. Читатель помнитъ, что при изложеніи теоретическихъ основаній программы партіи мы отмѣтили отношеніе ея къ теоріи классовой борьбы. Начавъ свою боевую дѣятельность силами, главнымъ образомъ, революціонной интеллигенціи, партія въ періодъ революціи 1905 г. въ борьбѣ за интересы труда практически уже опиралась на революціонное движеніе трудовыхъ слоевъ народа (трудового крестьянства, рабочихъ и трудовой интеллигенціи). Теоретически же, какъ это нами установлено, держалась еще традицій партіи «Народной Воли». Въ настоящее же время слѣдуетъ констатировать, что на съѣздѣ красной нитью прошла «классовая точка зрѣнія» и оцѣнка тактики «съ точки зрѣнія классовой борьбы», понимаемой въ широкомъ *народническомъ* смыслѣ слова, согласно старой, временно забытой, народнической формулѣ: «все для народа, все посредствомъ самого народа».

Авторъ.

Относясь отрицательно къ дворянско-буржуазной Государствен ной Думѣ, какъ къ законодательному учрежденію, неспособному соз давать законы въ интересахъ демократіи, соціалистическія фракці Думы ставили себѣ задачей вскрывать дворянско-буржуазный, на правленный въ интересахъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ ха рактеръ вырабатываемыхъ законовъ и этимъ взрывать Думу извнутри Въ то же время соціалистическія фракціи пользовались трибуной для безпощаднаго обличенія преступленій власти и для пропаганды своихъ требованій. Отношеніе къ землеустроительной кампані правительства и Думы, какъ и слѣдовало ожидать, было различно въ лагерѣ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ народническаго тече нія. Первые смотрѣли на уничтоженіе общинныхъ правъ на землю какъ на положительную мѣру, отвѣчающую неизбѣжному ходу эконо мическаго развитія, способствующую скорѣйшему раскрѣпощенію крестьянъ, ускоренію процесса разслоенія крестьянства на батра ковъ и земельныхъ собственниковъ. Съ ортодоксально соціалъ-демо кратической точки зрѣнія, окончательное разрушеніе общины—этой палки въ колесѣ исторіи, послужитъ толчкомъ къ скопленію въ однѣхъ рукахъ земельной собственности, развитію капиталистическаго зе мельнаго хозяйства и увеличенію пролетарской арміи соціализма, ибо другого пути къ соціализму въ земледѣліи соціалъ-демократія попрежнему не признавала. Поэтому литературные представители соціалъ-демократіи какъ Лосицкій и Чернышевъ, относясь неодобри тельно къ способу проведенія столыпинскаго указа 9 ноября и закона 14 іюня, существо закона и его «благотворные» результаты привѣт ствовали. Думская соціалъ-демократическая фракція, хотя и отвергла проектъ земельной комиссіи, но «принципіально признавала выходъ изъ общины съ землей и даже безъ согласія общества экономически цѣлесообразнымъ и политически необходимымъ» (Н. Сухановъ: «Наши направленія, марксизмъ и народничество»). Членъ 3-й Государствен ной Думы, лидеръ соціалъ-демократической партіи Гегечкори заявилъ въ своей рѣчи: «раскрѣпощеніе деревни невозможно безъ демократиче скихъ реформъ, но ни одна демократическая реформа не сможетъ пройти безъ свободнаго выхода изъ общины» (Н. Сухановъ: «Наши направленія»). Что касается соціалистовъ народническаго толка, то землеустроительная кампанія встрѣтила въ этомъ лагерѣ заслу женную отрицательную оцѣнку. Здѣсь, если и можно что отмѣ тить, такъ это нѣкоторыя колебанія въ защитѣ общины отъ на сильственнаго ея разрушенія тогда, когда земельный законъ вошелъ

въ свою силу и общинное владѣніе затрещало. Тогда первоначальныя исканія средствъ сопротивленія стали замѣняться какъ бы примиреніемъ съ фактомъ и исканіемъ положительнаго на развалинахъ общины (Огановскій, Б. Черненковъ и др.).

Отношеніе къ войнѣ... Война является самымъ жгучимъ вопросомъ нашихъ дней. Поэтому, отмѣчая отношеніе соціалистическихъ партій къ войнѣ, намъ приходится выйти за предѣлы нашей задачи историческаго обозрѣнія и коснуться въ немногихъ словахъ современности. Вопросъ о войнѣ окончательно обострилъ расколъ въ соціалъ-демократическомъ лагерѣ.

Дѣло въ томъ, что соціалисты всѣхъ воюющихъ странъ по отношенію къ войнѣ раскололись на большинство, «пріемлющее» войну, какъ необходимое зло, для защиты интересовъ своего отечества, и меньшинство «противооборонцевъ» (пораженцевъ), отвергающихъ войну, какъ дѣло буржуазіи. Въ 1915 году въ Циммервальдѣ и тѣмъ въ Кіенталѣ собрались представители противооборонцевъ, составляющихъ меньшинство соціалистовъ въ каждой странѣ (представителей англійскихъ соціалистовъ не было), и тамъ постановили «приступить къ борьбѣ за миръ» и начать «непримиримую классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей» всѣхъ странъ за соціализмъ. Русскіе большевики во главѣ съ Н. Ленинымъ во исполненіе этого рѣшенія повели неутомимую, безудержную агитацію въ пользу «войны противъ войны» и за непримиримую классовую борьбу русскихъ рабочихъ, крестьянъ и батраковъ съ капиталистами и землевладѣльцами. Опираясь на однѣ голыя формулы соціалистическаго символа вѣры— манифеста Маркса и Энгельса семидесятилѣтней давности, не считаясь съ условіями времени и пространства, русскіе большевики на митингахъ, въ своихъ газетахъ «Правдѣ», «Соціалъ-Демократѣ» и др., съ фанатизмомъ вѣрующихъ первыхъ временъ христіанства проповѣдуютъ борьбу за лозунги интернаціонала. Втискивая живую, вѣчно измѣняющуюся дѣйствительность въ формулы, выработанныя почти три четверти вѣка назадъ при совершенно иной политической обстановкѣ, они по этимъ формуламъ рѣшаютъ мучительнѣйшіе и самые сложные вопросы жизни о скорѣйшемъ прекращеніи кровавой бойни, о перестройкѣ государства и всѣхъ общественныхъ отношеній самымъ упрощеннымъ способомъ и съ непререкаемой категоричностью. Пролетаріямъ всего міра, утверждаютъ они, нѣтъ дѣла до національныхъ границъ; онѣ нужны для имперіалистическаго капитализма, для господства надъ міромъ, для эксплуа-

таціи и угнетенія. Отсюда «война не наша», «долой войну». Всеобщаго мира не можетъ установить буржуазія, отсюда «долой буржуазію», «долой буржуазное правительство». Прочный миръ между народами заключитъ только рабочій интернаціоналъ, отсюда — да здравствуетъ «братанье черезъ границы, черезъ дымящіяся поля битвъ, черезъ разрушенные города и деревни» (Конференція въ Циммервальдѣ). Отъ войны наживаются капиталисты, она только имъ выгодна, поэтому для прекращенія войны, по ихъ мнѣнію, необходимо отказаться отъ «межклассоваго перемирія», объявить «непримиримую классовую борьбу» рабочихъ съ капиталистами, крестьянъ съ землевладѣльцами и «самовольный захватъ земель», борьбу непрерывную вплоть до осуществленія соціализма. Буржуазное правительство ведетъ, какъ имъ представляется, имперіалистическую политику, отсюда лозунги: «долой временное правительство», «да здравствуетъ диктатура пролетаріата» въ лицѣ Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и батрацкихъ депутатовъ. Временное правительство буржуазно, а стало быть и контръ-революціонно, отсюда вступленіе въ составъ правительства соціалистовъ окажетъ поддержку контръ-революціи, поэтому коалиціонное правительство не допустимо. Соціалистическія партіи, не раздѣляющія взглядовъ большевиковъ, по мнѣнію послѣднихъ, антиреволюціонные, мелкобуржуазные «соціалъ-патріоты», «соціалъ-шовинисты», включая сюда и меньшевиковъ соціалъ-демократовъ.

Мы остановились на большевикахъ только потому, что это міровоззрѣніе считаемъ вполнѣ законченнымъ, дальше ему итти некуда. Настоящее состояніе мысли большевизма опредѣленно намѣтилось еще въ революцію 1905 года.

Въ главѣ XVIII при изложеніи раскола соціалъ-демократовъ мы видѣли, что большевики во главѣ съ Н. Ленинымъ тогда уже стали на непримиримую крайнюю позицію по всѣмъ вопросамъ организаціи и тактики.

Въ то время, когда революціонная волна падала, большевики мечтали о вооруженномъ возстаніи, объ организаціи боевыхъ дружинъ, о вооруженіи народа, о диктатурѣ пролетаріата и т. д.

А если мы вернемся къ давно изжитому періоду русскаго соціализма, къ временамъ Бакунинскаго анархизма, то и тамъ найдемъ чрезвычайно много сходныхъ чертъ съ современнымъ большевизмомъ. Разница только въ томъ, что бунтари—бакунисты призывали къ соціалистической революціи, опираясь на «народный

коммунизмъ», но не считались съ состояніемъ промышленности, бунтари—соціалъ-демократы призываютъ къ той же революціи, совершенно отрицая «народный коммунизмъ» и опираясь исключительно на состояніе промышленности. Отказавшись отъ недавней проповѣди Н. Ленина о «тріумфальномъ шествіи капитализма», о развитіи капиталистической промышленности на другой день буржуазной революціи въ Россіи, большевики теперь полагаютъ, что капиталистическая фаза экономическаго развитія уже миновала и пробилъ часъ соціализма. Въ настоящій моментъ эта позиція привела ихъ къ полному обособленію отъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ теченій.

Рамки нашей работы не позволяютъ намъ излагать здѣсь отношеніе другихъ соціалистическихъ группъ къ вопросамъ дня. Да и нѣтъ въ этомъ необходимости, ибо взгляды ихъ на злободневные вопросы у всѣхъ на виду.

Заканчивая наше послѣсловіе, намъ хочется проникнуть сквозь завѣсу, отдѣляющую насъ отъ невѣдомаго грядущаго. Какой ближайшій этапъ соціалистической мысли намѣчается передъ нашими взорами?

Переходя къ этому жгуче неотступному вопросу, намъ приходится оставить позицію историка, которая обязывала насъ быть какъ можно объективнѣе, безпристрастнѣе. Для современника всякая попытка предвидѣнія неизбѣжно получитъ окраску его личныхъ вѣрованій, а вѣрованія подсказываются желаніями. Поэтому впередъ оговариваемся, что мы въ своихъ ожиданіяхъ, исходя изъ реальныхъ фактовъ, будемъ все же говорить о *возможномъ*, *вѣроятномъ*, но *гадательномъ*. Обратимся къ фактамъ. Въ историческомъ обзорѣ мы стремились прослѣдить, какую судьбу претерпѣла въ нашемъ отечествѣ идея о всеобщемъ счастіи. Рожденная въ XVIII вѣкѣ на западѣ въ нѣдрахъ феодальнаго общества, какъ идея свободы, равенства и братства, перевоплотившись въ условіяхъ буржуазнаго общества и въ противовѣсъ ему въ идею соціализма, идея свободнаго счастія постепенно вкоренялась въ русскую почву. Мы видѣли, черезъ какой строй препятствій она пролагала себѣ путь въ Россіи. Нищета, невѣжество и деспотизмъ—вотъ тѣ препятствія, сквозь которыя нужно было пробиваться этой идеѣ, прежде чѣмъ достигнуть народныхъ массъ.

Мы прослѣдили главные этапы, пройденные въ Россіи революціонно-соціалистической мыслью. Мы видѣли, какія превращенія

испытывала эта идея каждый разъ въ зависимости отъ той среды, черезъ которую ей приходилось преломляться. Въ началѣ XIX вѣка она встрѣтила у насъ единственную благопріятную почву въ средѣ землевладѣльческой аристократіи, возвышавшейся надъ всеобщей нищетой, невѣжествомъ и рабствомъ. Въ этой средѣ она выразилась въ формѣ стремленія къ свободѣ и раскрѣпощенію и подняла первую волну, направленную противъ главнаго врага свободы — деспотизма.

По мѣрѣ матеріальнаго, а съ нимъ и духовнаго роста страны идея всеобщаго счастія, въ формѣ смѣси либерализма и идеалистическаго соціализма, получила въ 40-хъ годахъ почву въ средѣ болѣе широкой, но менѣе способной къ сплоченію, средѣ образованнаго средняго дворянства и чиновничества. Волненіе въ этой средѣ ограничилось умственной областью и не дало сколько-нибудь замѣтной революціонной волны, которая могла бы поколебать старые устои.

Дальнѣйшій ростъ страны выдвинулъ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ на сцену историческаго движенія новый слой мелкаго дворянства и пробивающаго себѣ дорогу разночинства и расширилъ поле распространенія соціализма.

Широкое освободительное движеніе одновременно со стихійнымъ движеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ угрожало дать такую волну, которая могла бы смыть вмѣстѣ съ крѣпостнымъ строемъ и всѣ устои деспотизма, но движеніе это было временно ослаблено. Деспотизмъ пошелъ на временныя уступки и своей такъ называемой «эпохой великихъ реформъ» разъединилъ оппозиціонныя силы страны.

Вызванныя къ жизни эпохой освобожденія новыя общественныя силы разночинской интеллигенціи придали движенію новый характеръ. Начавъ въ 60-хъ годахъ съ либерализма и нигилизма, въ 70-хъ годахъ движеніе учащейся молодежи превратилось въ бурную волну революціоннаго соціализма, подхватившую всѣ оппозиціонныя силы страны. Но и эта волна разбилась въ отчаянной схваткѣ со старымъ порядкомъ. Старому политическому порядку суждено было сдѣлаться охранителемъ новаго буржуазнаго экономическаго строя и войти съ нимъ въ тѣсный контактъ. Порожденная этимъ строемъ новая среда промышленныхъ рабочихъ явилась благопріятной почвой для воспріятія пролетарскаго соціализма. И вотъ хлынула противъ отживающихъ твердынь ненавистнаго всѣмъ строя новая, на этотъ разъ широкая, пролетарская волна, приводящая также въ движеніе всѣ къ тому времени сохранившіяся революціонныя и оппозиціонныя

силы. Слившееся въ одну сильную волну движеніе рабочихъ и интеллигентскихъ слоевъ 17-го октября 1905 года пошатнуло твердыни стараго строя, но далеко ихъ не разрушило. Эта мощная волна еще не успѣла улечься, какъ за ней надвинулся новый валъ крестьянскаго движенія, котораго мы коснулись въ концѣ своего очерка.

Прослѣживая этотъ процессъ внѣдренія соціалистическихъ идей въ русскую жизнь, мы видѣли, что пуская корни въ новые болѣе и болѣе глубокіе слои русскаго общества, сами идеи мало-по-малу претерпѣвали измѣненія, онѣ болѣе и болѣе приспособлялись къ дѣйствительности, принимали болѣе реальныя формы, отсюда вытекли подраздѣленія программы на программу максимумъ и программу минимумъ, осуществимую въ буржуазныхъ условіяхъ общества. Въ наше время революціоннаго сдвига всего русскаго уклада жизни, который не можетъ не отразиться на соціально-политическихъ отношеніяхъ и другихъ странъ, вопросъ о границахъ между максимальными и минимальными требованіями дѣлается крайне шаткимъ. Мы видимъ, что революціонная жизнь Россіи развивается все шире и шире. Мѣстами она превращается въ буйные потоки, готовые смыть всякую преемственность съ ближайшимъ прошлымъ. На ряду съ преобладающими теченіями въ предѣлахъ государственности наблюдаются теченія, чисто анархическаго характера. На ряду съ реформистскими теченіями въ области экономическихъ отношеній проявляются неорганизованныя анархическія выступленія, не считающіяся ни съ какими правовыми нормами. Русскій капитализмъ на ряду съ присущей самой его природѣ анархіей — анархіей производства — своей дѣятельностью за время войны далеко не способствовалъ укрѣпленію правовыхъ нормъ», наоборотъ, своими баснословными процентами къ казенныхъ подрядовъ по «оборонѣ отечества» онъ окончательно себя скомпрометировалъ. О земельныхъ отношеніяхъ говорить много также не приходится. Здѣсь идетъ полная переоцѣнка нормъ земельныхъ отношеній. Какое же русло проложитъ себѣ новая жизнь послѣ революціоннаго разлива? Войдетъ ли она въ прежніе берега, и наступитъ ли господство буржуазіи и «расцвѣтъ капиталистической промышленности», какъ предсказывали соц.-демократы еще въ 1905 году? Или вихревыя анархическія движенія превратятся въ ураганъ, въ которомъ при современныхъ военныхъ условіяхъ «погибнутъ борющіеся классы», по выраженію Маркса, когда онъ говоритъ въ «Манифестѣ коммун. партіи» о возможныхъ исходахъ классовой борьбы; или, наконецъ, революціонный сдвигъ выведетъ страну на широкую

дорогу общественнаго переустройства въ направленіи къ соціализму въ рамкахъ государственности.

Принимая во вниманіе ходъ организаціоннаго процесса среди всѣхъ слоевъ демократіи и вѣря въ творческую силу русскаго генія, мы склонны ожидать, что послѣ ряда, быть-можетъ, тяжкихъ испытаній, грозящихъ возвратомъ къ прошлому или „гибелью борющимся классамъ“, намъ все же въ концѣ концовъ удастся выбраться на новую дорогу.

Возвратимся же теперь къ поставленному выше вопросу о дальнѣйшей судьбѣ соціалистической мысли. Подъ вліяніемъ весенняго разлива мысль переживаетъ тотъ же процессъ, который совершается и въ общественной жизни. Съ одной стороны мы наблюдаемъ усиленное дробленіе соціалистическихъ теченій (большевики, меньшевики, оборонцы, меньшевики-интернаціоналисты, меньшевики-единенцы, соц.-революціонеры, народные соціалисты, трудовики, синдикалисты, анархисты и т. д.). Въ то же время наблюдается стремленіе въ соціалистическихъ кругахъ къ перегруппировкѣ, къ «соединенію церквей», къ объединенію на общихъ основахъ соціалистическихъ стремленій.

Укажемъ на самое главное. Основнымъ вопросомъ, яблокомъ раздора между народническими теченіями и соціалъ-демократизмомъ съ самаго его возникновенія былъ аграрный вопросъ. Подъ давленіемъ силы фактовъ соціалъ-демократы вынуждены были постепенно отступать съ занятой ими первоначально позиціи. Въ настоящее время наблюдается, если не принципіальное, не теоретическое, то практическое сближеніе обоихъ лагерей въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса.

Въ то же время и въ западной Европѣ по всему соціалистическому фронту произошелъ крупнѣйшій переворотъ въ области соціалистической мысли по аграрному вопросу не только на практикѣ, но и въ теоріи. Современные соціалисты Запада признали: 1) «неправильность своихъ прежнихъ взглядовъ о неизбѣжности концентраціи (скопленія въ однѣхъ рукахъ) земельной собственности и производства въ сельскомъ хозяйствѣ». Во-2-хъ, они считаютъ «необходимымъ *планомѣрное вмѣшательство* въ историческій процессъ, переходъ къ непосредственному творчеству новыхъ соціальныхъ и экономическихъ формъ въ аграрной области, не *возлагая надеждъ* на развитіе *стихійныхъ силъ*». Въ 3-хъ, они признали, что земледѣльческій капитализмъ *неспособенъ* поднять производительныя силы въ земледѣліи, и находятъ необходимымъ «*вытѣснять* его *соціализированнымъ* и *трудовымъ* хозяйствомъ, укрѣплять послѣднее и *создавать* условія для его развитія въ сто-

рону коллективизма». Въ 4-хъ, они признали *«общность основныхъ интересовъ пролетаріата и крестьянства* и находятъ нужнымъ расширить свой базисъ путемъ привлеченія въ ряды партіи земельныхъ тружениковъ и объединенія ихъ съ городскимъ рабочимъ классомъ» (Е. Сталинскій: «Аграрный вопросъ въ современномъ соціализмѣ». Русское Богатство. 1903 г. № 12).

Указанные два факта мы считаемъ первѣйшими разрушителями теоретическихъ разногласій.

Затѣмъ укажемъ слѣдующіе факты.

Въ прошломъ совмѣстная организаціонная и практическая работа дѣятелей по коопераціи, по просвѣщенію и т. п. сближала между собою соціалистовъ народническаго и соц.-демократическаго направленія. Въ средѣ обоихъ лагерей и тогда проявлялись стремленія къ единству (Н. Сухановъ: «Наши направленія». Ивановъ-Разумникъ: «Исторія русской общественной мысли» и др.).

Призывы къ слiянію всѣхъ теченій въ одну соціалистическую партію раздаются все громче и громче по всему соціалистическому фронту, за исключеніемъ большевиковъ.

Война объединила представителей соц.-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ-меньшевиковъ въ заграничный «Призывъ» для защиты родины. Бурный потокъ объединительнаго движенія рабочихъ, солдатъ и крестьянъ въ совѣты депутатовъ, въ профессіональные рабочіе и крестьянскій союзы и въ мѣстные районные комитеты для строительства новой жизни.

Затѣмъ вступленіе представителей всѣхъ соціалистическихъ теченій, за исключеніемъ большевиковъ, въ коалиціонное временное правительство.

Наконецъ, рѣшеніе партій пересмотрѣть свои программы, страдающія цѣлымъ рядомъ пережитковъ, которые имѣли свои основанія, когда партіямъ приходилось изъ подполья вести разрушительную борьбу со старымъ строемъ.

Пережитки, очевидно, утратили всякій смыслъ, когда партіи выступили на путь созданія новой жизни. Наконецъ, въ настоящее время не является новостью въ народническихъ кругахъ признаніе основныхъ положеній марксизма. Разногласіе здѣсь существуетъ главнымъ образомъ въ практическомъ приложеніи принциповъ къ современнымъ условіямъ русской дѣйствительности.

Съ другой стороны и въ соціалъ-демократическомъ лагерѣ крестьянскій черепъ пересталъ считаться непроницаемымъ для идей

соціализма, какъ это было въ былые годы идейной борьбы.

Перечисленныхъ фактовъ, полагаемъ, достаточно для того, чтобы дать отвѣтъ на заданный вопросъ о томъ, какой ближайшій этапъ соціалистической мысли насъ ждетъ? Не нужно быть пророкомъ, чтобы съ большей вѣроятностью отвѣтить: пересмотръ программъ при свѣтѣ дня неизбѣжно приведетъ къ объединенію главныхъ соціалистическихъ теченій и созданію единой партіи, направляющей творческую работу трудовыхъ слоевъ населенія по равнодѣйствующей линіи. Мы не исключаемъ разногласій внутри партій, но они подъ давленіемъ необходимости спѣшной работы не будутъ имѣть такой силы, какую имѣли раньше. Не исключаются отсюда также и непримиримыя крайнія теченія общественной мысли,—они очевидно сложатся въ особыя боковыя теченія, опирающіяся на анархическіе слои демократіи

Надо ожидать, что въ самое ближайшее время на обоихъ фронтахъ—промышленномъ и земледѣльческомъ—поведетъ правильное планомѣрное наступленіе единая россійская соціалистическая армія труда, связанная интернаціональными узами съ союзными трудовыми арміями. Анархическія выступленія останутся, но они не будутъ страшны.

Движеніе къ объединенію старыхъ дореволюціонныхъ группировокъ можетъ тормозиться нѣкоторое время препятствіемъ, какъ говорится, психологическимъ. Руководители и писатели различныхъ направленій россійскаго соціализма не всегда смогутъ достаточно скоро отрѣшиться отъ старыхъ привычекъ мысли и чувства нѣкоторой враждебности къ своимъ былымъ идейнымъ противникамъ. Но мы вѣримъ, что единая трудовая армія, взявъ рѣшеніе судебъ Россіи въ свои руки и осознавъ, куда она идетъ, побудитъ и вождей соціализма не разбивать арміи своими разногласіями.

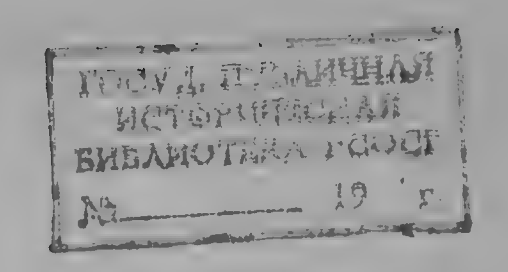
БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

**обіями при составленіи настоящихъ очерковъ служили по преиму-
ществу слѣдующія сочиненія:**

арное движеніе въ Россіи въ 1905—6 гг. Спб. 1908 г.
имовъ (Махновецъ) В. Очеркъ развитія социалъ-демократіи въ Россіи. Спб. 1906 г.
сельродъ. Борьба соціалист. и буржуазныхъ тенденцій въ рус. рев. движ. 2-ое изд. 1907 г.
екманъ. Изъ исторіи революціоннаго народничества. Изд. Суратъ. 1907 г.
ненковъ. Литературныя воспоминанія. 1909.
сеньевъ К. К. Критическіе этюды по русской литературѣ. Т. I и II. 1888 г.
илевскій (Богучарскій). Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Т. I—III. 1903—1904.
кунинъ. Собраніе сочиненій. Спб. 1906 г. (вышло только 2 т.).
уринъ. Очеркъ исторіи соціалъ-демократіи въ Россіи. Москва. 1906.
ьтовъ (Плехановъ). Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Спб. 1895 г. 3-е изд. 1908 г.
учарскій В. Я. Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904 г.
же. Изъ исторіи полит. борьбы въ 70—80 гг. XIX в.
же. Активное народничество 70-хъ годовъ. М. 1912 г.
оцевъ В. За сто лѣтъ 1800—1896. Лондонъ. 1897.
тинъ (Плехановъ). Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.). Спб. 1896 г.
хи», какъ знаменіе времени. Сборникъ.
В. (Воронцовъ). Судьбы капитализма въ Россіи. 1-ое изд. Спб. 1882 г.
же. Судьба капиталистической Россіи. 1907 г.
же. Наши направленія. Спб. 1893 г.
денинъ Ю. (Черновъ). Памяти Н. К. Михайловскаго. Книгоизд. «Земля и Воля».
ценъ. Сочиненія. Тт. I—VII. Изд. Павленкова 1905 г. (неполное); женев. изд. 11 т., 1875—79.
ъ. Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалъ-демократіи въ Россіи. 1900—1904 гг.
багорій-Мокріевичъ. Воспоминанія. Спб. 1906 г.
акшіевъ Гр. Эпоха великихъ реформъ. Москва. 1896 г.

Драгомановъ. Политическія сочиненія. Изд. Сытина. Т. I. 1908 г.
«Древняя и Новая Россія». Журн. 1877 г. Записки англичанина.
Ивановъ-Разумникъ. Исторія рус. общест. мысли. 2 т., 1-ое изд. 190
3-е изд. 1911 г.
В. Ильинъ (Ленинъ). За 12 лѣтъ. 1908 г.
Его же. Аграрный вопросъ. 1908 г.
Его же. Развитіе капитализма въ Россіи.
Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Тов. А. и И. Гранатъ и К°.
Исторія совѣта рабоч. депутатовъ. Изд. Глаголева. 1906 г. Ста
Н. Троцкаго, А. Кузовлева, Г. Хрусталева-Носаря и др.
Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II. М. 1909 г.
изд. 1907 г.
Кропоткинъ. Записки революціонера. 1906 г.
Его же. Сочиненія. Изд. «Знаніе». Т. IV. 1907 г.
Куклинъ Г. А. Матеріалы къ изученію исторіи революціоннаго движе
въ Россіи (Заграничн. изд.). 1905 г.
Его же. Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за 40 лѣтъ (186
1902). Жен. 1903.
Ленинъ. Докладъ объ объединительномъ съѣздѣ соціалъ-демократичес
рабочей партіи. Москва. 1906 г.
Лункевичъ. Н. К. Михайловскій. Изд. «Молодая Россія». Москва. 190
Лавровъ П. Л. Современное ученіе о нравственности и его исторія. О
1870 г. 4, 5, 6, 8.
Лядовъ. Исторія соціалъ-демократической рабочей партіи съ 1883 до 18
Изд. «Колоколъ». Спб. 1906 г.
Марксъ и Энгельсъ. Коммунистическій манифестъ. Съ предисловіемъ П
ханова къ русскому изд.
Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Изд. 2-е, Глаголева. 1906
Мерингъ. Исторія германской соціалъ-демократіи. 4 т.
Миртовъ (Лавровъ). Историческія письма. 3-е изд. Спб. 1906 г.
Михайловскій Н. К. Сочиненія. III и IV тт.
Морозовъ Н. Исторія моей жизни.
Наши предшественники. Изд. «Земля и Воля». Спб. 1906 г.
Ник.—онъ (Н. Даніельсонъ). Очерки нашего пореформеннаго хоз
ства. 1892 г.
Его же. Письма Маркса и Энгельса къ Н-ону. 1908 г.
Общественныя движенія въ Россіи въ началѣ XX в. под. ред. Л. Март
П. Маслова и А. Потресова. 5 т. 1909—11 г.
Петровъ Л. Двѣ программы. Изд. Распопова. Спб. 1906 г.
Плехановъ Г. В. Наши разногласія. Спб. 1906 г.
Его же. Соціализмъ и политическая борьба. Спб. 1906 г.
Его же. Дневникъ соціалъ-демократа. №№ 1, 3, 5.
Его же. Отъ обороны къ нападенію. М. 1910 г.
Потресовъ (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. 1906 г.
Протоколы объединит. съѣзда Рос.-Соц. дем. раб. партіи, сост. въ С
гольмѣ 1906 г.
Пыпинъ А. Н. Общественное движеніе при Александрѣ I.
Пѣшехоновъ. Программные вопросы. 2 в. 1907 г.
Русановъ (Кудринъ). Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908 г.

аиовъ. Къ критикѣ программы россійской соціалъ-демократіи. Спб. 1906 г.
же. Двѣ правды (Марксизмъ и народничество). 1906 г.
тиковъ. Общественное движеніе въ Россіи 1700—1895.
евскій В. И. Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ гг.
же. Рядъ статей о Петрашевцахъ въ журналахъ «Рус. Зап.» и «Голосъ Минувшаго».
бичевскій А. Сочиненія. 2 т. Спб. 1895 г.
іализація земли. Т. II. М. 1908 г.
уве П. Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. 1897 г.
епнякъ (С. М. Кравчинскій). Подпольная Россія. Изд. «Свѣточъ» 1906 г.
асовъ. Эволюція русской соціалистической мысли. Изд. «Зарница». 1906 г. Н.-Новгородъ.
Троцкій. Наша революція. Спб. 1909 г.
ъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Перев. В. Засуличъ, Кольцова и др. съ предисловіемъ Плеханова.
То же. Съ примѣчаніями Шишко.
рсовъ и Якобій. Къ пересмотру аграрной программы. Изд. «Эра». 1908 г.
еровскій (Берви). Азбука соціальныхъ наукъ. Спб. 1871 г.
-же. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Спб. 1869 г.
лліакусъ. Революціонная Россія. Спб. 1906 г. Изд. Яковенко.
реванинъ. Современное положеніе. М. 1908 г.
же. Пролетаріатъ въ революціи. М. 1907 г.
рновъ В. Марксизмъ и аграрный вопросъ. Изд. «Русское Богатство». Спб. 1906 г.
же. Къ теоріи классовой борьбы. Москва. 1906 г. Изд. «Молодая Россія».
же. Соціалистическіе этюды. М. 1908 г.
же. Соціализація земли. М. 1908 г.
рнышевскій Н. Г. Собраніе сочиненій.
шко Л. По программнымъ вопросамъ. М. 1906 г. Изд. «Молодая Россія».
-же. Кружокъ чайковцевъ (Загранич. изд.).
гельгардтъ. Изъ деревни. 2-е изд. Спб. 1897 г.
гельсъ Фридрихъ. Отъ утопіи къ научной теоріи. Спб. 1905 г. Изд. «Молотъ».
ушкинъ И. Д. Записки. Москва. 1905 г.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

